Дата выхода: 17.08.2026 г.

Студенческий электронный журнал «СтРИЖ»

№ 3(68) 2026

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство Эл № ФС77-60273 от 19 декабря 2014 года

ISSN: 2587-7658

Редакционная коллегия:
Коробченко Т.С. - главный редактор
Караваева А.С. - редактор
Спиридонова О.И. - дизайнер

strizh@vspu.ru
8 (8442) 60-28-88

СОДЕРЖАНИЕ

Великая Отечественная война: история и проблемы сохранения исторической памяти

АКИМЕНКО С.С. Преступления нацистского режима в Городищенском районе в ходе Сталинградской битвы 4

ГРИНЬКО У.Н. Роль 61-й и 81-й кавалерийских дивизий в Сталинградской битве 8

КЛИМЦОВ И.С. Сталинград в 1941–1942 гг.: к вопросу о размещении эвакуированного населения на территории города 11

МАХАЛИНА Д.В. Отражение фактов героизма и самопожертвования женщин в тылу на страницах «Сталинградской правды» 16

ПРИДАНОВА Я.Г. Положение женщин и детей в период Сталинградской битвы (по воспоминаниям детей военного Сталинграда) 21

СЛИЗОВА Е.Н. Формирование нормативно-правовой базы СССР для открытых процессов над нацистскими преступниками 24

Актуальные проблемы отечественной истории

БАКОЕВА Л.А. Провинциальный театр в контексте театральной жизни России 28

БАТЫЧЕК А.А. Деятельность учреждений императрицы Марии Федоровны в сфере женского образования в первой половине XIX века 31

БЕССМЕРТНОВ С.А. Боснийский кризис 1908-1909 гг.: взгляд с российской стороны 37

ГУДИМЕНКО В.В. Роль учителя в гимназии Российской империи (XIX – начало XX века) 41

ИВАНОВА Т.В. Эволюция визуальной сатиры журнала «Крокодил» в контексте общественно-политических изменений в СССР: от позднего сталинизма к «оттепели» (1946–1964 гг.) 46

КУЛИКОВА Д.А. «Иноверцы» в русских летописях: образ и восприятие нехристианских конфессий в древнерусском летописании (XI–XV вв.) 52

КУЛИКОВА Д.А. Институты и дискурсы формирования образа «иноверца» в Российской империи (XIX – начало XX в.) 55

МАЛЫШКОВА А.А. Образы декабристов в русской поэзии XIX–XX вв.:
к 200-летию восстания декабристов 59

МАТРЕННИКОВА М.Н. Фольклорные герои М.А. Врубеля 64

ФИЛАТОВА К.В. Отражение образа Ивана IV в историографии позднего
советского периода 71

ШЛЫЧКОВА А.А. Особенности развития высшего образования в России
во второй половине XIX века 74

История Нижневолжского региона

АРТЕМОВ П.А. Организация ремонтных баз танков и двигателей и их работа
в Сталинградской области за период 1943–1944 гг. 77

БАБЕНКО С.П. Благотворительность как инструмент социальной политики
в Саратовской губернии в XIX – начале XX в. 83

БЕРЕЗЕНЦЕВ С.А. С.К. Минин и его роль в событиях революции
и Гражданской войны в Царицыне 87

ЗАХАРОВ С.В. Позднесарматские погребения из курганного могильника Писарёвка-II 91

МАТРЕННИКОВА М.Н. Студенчество Царицына в революционных событиях н. XX в. 102

САЖИН Я.А. К вопросу о критериях определения статуса погребенного
срубной культуры Нижнего Поволжья 106

СЕМЕНОВА А.В. Маркеры переходных обрядов детства в раннесарматском обществе
(по материалам курганного могильника Первомайский VII) 112

СКВОРЦОВА Е.А. Особенности оформления изображений животных на предметах
из сарматских погребений юга России (Подонье, Нижнее Поволжье,
Северное Причерноморье) 116

СОКОЛОВА А.В. Становление и развитие социальной инфраструктуры
города Волжского в 1950-е годы 119

ХОХЛОВА А.А. Керамика русского населения Нижнего Поволжья в XIII–XIV вв.:
к историографии вопроса 124

Великая Отечественная война: история и проблемы сохранения исторической памяти

УДК 93/94

С.С. АКИМЕНКО
(s-s-akimenko@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ГОРОДИЩЕНСКОМ РАЙОНЕ В ХОДЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ*

Статья посвящена анализу преступлений нацистов в Городищенском районе Сталинградской области. На основе документального материала выявляются формы и методы геноцида. Приводятся доказательства о системном и планомерном уничтожении людей.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Городищенский район, оккупация, нацистский режим, геноцид, военные преступления.*

В современных условиях, когда информационные войны приводят к искажению, замалчиванию и даже забвению ключевых событий, повлиявших на мировое развитие в целом, необходимо изучать задокументированные факты не только для противодействия попыткам отрицания или искажения истории, но и для сохранения коллективной памяти. В частности, о трагических событиях Великой Отечественной войны – геноциде мирных граждан в период полной или частичной нацистской оккупации районов Сталинграда и области.

В 2025 г. было опубликовано масштабное исследование коллектива авторов ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» «Сталинград. Без срока давности. Геноцид на территории Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны» [4], в котором аргументированно раскрывается, что «в оккупированных сельских и городских районах нацисты, озлобленные упорством защитников Сталинграда, установили режим террора, грабежа и насилия» [Там же, с. 139].

Автором заявленной темы ранее была предпринята попытка раскрыть ожесточенное противостояние частей РККА противнику в Городищенском районе [1]. В данной работе документально проследим политику нацистского геноцида в период оккупации района.

Оккупация Городищенского района немецкими войсками с августа 1942 по январь 1943 г. сопровождалась не только военными преступлениями, но и планомерной уничтожением мирных граждан. На территории района была создана единая система лагерей, направленная на физическое уничтожение советских военнопленных и мирного населения. Как следует из обобщающих данных, собранных местными советскими и партийными органами сразу после освобождения, на территории района действовало не менее 13 лагерей, где погибло свыше 30 тысяч человек. Это были не разрозненные пункты содержания, а звенья преступного механизма, действовавшего по единой установке высшего германского командования об истреблении советских людей как «неполноценных».

Немецкая оккупационная администрация организовала в Городищенском районе целостную сеть лагерей. Эта система, географически привязанная к важнейшим пунктам района и включавшая учреждения разного назначения (пересыльные, трудовые, концентрационные лагеря). Каждый лагерь играл свою роль в рамках общей стратегии геноцида.

Одним из первых в районе стал крупнейший пересыльный лагерь «Дулаг-205» у села Алексеевка. Согласно докладной записке начальника Главного управления контрразведки «Смерш» В.С. Абакумова от 2 сентября 1943 г., адресованной руководству страны лагерь был рассчитан на 1200 человек,

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Акименко С.С., 2026

но содержалось до 4–6 тысяч [5, Л. 25]. Далее в документе приводятся показания обер-квартирмейстера 6-й армии фон Куновского, который подтвердил прямой приказ о прекращении снабжения продовольствием с декабря 1942 г., что привело к гибели от голода свыше 3000 человек. Смертность достигала 50–60 человек в сутки. А офицер абвера Лянгхельд указал на идеологическую основу: отношение к пленным как к «неполноценным» людям и «рабочему скоту», которых целенаправленно истребляли [Там же, Л. 25–26].

В хуторе Вертячем был организован лагерь местной оккупационной администрацией для содержания и использования рабочей силы на строительстве укреплений. Согласно протоколу опроса свидетелей от 21 июня 1943 г., в лагере содержалось около 2000 военнопленных, использовавшихся на рытье окопов и блиндажей. Кормили один раз в день 100 граммами пареной ржи и куском павшей конины. После освобождения было обнаружено 87 трупов со следами жестоких пыток: «с отрезанными ушами, носами и пальцами, с выколотыми глазами» [6, Л. 28–29об.].

В хуторе Гослесопитомник Карповского сельсовета лагерь создавался для обеспечения рабочей силой стратегического объекта – аэродрома. По акту, составленному Сталинградской областной чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (СЧГК), 23 июня 1943 г., в землянках размером 2,5 на 4,5 метра содержали по 20–25 человек. Большинство из 230 обнаруженных трупов «померли от голода», часть была найдена «с распоротыми животами… были взяты на съедение самими военнопленными». Через лагерь прошло около 1700 человек, ежедневно умирало 18–20 человек [2, Л. 5].

Актом СЧГК от 30 июня 1943 г. было установлено, что в хуторе Кузьмичи был создан временный пункт для сбора, фильтрации и этапирования как военнопленных, так и мирного населения. В документе жители х. Кузьмичи показали, что 12 октября 1942 г. всё население (более 230 человек) было согнано и пешим этапом отправлено на станцию Гумрак, а затем в тыл. Людей содержали под открытым небом, не давая пищи и воды, что привело к гибели детей и стариков [3, Л. 3–3об.]. Аналогичный пункт был создан в Россошках. Они были начальным звеном в цепи депортации и уничтожения мирного населения.

Анализ документов позволяет утверждать, что сеть лагерей в Городищенском районе была целенаправленно организована и иерархична. От пунктов сбора (Кузьмичи) и пересыльных центров (Алексеевка) до объектных лагерей (Питомник) и фронтовых мест уничтожения (Россошки) – все звенья этой системы работали на реализацию единой задачи: планомерного уничтожения людей в рамках политики геноцида.

Подчеркнем, убийства людей в Городищенском районе не были случайными совпадениями, а частью плана. Во-первых, лагеря были разбросаны по всей территории, что указывает о заранее продуманных преступлениях. Во-вторых, методы, используемые в этих лагерях, повторялись «один в один», даже в тех, что находились далеко друг от друга. Документы доказывают: нацисты намеренно создавали условия, при которых люди умирали в массовом порядке и постоянно жили в страхе. Создание условий для смерти от голода и холода было главным способом.

Так, в акте о лагере в хуторе Гослесопитомник от 23 июня 1943 г. комиссия отметила, что большинство умерли от голода, а узников держали в землянках, куда немцы загоняли по 20–25 человек, а остальные ночевали на улице [2, Л. 5].

А вот что изложил в докладной записке начальник «Смерш» В.С. Абакумов 2 сентября 1943 г. Он ссылался на слова коменданта Керперта и указывал, что с 5 декабря 1942 г. в лагерь вообще перестали что-либо привозить. Это было распоряжение штаба 6-й армии. И из-за этого каждый день умирало по 50–60 человек! Но и это ещё не всё. Медицинскую помощь не оказывали вообще, что только ухудшало положение. Раненых и больных просто бросали умирать. В том же документе по Алексеевке сказано, что раненым бойцам и командирам, которых избивали фашисты, никто не помогал. И из-за этого «их тела начинали гнить, в ранах заводились черви, отваливались руки и ноги» [5, Л. 25–26].

© Акименко С.С., 2026

Показания офицеров «Дулаг-205», приведённые в докладной В.С. Абакумова, также свидетельствуют о повседневных избиениях палками и травле заключённых собаками. Показательные расстрелы и принцип коллективной ответственности служили средством подавления любого сопротивления. В акте по с. Алексеевка описана расправа за попытку побега: «…немцы выстроили весь лагерь… отсчитав каждого десятого, тут же их расстреляли» [5, Л. 25]. Там же зафиксирован расстрел всей семьи (отца, матери, дочери и внучки) за укрывательство трёх беглецов [Там же].

Крайним проявлением созданного нацистами ада, доводившего людей до потери человеческого облика, стали преступления против человечности, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные из Акта по х. Гослесопитомник [2, Л. 5–5об.].

Узники «Дулаг-205» в своём акте свидетельствовали: «Находившиеся в лагере, раненные в бою танкист и студент… съев сырое человеческое мясо, умерли, а их тела были также съедены другими» [5, Л. 26].

Вышеуказанные документы свидетельствуют о единообразии методов нацистов во всех лагерях: планомерный голод, отказ в лечении, пытки, показательные казни и порождаемые этим адом акты каннибализма – что является неоспоримым доказательством того, что они были элементами единой преступной системы. Эта система работала не по воле отдельных садистов, а по общему плану, имевшему своей целью физическое уничтожение советских людей.

Таким образом, представленный анализ архивных документов – актов Сталинградской областной Чрезвычайной государственной комиссии, протоколов опросов свидетелей, докладных записок органов «Смерш» и показаний непосредственных исполнителей – позволяет сделать однозначный вывод о том, что на территории Городищенского района в период оккупации действовала единая, централизованно управляемая и идеологически мотивированная система лагерей уничтожения.

Система лагерей была функционально дифференцированной и географически распределённой, образуя законченную цепь уничтожения. Она включала в себя крупный пересыльный центр («Дулаг-205» в Алексеевке), где сознательно прекращалось снабжение; специализированные лагеря при военных объектах (аэродром «Питомник»), где смертность от голода и холода была поставлена на поток; лагеря полевых комендатур (Вертячий), где применялись изощрённые пытки и показательные казни; вспомогательные пункты сбора (Кузьмичи) для этапирования населения; фронтовые зоны массовых захоронений (Россошки).

Решающим доказательством системности является единообразие методов уничтожения, применявшихся лагерях района. Систематическое лишение пищи, неоказание медицинской помощи, истязания, демонстративные казни – документально установлены и зафиксированы.

Созданная нацистами в Городищенском районе система реализовала политику геноцида в отношении советского народа через его физическое истребление, что в полной мере соответствует юридическому определению данного преступления.

Литература

1. Акименко С.С. Боевые действия в Городищенском районе на оборонительном этапе Сталинградской битвы // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2025. № 3(62). С. 5–8. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1752763586.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

2. Акт Сталинградской областной чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (СЧГК) от 23 июня 1943 г. // ГАВО. Ф.Р-6088. Оп. 1. Д. 363. Л. 5–5об.

3. Акт Сталинградской областной чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (СЧГК) от 30 июня 1943 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–3об.

4. Белицкая М.А., Болотов Н.А., Болотова Е.Ю. [и др.] Сталинград. Без срока давности. Геноцид на территории Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны. Волгоград: Волгоградская областная организация ветеранов, 2025.

5. Докладная записка начальника Главного управления контрразведки «Смерш» В.С. Абакумова от 2 сентября 1943 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р-6088. Оп. 1. Д. 364. Л. 25–26.

6. Протокол опроса свидетелей х. Вертячего от 21 июня 1943 г. // ГАВО. Ф.Р-6088. Оп. 1. Д. 363. Л. 28–29об.

© Акименко С.С., 2026

SERGEY AKIMENKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE CRIMES OF THE NAZI REGIME IN THE GORODISHCHENSKY DISCTRICT DURING THE BATTLE OF STALINGRAD

The analysis of crimes of the Nazis in the Gorodishchensky district of the Stalingrad region is described. On the basis of the document material the forms and methods of genocide are revealed. There are given the evidences about the systematic and planned destruction of people.

Keywords: *the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, the Gorodishchensky district, occupation, Nazi regime, genocide, war crimes.*

© Акименко С.С., 2026

УДК 94(470) «1942/1943» +357.1

У.Н. ГРИНЬКО
(ul.grinko@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОЛЬ 61-Й И 81-Й КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ*

Опираясь на анализ научных публикаций и биографических сведений, исследуется процесс формирования и значение 61-й и 81-й кавалерийских дивизий в достижении победы в Сталинградской битве.

Ключевые слова: *Сталинградская битва, дивизии, сражения, кавалеристы, военные задачи.*

Кавалерийские дивизии, обладая высокой степенью маневренности играли важнейшую роль в ходе оборонительных и наступательных операций Великой Отечественной войны. Несмотря на развитие техники и появление танков и самолётов, кавалерия продолжала участвовать в решении специальных задач. Она была нужна для быстрой разведки и связи между разными участками фронта и подразделениями. В Сталинграде, в условиях тотальных разрушений и уличных боёв, кавалеристы показали себя отважными и сильными бойцами. Они быстро передвигались по городу, устраивали засады и помогали пехоте. Их присутствие говорило о стойкости, храбрости и духе сопротивления советских людей, готовых драться за каждую улицу и каждый дом, несмотря ни на что.

17 июля 1942 г. началась масштабная Сталинградская битва, которая стала одним из ключевых событий Второй мировой войны. Внимание всего мира было сосредоточено на этом сражении, поскольку исход боевых действий на Волге определял судьбу всей войны. 23 августа 1942 г. немецкие танки подошли к окраинам Сталинграда, и город стал местом ожесточенных боев и постоянных налетов немецкой авиации. На земле шли тяжелые бои: 24-я танковая дивизия, 14-й танковый корпус и другие части вермахта вели активное наступление, прорвали оборону 62-й и 64-й армий, вышли к рекам Чир и Волга, и пытались захватить важные точки, такие как Мамаев курган и Тракторный завод [2].

Особо важную роль в обороне и освобождении Сталинграда сыграли 61-я кавалерийская дивизия, командиром которой на момент Сталинградской битвы являлся полковник Ставенков Анатолий Васильевич [8], а также 81-я кавалерийская дивизия командиры: полковник Баумштейн Василий Григорьевич, полковник Скороход Антон Филиппович [1, 7].

Участие кавалерии имело особое значение во время войны, когда не хватало техники и ресурсов. Проявив героизм, стойкость и мужество, кавалеристы внесли значимый вклад в исход Сталинградской битвы в пользу советского народа. Обратимся к анализу деятельности каждой дивизии подробнее.

61-я кавалерийская дивизия начала свое формирование в сентябре 1941 г. в Таджикистане [6]. 5 июня 1942 г. Ставенков Анатолий Васильевич вступил в командование 61-й кавалерийской дивизией [8]. 21 сентября 1942 г. дивизия вошла в состав 4-го кавалерийского корпуса и по приказу ГШ РККА начала погрузку на ст. Сталинабад для отправки на фронт. В пути дивизия была 30 суток, имея первую задачу следовать на ст. Красноводск, но не доехала 70 км [3]. Директивой Ставки ВГК № 170647 от 10.10.1942 г. корпус был передан в состав Сталинградского фронта, и маршрут был изменен в направлении Камышина [6].

13 октября дивизия вошла в состав Сталинградского фронта. Чтобы избежать потерь от немецких бомбардировок и запутать врага, переходы совершали только ночью. Выполнение задач, стоявших перед кавалерией, были осложнены сильными морозами. Это повлияло на работоспособность дивизии и многочисленной гибели бойцов, не привыкших к холоду. В итоге от обморожения умерло 12 человек и 12 лошадей. Всего, с момента погрузки в вагоны и до прибытия на место, 61-я кавалерийская дивизия потеряла 12 человек погибшими, 55 – отставшими, и 57 лошадей [Там же].

20 ноября 1942 г., когда началось контрнаступление, 4-й кавалерийский корпус получил приказ действовать. Эта дивизия, будучи частью 51-й армии, прорвалась через брешь между озерами Цаца

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Гринько У.Н., 2026

и Барманцак. В районе Абганерово кавалеристы нанесли серьезное поражение 5-му егерскому полку румын. В результате этой операции было захвачено знамя полка, около 200 солдат противника попали в плен, а также было взято большое количество оружия и склады 6-го румынского армейского корпуса. Особое значение имело взятие железнодорожной станции и населенного пункта Абганерово. 61-я кавалерийская дивизия, взяв под контроль эти объекты, лишила противника ближайшей точки, откуда он мог бы наносить удары по флангам и тылу советских войск, которые продвигались вперед. Это существенно ослабило позиции врага и затруднило его дальнейшие действия в этом районе. Операция под Абганерово сыграла важную роль в успехе контрнаступления [3].

Действуя самостоятельно, вдали от главных сил корпуса, дивизия нанесла сокрушительное поражение 8-й румынской кавалерийской дивизии в окрестностях Соленой Сопки. В результате этого успешного маневра было захвачено значительное количество трофеев, включая около тридцати артиллерийских орудий, более пятидесяти станковых пулеметов, а также другое вооружение, существенно повысив боевой потенциал дивизии и ослабив позиции противника на данном участке фронта. Победа под Соленой Сопкой стала важным этапом в развитии дальнейших наступательных операций и укрепила репутацию дивизии как боеспособного и инициативного подразделения [Там же].

При планировании военных операций советское командование делало высокую ставку на боеспособность кавалерийских дивизий. Так, когда стало известно о планах гитлеровцев переходить в наступление 12 декабря, было решено поставить 61-ю кавалерийскую дивизию в противотанковую оборону вдоль реки Аксай.

Оборону сделали в два эшелона, а перед обеими линиями окопов поставили минные поля и создали сильный подвижный резерв против танков. Во время ночного рейда в плохих дорожных условиях дивизия освободила 22 села и 5 декабря соединилась с частями 4-го кавалерийского корпуса. К 9 декабря 1942 г. дивизия заняла оборону вдоль реки Аксай, взяв линию Бирюков, Дорофеевка, Водянский, Заливский. В приказе от командующего 51-й армией было указано, что 61-й кавалерийской дивизии надо перейти к жёсткой обороне на занятом рубеже [6].

С 19 декабря 1942 г. дивизия воевала в составе 2-й гвардейской армии на Сталинградском фронте. Утром 20 декабря дивизия сосредоточилась под Верхнечирским, подготовив противотанковую оборону, а после заняла позиции по восточному берегу Дона [4].

Во время Котельниковской операции её подразделения отбивались от войск группы армий Дон, рвавшихся к Сталинграду, чтобы вызволить 6-ю немецкую армию из окружения. В начале января 1943 г. дивизию отправили в резерв корпуса, а 13 января – в резерв Южного фронта, где она пополняла ряды и тренировала личный состав [Там же].

Изучение боевого пути 61-й кавалерийской дивизии показывает, что она играла важную роль во время Сталинградской битвы как в стратегии, так и в тактике. Ее участие в прорывах, захвате важных мест и уничтожении врага очень помогло в выполнении задач фронтовых операций, особенно при прорывах и окружениях. 61-я кавалерийская дивизия показала себя как боеспособное и важное подразделение, которое помогало советским войскам быстро двигаться и внесла свой вклад в победу над врагом.

81-я кавалерийская дивизия формировалась в сентябре 1941 г. в городе Джамбул Кавказской ССР, в ноябре вошла в состав 4-го кавалерийского корпуса [5].

В июне 1942 г. полковник Василий Григорьевич Баумштейн стал командиром 81-й кавалерийской дивизии, которая дислоцировалась в Кушке. 20 сентября 1942 г. подразделения дивизии были переброшены по железной дороге в Красноводск, затем морем в Астрахань, далее на баржах и пешим маршем вдоль Волги в район поселков Райгород и Светлый Яр, в 15–20 км к юго-востоку от Бекетовки. В конце октября 1942 г. дивизию переместили под Сталинград, включив ее в состав 51-й армии Сталинградского фронта [1].

Дивизию бросили в прорыв, чтобы усилить наступление основных сил армии. Когда 21 ноября 1942 г. началось контрнаступление, дивизия в составе 4-го кавалерийского корпуса тоже была направлена в прорыв, чтобы помочь главным силам развить успех. К концу дня 23 ноября дивизия взяла Жутово-1 и Аксай [5].

© Гринько У.Н., 2026

Действуя по своему усмотрению, дивизия неожиданно пошла в атаку и прорвалась в западную и северо-западную части Котельниково, где противник перешел в контратаку, обошел левый фланг наших войск, зашел в тыл и вынудил дивизию отойти на прежние позиции. Тем не менее, возле Верхне-Яблочного дальнейшее продвижение врага было остановлено, наши бойцы удержали рубеж. В тяжелом бою 4 декабря 1942 г. погиб полковник В.Г. Баумштейн [1].

В начале декабря А.Ф. Скороход принял командование 81-й кавалерийской дивизией, заменив погибшего полковника В.Г. Баумштейна [7]. Уже в середине декабря дивизия вступила в Котельниковскую операцию. Их задача была остановить немцев, рвавшихся к Сталинграду, чтобы деблокировать окружённую там группировку. 8 января 1943 г. дивизию перевели в резерв 4-го кавалерийского корпуса, а 13 января – в резерв Южного фронта, где она получила пополнение и проводила боевую подготовку [5].

Участие дивизии в прорывах, рейдах и обороне показало, как важна была кавалерия в быстроменяющихся и трудных боях. Гибкость и скорость дивизии помогали советским войскам добиваться важных побед. Потери командиров и потребность в новых солдатах говорили о больших потерях и сложности задач. Однако 81-я кавалерия играла важную роль в наступлениях и обороне во время Сталинградской битвы.

Подводя итог, необходимо отметить, что конница сыграла большую роль в Сталинградской битве. Кавалерия била по флангам и брешам в обороне врага, заходила в тыл и мешала работе вражеских служб. Под Сталинградом кавалеристы часто шли в сабельные атаки. Конные корпуса продолжали воевать и после контрнаступления под Сталинградом, помогая победить вражескую группировку. Кавалерия легко проходила не только по открытой местности, но и по оврагам и балкам, заходя в тыл и во фланг неприятелю. Все это показывает, насколько были важны кавалерийские дивизии в Сталинградской битве, благодаря их отважной работе боевые операции становились победоносными для Красной Армии.

Литература

1. Баумштейн Василий Григорьевич // Память народа. 1941–1945. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander1505/ (дата обращения: 29.11.2025).
2. Дзюбан В.В. Сталинградская битва: Величие и наследие победы. // Архонт. 2020. № 2(17). С. 9–14.
3. Журнал боевых действий штаба 61 кд (с 21.09.1942 по 21.11.1942 г.) // ЦАМО. Ф. 3585. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=10232239 (дата обращения: 01.12.2025).
4. Журнал боевых действий штаба 61 кд с 20.12.42–15.4.43 // ЦАМО. Ф. 3585. Оп. 1. Д. 14. Л. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=10204269 (дата обращения: 01.12.2025).
5. Журнал боевых действий 81 кд (20.09.1942–12.03.1943 г.) // ЦАМО. Ф. 3469. Оп. 1. Д. 12. Л. 188. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110227276 (дата обращения: 29.11.2025).
6. Олимов М.А. Шерматов Г.А. Боевые действия 61-й кавалерийской дивизии сформированной в Таджикистане на Сталинградском фронте с 1.10.1942 по 14.1.1943 г. // Вестник Педагогического университета. 2021. № 6(95). С. 298–308.
7. Скороход Антон Филиппович // Память народа. 1941–1945. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander2027/ (дата обращения: 29.11.2025).
8. Ставенков Анатолия Васильевич // Память народа. 1941–1945. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3QeNkZ (дата обращения: 01.12.2025).

ULYANA GRINKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF THE 61ST AND 81ST CAVALRY DIVISIONS IN THE BATTLE OF STALINGRAD

On the basis of analysis of research papers and biographical material there is studied the process of formation and significance of the 61st and 81st cavalry divisions in the achievement of victory in the Stalingrad battle.

Keywords: *the battle of Stalingrad, divisions, battles, cavaliers, military commitments.*

© Гринько У.Н., 2026

УДК 355.244.211

И.С. КЛИМЦОВ
(iklimtsov@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТАЛИНГРАД В 1941–1942 ГГ.: К ВОПРОСУ О РАЗМЕЩЕНИИ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА*

Статья посвящена анализу процесса размещения в Сталинграде эвакуированного гражданского населения в 1941–1942 гг. На основе архивных документов исследуются механизмы и практики приема, расселения и социального обеспечения эвакуированного населения в г. Сталинград, сложности в этом процессе. Делается вывод о результативности проводимых мероприятий.

Ключевые слова: *эвакуация, Сталинградская битва, Великая отечественная война, мирное население, тыл.*

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории нашей страны, в том числе кардинально изменив демографический и социальный состав советских городов. Сталинград с лета 1941 г. параллельно превратился в крупнейший центр приема эвакуированного населения из западных районов СССР, а также в тыловой город, снабжавший фронт танками, оружием и боеприпасами. Если военные аспекты Сталинградской битвы фундаментально изучаются, то вопросы, связанные с организацией эвакуационных мероприятий в указанный период, остаются в значительной степени малоизученными. Исследованием этой проблемы занимаются В.В. Федотов [13], В.С. Меркурьева [5, 6], С.С. Белоусов.

Целью настоящей статьи является анализ системы размещения эвакуированного населения на территории Сталинграда в 1941–1942 гг.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе проблемы на основе широкого круга архивных источников, что позволяет увидеть не только официальную директивную картину, но сложности, с которыми сталкивались как местные власти, так и сами эвакуированные.

Следует отметить, что юридической основой для организованной эвакуации гражданского населения и материальных ценностей в начальный период войны стало Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [7]. Этот документ устанавливал конкретные задачи, приоритеты и последовательность эвакуационных мероприятий. Другой ключевой документ – Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. [2] предписывала уничтожать на месте любое имущество, которое не представлялось возможным вывезти, чтобы оно не досталось противнику.

Организационную структуру органов государственной власти можно представить следующим образом: центральное место в системе занимал Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с И.В. Сталиным, а также Совет по эвакуации при СНК СССР, курировавший перебазирование предприятий, материальных ценностей и гражданского населения. Подчеркнем, что данный Совет был учрежден одним из первых – 24 июня 1941 г., опередив создание ГКО. 26 сентября 1941 г. при Совете организовали специальное Управление по эвакуации населения. В зону его ответственности входила разработка планов по вывозу людей из прифронтовых территорий, утверждение мест для их размещения, установление графика, последовательности и регламента проводимых мероприятий. Учитывая четкую иерархичность и последовательность, можно увидеть закономерность – эта вертикаль управления воспроизводилась и на местах: аналогичные эвакуационные отделы, контролировавшие деятель-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Климцов И.С., 2026

ность эвакопунктов, создавались при совнаркомах союзных республик, а также при краевых и областных исполкомах.

Несомненно, важным в исследовании этого вопроса является уточнение численности населения в указанный период. Наиболее общепринятая и широко распространенная точка зрения свидетельствует о том, что численность эвакуированного в Сталинград и Сталинградскую область населения в 1941–1942 гг. составляла около 400–500 тыс. чел. [11, с. 44]. Несмотря на ежегодное рассекречивание новых архивных документов, установить точное количество эвакуированных, прибывших в Сталинград, по-прежнему не представляется возможным. В рамках настоящего исследования определим численность прибывшего на территорию города и области населения регионов СССР к концу 1941 г. в районе 350 000 чел. Эта цифра складывается из следующих показателей: к середине июля 1941 г. на станции Сталинграда начали прибывать эшелоны с беженцами. За первый месяц на территории города и области было размещено более 63 тыс. человек [17, Л. 47]. К концу года масштабы значительно возросли: по состоянию на 20 декабря 1941 г. в самом Сталинграде находилось свыше 100 000 эвакуированных, а в области – 184607 чел., что практически соответствовало запланированному показателю в 185 000 чел. [14, Л. 14]. Анализ статистики за 1942 г. свидетельствует о продолжающемся интенсивном движении эвакуационных потоков через Сталинград. Так, только за февраль-март 1942 г. город пропустил и принял свыше 130 тыс. чел. При этом даже летом, в условиях приближающегося фронта, прибытие новых групп не прекращалось. Например, в июле 1942 г. в регион прибыло около 9 тыс. чел. из Смоленской области. Крупные, ключевые эвакопункты были развернуты как непосредственно в Сталинграде, так и в населенных пунктах области: в г. Калач-на-Дону, Камышине и на ст. Владимировка.

Среди прибывавшего в регион контингента можно выделить несколько ключевых групп. Наиболее массовыми были нетрудоспособные категории: прежде всего женщины с детьми, а также инвалиды и пенсионеры. Другую крупную группу представляли кадры, эвакуированные вместе с предприятиями: рабочие, инженеры, служащие. Отдельно следует отметить интеллигенцию: ученых, преподавателей, студентов и деятелей культуры [9, Л. 5].

Для оперативного решения проблем, связанных с прибытием огромного числа людей, прежде всего с территории УССР и БССР, в Сталинграде была в кратчайшие сроки создана целая система специальных учреждений. Перед созданными органами власти стояли две приоритетные задачи: обеспечение эвакуированных бытовыми условиями и их скорейшее трудоустройство. Координацию этой работы на местах с июля по ноябрь 1941 г. осуществляла областная комиссия по приему и обслуживанию эвакуированного населения. Над этой комиссией располагался областной отдел эвакуации, функционировавший с июля 1941 г. по март 1942 г. К весне 1942 г. временные структуры были преобразованы в постоянный отдел по хозяйственному устройству эвакуированных, проработавший до конца войны. Помимо всего прочего, был назначен уполномоченный управления по эвакуации по Сталинградской области, осуществлявший свои полномочия с декабря 1941 по март 1942 г. Адаптация институтов наглядно демонстрирует, что система создавалась и менялась ситуативно, в ответ на вызовы чрезвычайной обстановки.

Чрезвычайные задачи решались посредством предоставления денежной помощи. Так, в 1942 г. было получено 3603 тыс. рублей, а также одежда, обувь и предметы первой необходимости. «За 1943 год на единовременную помощь эвакуированным выделено 485000 рублей. Всего оказана единовременная денежная помощь 1349 семьям» [13, с. 315]. Масштабная материальная помощь со стороны властей, тем не менее, не решала целый комплекс повседневных трудностей. К ним относились, например, дефицит продуктов питания и предметов первой необходимости, проблемы с расселением, а также высокая доля нетрудоспособного населения среди прибывших. Следует отметить, что решение этих вопросов происходило в том числе при помощи сталинградцев. Обратившись к Докладным запискам обкома ЦК ВЛКСМ об оказании помощи в сборе вещей для эвакуированных детей, положении литовских детей, находящихся в Сталинградской области, можно увидеть, что «в городе Сталинграде

© Климцов И.С., 2026

в сапожных мастерских приготовлено 2000 пар ботинок для детей. В Баррикадном районе закуплено 11 тысяч метров мануфактуры; женщины организовали пошивку детского белья, одежды» [4, Л. 3]. Комсомол выдвинул инициативу, поддержанную Обкомом ВКП (б) и Исполкомом Облсовета о проведении сбора одежды, белья и обуви, головных уборов и других вещей среди населения в решении от 29.12.1941 г. – «молодежь лесозавода им. Куйбышева и учащиеся школы № 38, а также «активное участие в этой работе принимают сами учащиеся. Ученица 10-го класса школы № 9 Римма Торбочкина принесла вязанную кофточку, сарафан, кепку, меховой воротник для пальто и другие вещи. Ученица третьего класса той же школы Неля Реплянская сдала теплое пальто и суконную шапочку. Такие примеры не единичны. Население охотно сдает всевозможные детские вещи» [Там же, Л. 2]. Примечательно, что Римма Торбочкина, эвакуировавшись из города в 1942 г., стала врачом, а впоследствии – заведующей глаукомным отделением ПККБ [1]. Её судьба становится наглядным воплощением преемственности гуманистических ценностей: готовность помочь ближнему, проявленная девочкой-школьницей в военном Сталинграде, выросла в профессиональное призвание и всю жизнь служила людям уже в мирное время.

В условиях острого дефицита городского жилья значительную часть эвакуированных было решено разместить в сельских районах области. Как указывает В.В. Федотов, это касалось в первую очередь наименее мобильных групп: «женщин с детьми, пожилых – размещали в деревне» [13, с. 313]. Формально их обеспечение брало на себя государство, выдавая ордера на поселение и талоны на двухразовое питание. Однако на практике основным методом расселения стало принудительное «уплотнение» в домах местных жителей. Эта мера, призванная решить жилищный кризис, имела тяжелые социальные и санитарные последствия. Крайняя скученность (при норме всего 3–4 м² на человека) и отсутствие возможности изолировать заболевших создавали условия для вспышек инфекционных болезней, от которых страдали как эвакуированные, так и принимавшие их жители.

Одним из ключевых элементов в рамках эвакуации населения на территорию Сталинграда и области являлось перемещение самой уязвимой категории населения – детей. В Сталинградской области был принят 71 детдом, где проживало свыше 8100 детей и более 700 человек персонала [16, Л. 3, 5–6]. 68 учреждений были перемещены с территорий Украинской и Белорусской ССР, три детских дома были организованны для испанских детей [6, с. 190]. К числу эвакуированных детских учреждений следует отнести и главный пионерский лагерь СССР «Артек», который был передислоцирован в регион в зимние месяцы 1941 г.

12.02.1942 г. вышло в свет объединенное решение бюро обкома ВКП(б) и исполкома областного совета депутатов трудящихся «Об организации детских столовых». Исследовав докладную записку «Об оказании помощи эвакуированным детям», адресованную ЦК ВЛКСМ, отделу школьной молодежи и пионеров тов. Коняевой, можно обнаружить результаты инспектирования детских столовых, где отмечается удовлетворительное качество питания: «по г. Сталинграду организовано и работает 5 детских столовых с общим охватом 3.868 чел. Кировский район – 913 чел., Тракторазаводский – 850 чел., Баррикадный – 550 чел., Краснооктябрьский – 850 чел., Ерманский – 700 чел.» [4, Л. 2]. Параллельно в этот период получает широкое распространение практика шефства колхозов над детскими домами. Даже в суровых условиях военного времени институт семьи сохранял свою значимость, что подтверждается масштабной кампанией по патронированию детей в Сталинграде. Только по городу было взято под опеку 330 человек. Архивные источники также зафиксировали многочисленные случаи усыновления детей сотрудниками заводов и других промышленных предприятий города – «так рабочими завода «Красный октябрь» взято на усыновление 18 чел. детей в возрасте от 3 до 5 лет, на заводе 221 – 9 чел., 91 – усыновлено 8 детей» [3, Л. 4].

Анализ постановлений Сталинградского городского комитета обороны (СГКО) позволяет четко выявить ключевые проблемы, с которыми столкнулся регион. Так, самой главной сложностью стал огромный поток людей, скапливающийся в эшелонах на ж/д путях. В рамках решения этой проблемы

© Климцов И.С., 2026

было принято Постановление СГКО о мерах по разгрузке Сталинградской железной дороги от скопившихся эшелонов с эвакуированным населением от 8 ноября 1941 г. Согласно нему, предписывалось необходимым «временно прекратить дальнейшее направление эшелонов с эвакуированным населением со стороны Сталинграда, на Поворино». Регламентировался порядок перераспределения эшелонов на другие железнодорожные пути, а также, «эвакуированное население, находящееся на открытом подвижном составе, снять и временно разместить в населенных пунктах и местах нахождения эшелонов, проведя санобработку эвакуированным», «подготовить вагоны для временно расселенных эвакуируемых, подготовив их к зимним перевозкам» [8, Л. 17]. Эта вынужденная мера по рассредоточению людей в ближайших населенных пунктах вскоре дополнилась прямо противоположным решением – размещением эвакуированных в самом городе. Как свидетельствует постановление СГКО от 21 ноября 1941 г., из-за большого скопления людей и «невозможности их переотправки» власти были вынуждены поручить разместить в Сталинграде дополнительно 5 тыс. эвакуированных семей [10, Л. 30] – размещение в городе изначально носило характер экстренной меры.

Таким образом, Сталинград в 1941–1942 гг. выступил важнейшим звеном общегосударственной системы приема и размещения эвакуированного населения. Результативность проводимых мероприятий по приему и размещению эвакуированного населения на территории г. Сталинград высокая. Роль заключалась не только в организации масштабной работы эвакопунктов, но и в обеспечении людей самым необходимым: кровом, одеждой и продовольствием. Особое значение имела позиция местных жителей, которые на практике осуществляли прием эвакуированных, делясь скудными бытовыми ресурсами и в условиях уплотнения участвовали в поддержке наиболее нуждающихся категорий населения. Сохранить память об этом подвиге – наш долг, долг потомков, наследующих великую победу, ковавшуюся в том числе и в Сталинградских тыловых буднях 1941–1942 гг.

Литература

1. Гаврилова Т.В. К 100-летнему юбилею заведующей глаукомным отделением ПККБ Риммы Иосифовны Коза // Пермский медицинский университет академика Вагнера. [Электронный ресурс]. URL: https://psma.ru/home/94-vse-novosti/sobytiya/3335-k-100-letnemu-yubileyu-zaveduyushchej-glaukomnym-otdeleniem-pkkb-rimmy-iosifovny-koza.html (дата обращения: 01.12.2025).

2. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. 29 июня 1941 г. // Опубликовано в «Великая Отечественная война. 50 лет. Приложение к календарю дат и событий». Вып. 1. ТАСС, 1991. С. 48–49.

3. Докладная записка «Об оказании помощи эвакуированным детям» // ЦДНИВО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 163. Л. 4.

4. Докладные записки обкома ЦК ВЛКСМ об оказании помощи в сборе вещей для эвакуированных детей // ЦДНИВО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 163.

5. Меркурьева В.С. Дети войны: к вопросу об оказании помощи детям, эвакуированным в сталинградскую область в 1941 – нач. 1942 гг. // Genesis: исторические исследования. 2022. № 8. С. 139–148.

6. Меркурьева В.С. Эвакуация детей из прифронтовых районов в годы Великой отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 4(127). С. 189–192.

7. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

8. Постановление СГКО о мерах по разгрузке Сталинградской железной дороги от скопившихся эшелонов с эвакуированным населением // ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

9. Постановление СГКО о мероприятиях по обслуживанию эвакуированных учащихся эвакуированных учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО // ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

10. Постановление СГКО о размещении в гор. Сталинграде эвакуированных семей // ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

11. Скворцов М.В. Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2009. № 38(176). С. 41–46.

12. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под ред. М.М. Загорулько. 8-е изд. Волгоград: ГКУ ВО ЦИМТО, 2023.

13. Федотов В. В. Эвакуированное население в Сталинградской области в 1941-1948 годах // Научный диалог. 2019. № 3. С. 307–321.

14. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 32. Л. 14.

15. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 277. Лл. 1–4 об.

16. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 277. Л. 3, 5–6.

17. ЦЛНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 52. Л. 47.

© Климцов И.С., 2026

IVAN KLIMTSOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

STALINGRAD IN 1941–1942: CONSIDERING THE ISSUE OF DEPLOYMENT OF EVACUATED POPULATION WITHIN THE LIMITS OF THE CITY

The analysis of deployment of evacuated civilian population in Stalingrad in 1941–1942 is given. On the basis of the archive documents there are studied the mechanisms and practices of reception, settling and social welfare of evacuated population in Stalingrad and the difficulties of this process. It is concluded about the efficiency of the conducted events.

Keywords: *evacuation, the battle of Stalingrad, the Great Patriotic war, civilian population, rear.*

© Климцов И.С., 2026

УДК 329.71

Д.В. МАХАЛИНА
(daryamh1@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ ФАКТОВ ГЕРОИЗМА И САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ ЖЕНЩИН В ТЫЛУ НА СТРАНИЦАХ «СТАЛИНГРАДСКОЙ ПРАВДЫ»*

Статья посвящена анализу образа женского героизма в тылу на страницах газеты «Сталинградская правда» в 1942-1945 гг. На основе материалов издания и историографических исследований автор рассматривает риторические приемы и нарративные стратегии, с помощью которых пресса конструировала новую социальную роль женщины как основной производительной силы тыла. Делается вывод о мобилизационной, компенсаторной и легитимизирующей функциях героизации, что способствовало превращению труда в патриотический долг и уравниванию тылового подвига с ратным в коллективной памяти.

Ключевые слова: *«Сталинградская правда», женский героизм, самопожертвование, гендерные роли, трудовая мобилизация, советская пропаганда, военная риторика, образ женщины-труженицы, коллективная память.*

Великая Отечественная война стала периодом глубочайшей социальной трансформации советского общества. Одним из ключевых феноменов тыловой жизни стала кардинальная смена гендерных ролей: женщины, массово заменившие ушедших на фронт мужчин, стали становым хребтом экономики, обеспечивавшим армию и страну ресурсами для Победы. Газета «Сталинградская правда», будучи рупором партийных и государственных установок, играла важнейшую роль в формировании и продвижении нового образа женщины – героини трудового фронта, сознательной и самоотверженной работницы тыла. Настоящая статья, опираясь на материалы газеты «Сталинградская правда» 1942–1945 гг. и современные историографические исследования, ставит целью проанализировать, как в условиях демографической катастрофы и тотальной трудовой мобилизации конструировался и транслировался через прессу образ женского героизма и самопожертвования в тылу.

Как отмечает С.И. Моисеев, организация тылового обеспечения в Сталинграде требовала «напряжения всех сил региона, включая максимальное использование оставшихся трудовых ресурсов» [2, с. 5]. Именно женщины, старики и подростки стали этими «оставшимися ресурсами». Государственная политика, как показывает в своем диссертационном исследовании Ф.А. Такташева, была целенаправленно переориентирована на то, чтобы «максимально вовлечь женское население в народное хозяйство, закрепить его на производстве и в сельском хозяйстве» [12, с. 56], и инструментом ее легитимации и героизации выступала пресса. «Сталинградская правда» в этот период становится зеркалом и одновременно конструктором новой трудовой реальности. Прямое отражение демографической трагедии и условий жизни женщин в Сталинграде и области видим в заметке: «Что мы видели в фашистском плену» (№ 247, 1 ноября 1942 г.). Рассказ А. Каменевой: «У меня четверо детей. После гитлеровского нашествия в доме не осталось ничего съестного: румыны забрали все мои продукты питания, корову, телку, поросенка и 20 кур» [4, Л. 2] – является не просто частной историей, но «обыденной» трагедией простых жителей в оккупированных и прифронтовых районах: тотальное разорение, угроза голода, ответственность за детей, ложащаяся на плечи женщин. Лингвостилистический анализ этой цитаты показывает сдержанный, почти протокольный стиль, лишенный эмоциональных оценок, но факты говорят сами за себя, создавая основу для дальнейшего нарратива о преодолении.

Ответом на эту катастрофу становится мобилизационная риторика, приравнивающая труд в тылу к бою на фронте. В статье «В прифронтовых колхозах» (тот же номер) читаем: «Близость фронта еще теснее сплотила колхозников... Героическая борьба защитников Сталинграда вдохновляет их на самоотверженный труд» [Там же]. Используемый лингвостилистический прием параллелизма

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Махалина Д.В., 2026

автора заметки («героическая борьба» на фронте – «самоотверженный труд» в тылу), поддерживаемый метафорой «работы в опасных условиях» – стирают грань между фронтом и тылом, а список женщин-колхозниц (Новикова, Колесникова и др.), проявивших «исключительную самоотверженность», становится аналогом списка отличившихся бойцов.

Апогеем этой риторики становится лозунг, опубликованный в газете в 1943 г.: «Наступление на фронте поддержим наступлением в труде». Здесь явно звучит прямая военная метафора, определяющая суть трудовой мобилизации. Описание работы элеватора – «В любую погоду, днем и ночью... шли подводы... Женщины, старики и подростки готовили зерно» [7, Л. 4] – напоминает репортаж с передовой, где вместо солдат – гражданские лица, а вместо оружия – мешки с зерном. Конкретные цифры сданных государству продуктов (3885 центнеров зерна, 838 центнеров в фонд Красной Армии) выполняют роль «сводки с боевых действий», где единицей измерения успеха становится сданное продовольствие.

Важнейшим аспектом информационного фона эффективной мобилизации была также социальная поддержка. Заметка: «Помощь семьям фронтовиков» (апрель 1943 г.) демонстрирует, что государство, через газету, афиширует меры по обеспечению тех, кто остался без кормильцев: выдача товаров, обеспечение одеждой, выделение участков, устройство на работу, организация детских яслей [10, Л. 2]. Текст заметки звучит как посыл к женщинам Сталинграда: их труд на поле или заводе возможен, потому что государство берет на себя заботу об их детях и быте. Патерналистская риторика публикации направлена на то, чтобы снизить социальную тревогу и создать ощущение управляемости и порядка даже в условиях хаоса.

В условиях катастрофического демографического дисбаланса, когда, по данным исследования Ф.А. Такташевой, количество женщин в Сталинградской области примерно вдвое превышало количество мужчин [12], советская пропаганда столкнулась с необходимостью целенаправленно воссоздать в реальности новую социальную роль женщины. Газета «Сталинградская правда» стала своего рода площадкой для того, чтобы создать целостный и героизированный образ женщины-труженицы.

Центральным сюжетом стало массовое освоение женщинами сугубо «мужских» профессий. В исследовании А.А. Валуевой подчеркивается, как «на Тракторном заводе 300 женщин осваивают мужские профессии у станков» [1, с. 28]. Риторика «Сталинградской правды» делала акцент на стремительном обучении и сверхнапряжении. Так, в материале от 1 августа 1941 г., на который ссылается А.А. Валуева: «Работницы Сталинградского тракторного и метизного заводов выполнили нормы на 150–300%» [Там же]. В заметках: «Сталинградской правды» от 1943 г. образ женщины-станочницы обретал почти мифические черты, поскольку работа под непрерывными бомбежками не просто продолжалась, но и сопровождалась ростом производительности. Например, «Плетнева... в день, когда в цех попала бомба... вместо 30 выпустила 37 деталей» [1, с. 29]. В кратком сообщении заключена целая идеологическая формула: внешняя угроза мобилизует; разрушение цеха ведет не к остановке производства, а к новому трудовому рекорду.

Восстановительные работы и строительство в разрушенном городе открывались новой стороной в проявлении героизма и самопожертвования женщин Сталинграда. Строительство железной дороги «Иловля-Камышин» силами женщин велось «в невероятно трудных условиях – открытая степь не располагает укрытиями от дождя и холода, промокшую одежду часто сушить было негде» [1, с. 28]. Труд на стройке и заводе напрямую связывался с судьбой города: работая в промокшей одежде в степи или среди руин цеха, женщина-труженица буквально своими руками возрождала Сталинград, что способствовало героизации и возвышению образа.

В отрасли сельского хозяйства «Сталинградская правда» конструировала образ женщины-крестьянки как главной производительницы продовольствия для армии и гаранта продовольственной безопасности в условиях, когда «в доме не осталось ничего съестного» после разорения оккупантами [4, Л. 2]. Доминирующими стали два взаимосвязанных мотива – коллективная сплоченность в прифронтовой полосе и героизация труда в условиях непосредственной смертельной опасности. Газета напрямую связывала трудовой подвиг села с боями в городе, создавая единое пространство фронта. В статье «В прифронтовых колхозах» (1 ноября 1942 г.) эта связь выражена эксплицитно: «Близость

© Махалина Д.В., 2026

фронта еще теснее сплотила колхозников... Героическая борьба защитников Сталинграда вдохновляет их на самоотверженный труд» [4, Л. 2]. Колхоз, работавший «несмотря на бомбежки и сильный минометный обстрел», успешно заканчивал уборку и сдавал овощи бойцам. Сами действия – уборка урожая под обстрелом – подавались как акт героизма, равный воинскому, а конкретные цифры сданной продукции, приводимые в газете, служили документальным подтверждением этого подвига, помимо сухого перечисления «трудовых сводок». В заметке: «Наступление на фронте поддержим наступлением в труде» (1943 г.) сообщалось: «Колхоз полностью рассчитался с государством... Сдано 3885 центнеров зерна. В фонд Красной Армии вывезен 838 центнеров хлеба. Кроме того, сдано 394 центнера мяса, 2002 килограмма сливочного масла, больше двух тонн шерсти» [7, Л. 4]. Сухой перечень, лишенный эмоциональных оценок, благодаря своей точности производил сильнейшее впечатление, превращая каждую цифру в свидетельство нечеловеческого напряжения сил, которое легло на плечи женщин, стариков и подростков.

Отдельным сюжетом героизации образа женщины на страницах «Сталинградской правды» была материнская жертвенность и прямая адресная помощь армии. Заметка: «Обоз с подарками защитникам Сталинграда» (7 ноября 1942 г.) воспринимается как гимн этой жертвенности. Скупая опись груза – «больше двух тонн говядины и баранины... 120 килограммов колбасы... свыше 700 килограммов зажаренных гусей и кур, две с половиной тонны разных печений» [6, Л. 4] – обретала глубокий символический смысл. Эмоциональный посыл заключался в сопровождающих письмах, «проникнутых теплой материнской любовью и лаской», и в лозунге, который газета транслировала от лица колхозниц: «А мы даем вам, героические защитники Сталинграда, твердое обещание работать еще напряженнее, чтобы дать стране и фронту все необходимое для окончательной победы!» [Там же]. Здесь риторика достигала своего апогея: образ женщины-кормилицы сливался с образом матери, а ее труд – с обетом, данным своим мужьям и сыновьям на передовой.

Образ женщины-труженицы дополнялся сюжетами о жизнеобеспечивающих, но менее заметных направлениях. «Дорога жизни» через Волгу, железнодорожные ветки, телефонные линии – все это удерживалось и восстанавливалось руками женщин. Их труд здесь часто описывался как проходящий под непосредственным огнем, что также стирало последние различия между «фронтом» и «тылом». Помимо очевидного героизма медсестер на передовой (подробно описанного В.С. Мурманцевой), газета освещала и будничную, но оттого не менее важную для жизни работу: донорство, уход за ранеными в полуразрушенных госпиталях, организацию детских яслей, чтобы матери могли выйти на работу. Заметка: «Помощь семьям фронтовиков» (апрель 1943 г.) была прямым отражением этой политики: «Жены и матери фронтовиков обеспечены обувью, одеждой... Матери, устроив своих детей в детские ясли... работают в поле» [10, Л. 2], – показывала государственную заботу, но также и новую модель женской солидарности и организованности. На «обыденном» уровне героиней становилась не только ударница у станка, но и домохозяйка, шьющая одежду для бойцов. Так, за зиму и осень 1942 г. было изготовлено и передано на фронт «5 тыс. теплых одеял, 10 тыс. матрацев... выстирано 25 тонн белья» [1, с. 29]. В «Сталинградской правде» эта деятельность часто описывалась в рамках «черкасовского движения», как в заметке об обязательствах Т. Рудаковой, которая организовала бригаду домохозяек для восстановления города [8, Л. 3]. Таким образом, даже частная, домашняя сфера подчинялась логике общего дела, а каждая женщина, независимо от профессии, находила свое место в системе тотальной мобилизации.

Риторика газеты была насыщена прямыми призывами и формулами, превращавшими труд в моральный императив. Яркий пример – клятва, опубликованная от лица колхозниц в заметке: «Обоз с подарками защитникам Сталинграда»: «А мы даем вам, героические защитники Сталинграда, твердое обещание работать еще напряженнее, чтобы дать стране и фронту все необходимое для окончательной победы!» [6, Л. 4]. Здесь индивидуальное «я» растворяется в коллективном «мы», а личное обещание сливается с клятвой верности государству и армии, и этот прием создает императив единого, неделимого пространства борьбы, где нет места частным интересам. Труд, таким образом, становился формой исполнения гражданского (личного) и патриотического долга.

© Махалина Д.В., 2026

Газета активно использовала риторический прием контраста между «традиционной» женской слабостью и новой «сверхъестественной» силой. В заметке о колхозе им. Карла Либкнехта подчеркивалось, что зерно готовили «женщины, старики и подростки» [7, Л. 4], акцентируя неполноценность, с точки зрения традиционной экономики, трудовых ресурсов, что лишь усиливало впечатление от их «блестящих результатов». Данный прием служил двойной цели: он героизировал конкретные достижения и одновременно легитимизировал тотальную мобилизацию, доказывая, что даже самые, казалось бы, нетрудоспособные группы населения могут и должны работать по имя общей Победы. Цифра становилась главным аргументом, и журналисты, и редакторы «Сталинградской правды» часто использовали протокольный, формальный стиль для описания трудовых свершений: «сдано 394 центнера мяса, 2 002 килограмма сливочного масла, больше двух тонн шерсти» [Там же]. Подобная сухая констатация, лишенная эмоций, создавала эффект абсолютной достоверности и неопровержимости подвига. Социалистическое соревнование, как в примере с вызовом тов. Рудаковой тов. Серегиной [8, Л. 3], трансформировалось из метода организации труда в публичный вызов для достижения новых побед на трудовом фронте.

С одной стороны, на страницах газеты звучат попытки воссоздания архетипа матери-кормилицы и защитницы. Колхозницы, отправлявшие на фронт обоз с подарками, делали это с «теплой материнской любовью и лаской» [6, Л. 4]. С другой стороны, и это особенно важно в контексте послевоенного периода, намечалась трансформация материнства из частного выбора в задачу государственной важности. Исследование Ф.А. Такташевой четко указывает, что в послевоенные годы «государственная политика в отношении женщин в СССР» была направлена, в том числе, на стимулирование рождаемости через систему наград («Мать-героиня», «Материнская слава») и пособий [12]. Показывая помощь многодетным матерям и вдовам («выдано промышленных товаров свыше чем на 30 тысяч рублей... выделены приусадебные участки... устроены на работу» [10, Л. 2]), «Сталинградская правда» создавала социальную риторику для этой политики, демонстрируя, что государство заботится о женщине-матери, и от нее зависит будущее разрушенного, но не побежденного города, и всей страны в целом. Таким образом, образ матери соединял в себе жертвенность (отдача сыновей и труда) и обязанность (воспроизводство населения для восстановления страны).

На основе доступных описаний и упоминания визуального содержания публикаций в газете, например, «снимка: стахановка Н-ского завода» [5, Л. 1] можно реконструировать основные черты нарратива. Фотографии создавали собирательный, обезличенный портрет героини, типичными сюжетами, судя по текстовым отсылкам, были: женщина у станка в цеху (акцент на освоении техники), женщина за штурвалом трактора или комбайна (символ модернизации села), женщина с киркой или лопатой на стройке (архетип восстановительницы). Образы, не лишенные индивидуальных черт, работали на создание узнаваемого иконографического типа – советской женщины-труженицы, чье лицо определялось действием и атрибутом труда.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что газета «Сталинградская правда» в 1942–1945 гг. сыграла роль воссоздания новой социальной реальности, в которой женщина стала основной производительной и мобилизационной силой тыла. Через системное применение военной метафоры и параллели, нарративов жертвенного преодоления и трансформации традиционных гендерных ролей издание воссоздавало мощный непротиворечивый образ женщины – труженицы и женщины-героини. Героизация в газете «Сталинградская правда» выполняла три ключевые функции:

– мобилизационную, превращая труд из необходимости в патриотический долг и личный подвиг, где газета обеспечивала идеологический базис для беспрецедентного напряжения сил;

– компенсаторную, описывая невыносимые условия через призму героизма и стойкости, она помогала преодолевать отчаяние, придавая глубокий смысл ежедневным тяготам и лишениям;

– легитимизирующую, где созданный образ оправдывал и делал морально приемлемой тотальную трудовую мобилизацию, стирая грани между мужским и женским трудом, на которую впоследствии указывала Ф.А. Такташева [12].

© Махалина Д.В., 2026

Важно подчеркнуть, что эти образы базировались на реальном, массовом подвиге сталинградских женщин, чей труд, как показывают современные исследования, стал объективной основой для выживания города и последующего восстановления. Таким образом, анализ фактов героизма и самопожертвования женщин на страницах «Сталинградской правды» военного времени позволяет увидеть начальный этап формирования коллективной памяти о войне, где женский труд в тылу был сознательно и последовательно поставлен в один смысловой и ценностный ряд с подвигом солдата на фронте. Сконструированный нарратив оказался чрезвычайно устойчивым, определив на десятилетия вперед как официальную историографию, так и народное восприятие вклада женщин в Победу, что впоследствии нашло отражение и в мемуарной литературе, и в фундаментальных исторических трудах, посвященных Сталинградской битве.

Литература

1. Валуева А.А. На фронте и в тылу: участие женщин в Сталинградской битве // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2022. № 3(44). С. 26–30. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1656941641.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

2. Моисеев С.И. Организация тылового обеспечения войск Красной Армии в Сталинградской битве: 1942–1943 гг.: автореф. дисс. …канд. истор. наук. Чебоксары, 2016.

3. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974.

4. Сталинградская правда. 1942. 1 нояб. № 247(4376). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1942_n247-293.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

5. Сталинградская правда. 1942. 3 нояб. № 248(4377). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1942_n247-293.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

6. Сталинградская правда. 1942. 7 нояб. № 252 (4381). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1942_n247-293.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

7. Сталинградская правда. 1943. 1 янв. № 1(4423). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n1-68.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

8. Сталинградская правда. 1943. 12 сент. № 175(4605). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/documents/s_pravda_1943_n172-213.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

9. Сталинградская правда. 1943. 2 июля. № 123(4553). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n69-121.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

10. Сталинградская правда. 1943. 21 апр. № 73(4503). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n69-121.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

11. Сталинградская правда. 1943. 6 авг. № 148 (4578). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n69-121.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

12. Такташева Ф.А. Государственная политика в отношении женщин в СССР в 1943 – начале 1950-х. гг.: по материалам Сталинградской области: дисс. … канд. истор. наук. Волгоград, 2012.

DARYA MAKHALINA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE REFLECTION OF THE FACTORS OF HEROISM AND SELF-SACRIFICE OF WOMEN IN THE REAR AT THE PAGES OF "STALINGRAD PRAVDA"

The article is devoted to the analysis of the image of woman heroism in the rear at the pages of the newspaper "Stalingrad Pravda" in the 1942–1945s. On the basis of the material of publication and historiographical studies the author examines the rhetorical devices and narrative strategies, with their help the press developed the new social role of woman as the basic productive force of the rear. It is concluded about the mobilization, compensation and legitimation functions of heroification that supported the transformation of labour in the patriotic duty and the equating of the feat of the rear with the military ones in the collective memory.

Keywords: *"Stalingrad Pravda", woman heroism, self-sacrifice, gender roles, labour mobilization, Soviet propaganda, military rhetoric, image of hard-working woman, collective memory.*

© Махалина Д.В., 2026

УДК 93

Я.Г. ПРИДАНОВА
(yana.pridanova@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ
(по воспоминаниям детей военного Сталинграда)*

Рассматриваются условия жизни мирных жителей, прежде всего женщин и детей во время Сталинградской битвы. Приведён анализ воспоминаний детей военного Сталинграда, отражающих положение женщин и детей в осаждённом городе.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградская битва, женщины, дети, гражданское население.*

Сталинградская битва – коренной перелом, одно из самых кровопролитных сражений в истории человечества, навсегда вошла в летопись Великой Отечественной войны как символ мужества и стойкости советского народа. В период с июля 1942 по февраль 1943 г. город на Волге превратился в место ожесточённых боёв, где решалась судьба не только Сталинграда, но и всей страны.

В осаждённом городе, помимо солдат, героически сражались и выживали самые незащищённые категории населения – женщины и дети. Они столкнулись с нечеловеческими испытаниями: голодом, холодом, бомбёжками, смертью близких. Их мирная жизнь в одночасье рухнула под натиском врага, заставив проявить силу духа.

История Сталинградской битвы долгое время изучалась преимущественно через призму военных операций и подвига солдат. Однако судьба мирного населения, особенно наиболее уязвимых групп – женщин, детей и сирот оставалась малоизученной. Актуальность углубленного изучения этой темы сегодня обусловлена несколькими факторами. С уходом поколения очевидцев первостепенное значение приобретает сохранение их личных свидетельств, подобных приведенным в данной статье, как уникальных исторических источников. Анализ механизмов выживания и стратегий адаптации в условиях тотальной гуманитарной катастрофы представляет не только историческую, но и общечеловеческую ценность. Опыт послевоенного восстановления, включая решение масштабных проблем сиротства, остается востребованным для осмысления и сегодня.

В современной историографии наметился устойчивый интерес к «человеческому измерению» войны. Благодаря материалам Сталинградской области сформировалось несколько ключевых исследовательских направлений. Наиболее разработанной является тема социальной защиты детей-сирот в военные и первые послевоенные годы. Вклад в ее изучение внесли работы В.С. Меркурьевой, посвященные деятельности государственных попечительских учреждений [4], а также монография Е.Ю. Болотовой и В.С. Меркурьевой, в которой анализируется реализация государственной политики в этой сфере [1].

Согласно постановлению Сталинградского городского комитета обороны (СГКО) № 413-а «О мобилизации» от 29 августа 1942 г., 1000 коммунистов, комсомольцев и рабочих заводов города Сталинград отправились на фронт [5].

После ухода мужчин на фронт женщины оставались одни с детьми, нередко оставались вдовами или жёнами пропавших без вести. В условиях постоянных бомбёжек, а также нехватки продовольствия и медикаментов, отсутствие мужской поддержки делало их особенно уязвимыми. Женщины оказывались перед необходимостью в одиночку заботиться о детях, престарелых родителях и больных родственниках. Потеря кормильца означала резкое снижение уровня жизни, голод и риск остаться без крова.

Женщины, многие из которых ранее занимались домашним хозяйством или работали в сферах, менее важных для военного времени, вынуждены были занять места ушедших на фронт мужчин. Приходилось тяжело физически трудиться, осваивать новые профессий в кратчайшие сроки, работать длительные рабочие смены с отсутствием выходных.

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Приданова Я.Г., 2026

Дети, особенно подростки, также привлекались к работе на заводах, в огородах, на строительстве оборонительных сооружений. Эти дети лишались детства и образования.

В условиях хаоса и разрухи, вызванных войной, возрастал риск насилия, грабежей и других преступлений. Женщины и дети, особенно одинокие и беззащитные, становились лёгкой добычей для мародёров и дезертиров. Ослабление правоохранительных органов и нехватка ресурсов для поддержания порядка также способствовали росту преступности.

Постоянные бомбёжки, артиллерийские обстрелы, гибель близких, голод и холод оказывали огромное психологическое воздействие на женщин и детей. Многие страдали от неврозов, депрессий и других психических расстройств.

Дети, пережившие ужасы Сталинградской битвы, навсегда сохранили в памяти травматические воспоминания, которые продолжали оказывать влияние на их дальнейшую жизнь.

Воспоминания Дробковой Валентины Петровны, ребёнка военного Сталинграда, погружают в суровую реальность дней битвы [2]. После того как в 1941 г. отца забрали на фронт, дети остались с матерью. Семья проживала в частном секторе на Красном Октябре, недалеко от Волги. Во дворе был вырыт окоп, служивший укрытием.

Трагический перелом наступил, когда совсем рядом разорвалась мина, убив брата Валентины Петровны и сильно повредив окоп. Семье пришлось покинуть это место и кочевать по ночам. Дошли до Банного берега, дальше идти было некуда. Сделали убежище и с трудом коротали время. Вокруг было ещё много таких беженцев.

По ночам ползком люди добирались до Волги. Река, по воспоминаниям Валентины Петровны, была не водой, а кровью. Люди голодали и молились, чтобы остаться в живых.

Из воспоминаний Нелюбовой (Мажовой) Нины Григорьевны, пережившей в детстве Сталинградскую битву, складывается картина, показывающая весь ужас военной повседневности [3]. В начале войны отец Нины Григорьевны был призван на фронт, с матерью остались четверо детей: одиннадцати, семи, восьми лет и девяти месяцев.

Когда началась бомбардировка города, небо почернело от самолётов. Вокруг свистели пули, стоял оглушительный грохот. Повсюду было слышно крики и плач людей. Вся земля была в телах погибших солдат и мирных жителей. Мать Нины Григорьевны самостоятельно вырыла во дворе маленькое бомбоубежище, куда можно было попасть только согнувшись. Однажды в дом ворвались немецкие солдаты. Они направили пистолет на семью, забрали кур и ушли, оставив детей в ужасе. Семья жила в постоянном страхе и голоде. Когда приходили немцы, все пытались укрыться в окопе.

Находиться в разрушенном городе становилось невозможно. Налёты с применением бомб превратили Сталинград в сплошной пожар, сравнимый с извержением вулкана. За водой люди спускались на берег Волги, вода была красной.

Семья была вынуждена стать беженцами. Мать взяла с собой корову, навьючив на неё мешки с зерном и скудными припасами, и они отправились в сторону Верхней Ельшанки. Старшая сестра вела корову, а мать несла на руках младенца. Шли они ночью по горящей степи, в небе летели реактивные снаряды «Катюш», а мать кричала дочерям: «Девчата, ложитесь!».

Когда пришло время учиться, занятия проводили в разбитых подвалах и разрушенных домах. Одежды не хватало: сёстрам приходилось носить одно платье по очереди.

Повзрослев, Нина Григорьевна и её сестра перешли в вечернюю школу № 54 и совмещали обучение с работой. Нина Григорьевна трудилась приёмщицей товара на Чулочно-трикотажной фабрике имени Крупской, а её старшая сестра – на овощной базе. Все дети этой семьи выжили, и воспоминания о днях войны в Сталинграде навсегда остались с ними.

В настоящее время всё меньше остаётся очевидцев тех страшных дней Сталинградской битвы. Воспоминания детей военного Сталинграда – уникальные свидетельства очевидцев. Сохранение воспоминаний детей, переживших все ужасы войны – это способ увековечить их имена и судьбы, признать вклад в общую победу советского народа.

© Приданова Я.Г., 2026

Литература

1. Болотова Е.Ю., Меркурьева В.С. Война и детство: реализация государственной политики по защите детей в Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг.: моногр. Волгоград: Перемена, 2018.
2. Воспоминания Дробковой Валентины Петровны. Из архива ВООВ «Дети Сталинграда». Волгоград. 27.02.2012 г.
3. Воспоминания Нелюбовой (Мажовой) Нины Григорьевны. Из архива ВООВ «Дети Сталинграда». Волгоград. 16.06.2012 г.
4. Меркурьева В.С. Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области: государственные попечительские учреждения (1943-й – начало 1950-х гг.) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2008. № 3(27). С. 119–123.
5. Постановление Сталинградского городского комитета обороны № 413-а от 29 августа 1942 г. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/225194 (дата обращения: 13.12.2025).

YANA PRIDANOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE STATE OF WOMEN AND CHILDREN IN THE PERIOD OF THE STALINGRAD BATTLE (based on the recollections of the children of military Stalingrad)

The living conditions of civilians, principally women and children during the battle of Stalingrad, are considered. There is given the analysis of the recollections of children of military Stalingrad, reflecting the state of women and children in the besieged city.

Keywords: *the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, women, children, civilian population.*

© Приданова Я.Г., 2026

УДК 93/94

Е.Н. СЛИЗОВА
(elizaveta.slizova@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ СССР ДЛЯ ОТКРЫТЫХ ПРОЦЕССОВ НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ*

Рассматривается формирование советским правительством особого законодательства, предназначенного для организации публичных судов над нацистскими военными преступниками и коллаборационистами в 1943 г. Основное внимание уделяется правовой дилемме: острой потребности в оперативном создании законных средств для вынесения приговоров за невиданные ранее злодеяния, при этом не выходя за пределы существующей судебной структуры.

Ключевые слова: *судебный процесс, Чрезвычайная Государственная Комиссия, преступление, уголовная ответственность.*

Глобальный конфликт, развязанный нацистской Германией, представляет собой одно из наиболее трагичных событий в летописи нашей страны и целого мира. Мировая история зафиксировала немало ожесточённых войн, повлекших гибель огромного числа людей, однако Вторая мировая война отмечена своим огромным размахом территории и участников, ужасными безжалостными практиками, которые применялись руководством и солдатами Германии, а также сателлитами. Подписание акта о капитуляции символизировало окончание затяжного и обескровливающего противостояния, однако схватка за справедливость в сфере правовых отношений продолжалась.

В период с 1941 по 1942 г. вооруженные силы нацистской Германии и государств-сателлитов оккупировали обширные земли Советского Союза, начиная с Минской, Витебской и Брестской областей Беларуси, Западной Украины, северной части Молдавской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР до Ростовской области, Краснодарского края и частично Воронежской, Сталинградской областей, Калмыцкой АССР и некоторых территорий Северного Кавказа. На захваченных территориях оккупанты систематически осуществляли бесчинства, квалифицируемые как военные преступления. В их число входили: преднамеренные массовые расправы над гражданским населением, истребление советских солдат и офицеров, взятых в плен, организация насильственного вывоза граждан СССР на принудительные работы в Германию, а также целенаправленное разрушение городов и деревень, уничтожение объектов культурного наследия. Данные действия представляли собой грубое нарушение норм международного права и общечеловеческой морали.

Главных преступников этой трагедии предали суду на Нюрнбергском процессе 1945–1946 и на Токийском процессе в 1946–1948 гг., однако самые важные показательные открытые суды состоялись раньше, причем первые проходили в СССР. Такой процесс, первый в мире над нацистскими преступниками проходил в Краснодаре с 14 по 17 июля 1943 г.

Для организации проведения судебных разбирательств на первых открытых процессах требовалась надёжная и прочная правовая база, и ее формирование Советским Союзом началось практически с первых лет войны. СССР, как самостоятельно, так и в содружестве с государствами, настроенными на борьбу против гитлеровского режима, выпустил серию официальных нот и деклараций, которые доводили информацию до мирового сообщества о жестокостях и зверствах, учинённых нацистскими оккупантами, наряду с ясным предостережением о неминуемой расплате, реализованной посредством наказания для каждого, кто причастен к содеянным злодеяниям. Одним из таких документов является нота Советского Союза от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы» [2, с. 66], которая спо-

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Слизова Е.Н., 2026

собствовала привлечению к ответственности в уголовном порядке высших чинов немецкого военного командования нацистского режима за совершение преступлений, направленных против человечности.

В рассматриваемом заявлении советского правительства содержится подтверждение от Председателя Совета Народных Комиссаров о фактах совершения преступлений немецкими войсками на оккупированных территориях стран Европы, таких как: Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, и Франции. Правительство Союза также призывало другие свободолюбивые народы к борьбе против захватчиков. В документе не обозначен круг определенных правил, которые бы предотвратили совершаемые злодеяния, равно как и не определены виды ответственности за их совершение. Данный документ по всей видимости, является индикатором того, что ответственность за преступные деяния будет неминуема, даже за границами территории Советского Союза. Более того, из содержания ноты очевидно, что СССР принимает на себя обязательства по оказанию содействия в установлении обстоятельств совершения преступлений на территории указанных оккупированных государств. При этом примечательно, что правительство начинает конкретизировать те тяжкие деяния, которые оно квалифицирует как преступные: преднамеренные массовые убийства, полное разрушение населенных пунктов, насильственный угон гражданского населения в немецкую кабалу и плен.

Для более глубокого понимания истории первых публичных судебных разбирательств и формирования их юридических принципов, требуется проанализировать указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» [3, с. 428].

В состав комиссии входило десять членов, среди которых были деятели науки, культуры, духовный лидер и политический деятель: Н.М. Шверник, занимавший пост председателя, академики И.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, Т.Д. Лысенко, Е.В. Тарле и И.П. Трайнин, митрополит Киевский и Галицкий Николай, известная летчица В.С. Гризодубова, член Военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданов и писатель А.Н. Толстой.

Высший орган государственной власти Союза Советских Социалистических Республик, а именно Президиум Верховного Совета, постановил определить для функционирования Чрезвычайной Государственной Комиссии четкие задачи. Их работа была многоступенчатой и комплексной. Они занимались сбором и анализом информации для создания последующих отчетностей [1, с. 9].

Основные направления работы Чрезвычайной Комиссии:

– С целью всестороннего освещения злодеяний, совершенных нацистским режимом, Комиссия осуществляла комплекс мероприятий по аккумуляции доказательной базы. В рамках данной работы проводился поиск документальных материалов, свидетельских показаний, а также осуществлялся сбор сведений от лиц, пострадавших от преступных действий. При этом, акцент делался на выявление и фиксацию материальных подтверждений, в частности, фото- и видеоматериалов.

– С целью документальной фиксации противоправных действий со стороны организованных преступных группировок непосредственно на территориях, где они осуществлялись, следственная группа осуществляла выезды для проведения расследований. В рамках данных мероприятий проводились опросы очевидцев и лиц, признанных потерпевшими, а также детальные осмотры мест совершения преступлений, включая обнаруженные территории массовых захоронений и разрушенные населенные пункты.

– При обнаружении комиссией мест массовых захоронений проводился комплекс мер, включавший не только визуальный осмотр, но и процедуру эксгумации погребенных останков. Данные действия были обусловлены необходимостью подтверждения преднамеренного уничтожения больших групп гражданского населения, идентификации жертв и анализа способов, применявшихся для совершения убийств.

© Слизова Е.Н., 2026

– Президиум уполномочил Комиссию инициировать расследования, что позволило ее участникам привлекать к работе различных специалистов, в частности, экспертов в области судебной медицины. Эти эксперты, в свою очередь, предоставляли свои профессиональные заключения, основанные на результатах анализа информации, полученной в ходе изучения преступлений.

– Для получения информации о злодеяниях, совершённых на оккупированных территориях, комиссия взаимодействовала с региональными администрациями, партизанскими отрядами и гражданским населением, проживавшим в зоне оккупации, которые выступали в качестве источников свидетельских показаний о произошедших преступлениях.

– Комиссия также выполняла функцию фиксации и регистрации полученных сведений. Все собранные материалы систематически заносились в протоколы, помещались на хранение в архивы и служили доказательной базой в ходе судебных процессов, в том числе при проведении Нюрнбергского процесса.

– Комиссия регулярно занималась предоставлением отчетов о своей деятельности и представленных доказательств о преступлениях, чтобы довести до сведения широкой публики и зарубежных организаций информацию о злодеяниях, совершённых нацистскими преступниками на территории Советского Союза.

– Устанавливался факт привлечения к ответственности. За все обнаруженные нарушения закона предусматривалось наказание в виде уголовной ответственности и возмещения материального ущерба. Кроме того, учреждение Государственной Чрезвычайной Комиссии явилось новаторским подходом к расследованию военных злодеяний, направленных против человечества, не только в Советском Союзе, но и на европейском континенте, что послужило драйвером для изменения мирового права.

– Деятельность Государственной Чрезвычайной Комиссии была нацелена на документирование актов массового насилия, геноцида, уничтожения культурного наследия и других военных преступлений, совершённых нацистской Германией на оккупированной территории Советского Союза. Материалы и документальные свидетельства, собранные Комиссией, предоставили убедительные доказательства относительно намерений и преступных действий немецко-фашистских агрессоров, а также их союзников в отношении населения и территории СССР. Их стратегической целью являлось свержение советской власти с последующим уничтожением русских и других этнических народов, проживающих на территории страны.

Требовалось привлечь к ответственности не только гитлеровских правонарушителей и их сателлитов , но и тех, кто добровольно примкнул к злодеяниям немецко-фашистских оккупантов – коллаборационистов, поэтому 19 апреля 1943 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменщиков родины из числа советских граждан и для их пособников» [4, с. 94].

Согласно данному указу, существующие меры наказания применяются к лицам, признанным виновными в расправах над советскими гражданами и военнопленными, как это было установлено в предыдущих заявлениях и нормативных актах. Однако пособники этих преступников, являющиеся гражданскими лицами, избегают должного наказания, несмотря на то что их действия, включая измену Родине, являются тяжкими и предосудительными.

В документе отмечена определённая группа лиц: «немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан». В отношении лиц, виновных в совершении преступлений, применялась высшая мера наказания – смертная казнь через повешение. Гражданские лица, оказывавшие помощь преступникам, приговаривались к каторжным работам со сроком от пятнадцати до двадцати лет. Судебные разбирательства проводились военно-полевыми судами в особом порядке. Приговоры требовали одобрения командиров дивизий, в чьей зоне ответственности действовали указанные суды, и незамедлительно приводились в исполне-

© Слизова Е.Н., 2026

ние публично. Публичное исполнение приговоров осуществлялось в целях демонстрации неотвратимости наказания за совершенные преступления и предупреждения их осуществления.

Применение столь суровых мер объяснялось необходимостью немедленного пресечения преступности и поддержания порядка в условиях военного времени. Смертная казнь рассматривалась как крайняя мера, предназначенная для устрашения потенциальных военных преступников и восстановления справедливости в отношении их жертв. Подобные меры применялись, в частности, в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления против мирного населения, включая убийства, грабежи, насилие и диверсии

Опираясь на положения ряда правовых документов и законодательных актов Советского Союза, регламентирующих ответственность нацистских преступников и их пособников, в 1943 г. на советской территории в Краснодаре, Краснодоне и Харькове были проведены первые внутренние открытые заседания суда по наиболее жестоким военным преступлениям.

Публичные судебные разбирательства в отношении нацистских злоумышленников и их союзников преследовали цели не только осуществления правосудия и возмездия, но и максимального привлечения внимания широкой общественности как в Советском Союзе, так и за рубежом, выступая в качестве антифашистского знамения. Публичность этих дел было обязательным требованием Президиума Верховного Совета СССР, чтобы граждане, которые перенесли ужасы оккупационного режима, а также неравнодушные, могли следить за ходом каждого дела.

Литература

1. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Основание и деятельность чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 4(46). С. 9–19.

2. Зверства, грабежи и насилия немецко-фашистских захватчиков: сб. Л.: ОГИЗ Госполитиздат, 1942.

3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля–31 декабря 1942 г. М.: Русь, 2003.

4. Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР: сб. док. М.: Объед. ред. МВД России, 2011.

ELIZAVETA SLIZOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

FORMATION OF LAWS AND REGULATIONS OF THE USSR FOR THE PUBLIC TRIALS OF THE NAZI WAR CRIMINALS

The formation of particular legislation, aimed at the organization of public trials of Nazi war criminals and collaborators in 1943, by the Soviet government is considered. The legal dilemma is emphasized: the strong necessity in the operational creation of legal means to pass the sentences for unprecedented crimes without going beyond the existing legal structure.

Keywords: *law action, Extraordinary State Commission, crime, criminal responsibility.*

© Слизова Е.Н., 2026

Актуальные проблемы отечественной истории

УДК 94

Л.А. БАКОЕВА
(bakoevalilia@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР В КОНТЕКСТЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ*

Рассматривается развитие провинциального театра в России конца XIX – начала XX в. как важного социокультурного феномена. На основе анализа историографии, архивных документов, материалов периодической печати и мемуарных источников раскрываются особенности организационной структуры, репертуарной политики и социальных функций провинциальных театров. Особенное внимание уделено театральной жизни на территории современной Волгоградской области. Исследование позволяет выявить специфику провинциального театра Нижнего Поволжья и уточнить его роль в культурном развитии регионов Российской империи на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова: *театр, общество, государство, культура, наследие.*

Театральная культура России конца XIX – начала XX в. представляет собой сложный и многоплановый феномен, в котором столичные и провинциальные формы сценического искусства развиваются в постоянном взаимодействии. Провинциальный театр, являясь неотъемлемой частью культурной жизни уездных и губернских городов, выполняет важные функции в культурном пространстве, транслирует художественные грани и является одним из инструментов формирования общественного мнения. Несмотря на это, в историографии долгое время сохранялось преобладание исследований, которые посвящены столичным и имперским театрам. В это же время региональное театральное искусство остается на периферии научного интереса.

Особую значимость приобретает изучение театральной жизни на территории современной Волгоградской области (бывшие Царицынский и Камышинский уезды), где на рубеже XIX – XX вв. происходило активное становление городской культуры. Проанализировав особенности развития провинциального театра в России в целом и выявив специфику его функционирования на территории нынешнего Волгоградского региона на основе архивных документов, периодической печати и научных исследований, можно сделать вывод о роли и значении провинциального театра в контексте развития театрального искусства.

Историография провинциального театра формировалась неравномерно. В дореволюционной научной и публицистической традиции театральная жизнь рассматривалась преимущественно через призму общерусского культурного процесса. Работы А.Н. Пыпина и В.В. Стасова затрагивали театральное искусство как элемент национальной культуры, однако провинциальная сцена упоминалась лишь фрагментарно, как вторичный по отношению к столице феномен [1, 11].

В советский период изучение театра приобрело системный характер. В трудах В.И. Немировича-Данченко, А.Я. Альтшуллера провинциальный театр рассматривался в контексте социально-воспитательной функции искусства. Однако методологические рамки историографической науки того периода ограничивали исследование преимущественно анализом идеологического содержания репертуара, что сужало понимание многообразия театральной жизни на местах [2, 6].

Существенный поворот произошел в 1990–2000-е гг., когда исследователи обратились к региональной истории театра. Работы М.И. Петровой акцентировали внимание на провинциальном театре как самостоятельном социокультурном явлении. Тем не менее, территория нынешней Волгоградской области чаще всего упоминается лишь эпизодически, без детального анализа архивных источников [8].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ»,

© Бакоева Л.А., 2026

Таким образом, несмотря на наличие обширной литературы по истории русского театра, региональный аспект, особенно в контексте истории Нижнего Поволжья, остается недостаточно исследованным, что говорит об актуальности данного вопроса [3].

Источниковую основу работы составляют материалы центральных и региональных архивов, периодическая печать и мемуарные свидетельства. Ключевое значение имеют документы Государственного архива Волгоградской области (ГАВО) [13], в частности: фонд городских дум и управ; материалы земских собраний; отчеты театральных антрепренёров.

Так, в фонде Царицынской городской управы содержатся сведения о финансовом обеспечении театров, состояний зданий и отношениях между властями и труппами. В отчете за 1899 г. отмечалось: «Городская управа признает необходимым содействовать театральным представлениям как средству нравственного и эстетического воспитания населения» [4]. Также важными источниками являются губернские газеты («Царицынский вестник»), публиковавшие афиши, рецензии и отзывы зрителей. Кроме того, использовались воспоминания актеров и театральных деятелей, изданные в начале XX в. и в советский период.

Провинциальные театры существовали в форме частных антреприз, городских театров и любительских обществ. Часто деятельность театров носила сезонный характер, что было связано с финансовыми трудностями, так и с гастрольной спецификой трупп. Архивные документы свидетельствуют о постоянных проблемах с финансированием. В одном из писем антрепренёра в городскую управу указывалось: «Без поддержки со стороны города дальнейшее содержание труппы становится невозможным, ибо сборы не покрывают расходов на декорации и жалование актерам» [10].

Репертуар провинциальных театров формировался под влиянием столичных тенденций, но с учетом вкусов местной публики. Наиболее востребованными были пьесы А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, а также мелодрамы и водевили. В начале XX в. в провинции начинаются появляться постановки произведений А.П. Чехова, что свидетельствует о постепенном усложнении театрального языка.

Провинциальный театр выполнял функции культурного центра города. Посещение спектаклей рассматривалось как элемент общественной жизни, особенно для интеллигенции и купечества. Театр становился пространством коммуникации и формирования городской идентичности [Там же].

На территории современной Волгоградской области театральная жизнь наиболее активно развивалась в Царицыне. В 1898 г. было завершено строительство здания Дома науки и искусств. В протоколе заседания городской думы отмечалось: «Сооружение театрального здания признается делом первостепенной важности для культурного развития города Царицына». В Камышине театральные представления проходили в приспособленных помещениях, что отражало более скромный уровень культурной инфраструктуры уездного города [4].

Анализ афиш показывает, что Царицын регулярно посещали гастролирующие труппы из Москвы, Казани и Саратова. Местные газеты подчеркивали высокий уровень отдельных постановок. Так, в рецензии 1904 г. говорилось: «Игра актеров отличалась редкой для провинции слаженностью вниманием к психологической разработке ролей». Наряду с гастролерами существовали и местные любительские коллективы, которые, несмотря на ограниченные возможности, способствовали формированию театральной традиции. Состав театральной публики был неоднороден: купечество, чиновники, учащаяся молодежь. Газетные отзывы позволяют реконструировать реакцию зрителей. В письме читателя в редакцию отмечалось: «Театр стал тем местом, где горожанин чувствует себя частью общего культурного дела» [14].

Провинциальный театр конца XIX – начала XX в. являлся важным элементом культурного пространства России. На примере Волгоградского региона видно, что театральная жизнь развивалась в тесной связи с социально-экономическими процессами и формированием городской среды. Провинциальный театр не был простым отражением столичных образцов, а представлял собой самостоятельное явление, адаптированное к местным условиям и запросам публики. Дальнейшее изучение региональных архивов, мемуарных источников и периодической печати позволит углубить понимание роли провинциального театра в культурной истории России.

© Бакоева Л.А., 2026

Литература

1. Академик А.Н. Пыпин о «На дне» // Волгарь. 1903. 16 апр. С. 3.
2. Альтшуллер А.Я. Провинциальный театр // Русская художественная культура конца XIX – начала XX веков. Кн. 1. Зрелищные искусства. Музыка. М.: Наука, 1968. С. 158–176.
3. Бакоева Л.А. Историографический обзор театральной жизни в дореволюционной России // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2025. № 3(62). С. 96–100. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1752767149.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
4. ГАВО. Ф. 2. Оп. 2. Л. 35.
5. Кузичева А.П. Театральная критика российской провинции: 1880–1917: комментированная онтология. М.: Наука, 2006.
6. Немирович-Данченко В.И. Наши провинциальные театры // Рецензии. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки, 1877–1942 / сост., вст. ст., комм. Л.М. Фрейдкиной. М.: Всерос. театр. о-во, 1980. С. 55–57.
7. Переписка Е.Н. Рассохиной с Царицынской городской управой, 1901–1903 гг. // ГАВО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 149. Л. 10–15.
8. Петрова М.В. Быт провинциального театра в зеркале российского кинематографа // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2(113). С. 227–234.
9. Петровская И.Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л.: Искусство, 1971.
10. Петровская И.Ф. Театр и зритель провинциальной России, вторая половина XIX в. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1979.
11. Стасов В.В. Собрание сочинений В.В. Стасова. 1847–1886: Собрание сочинений Владимира Васильевича Стасова. 1847–1886: С прил. его портр. и снимка с поднес. ему адреса. Т. 1–4. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894–1906. Т. 4. С. 21–27.
12. Табатчикова Е.А. Русское актёрское искусство в провинциальном театре на рубеже XIX–XX веков. Л.: ЛГИТМиК, 1981.
13. Фонд Царицынской городской управы // Российский государственный исторический архив. [Электронный ресурс]. URL: https://fgurgia.ru/object/441033 (дата обращения: 25.11.2025).
14. Царицынский вестник: газета политическая, экономическая и литературная. 1904. № 1738 (1 янв.) – 2035 (31 дек.). Царицын, 1904.

LILIYA BAKOEVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

PROVINCIAL THEATRE IN THE CONTEXT OF THEATRE LIFE OF RUSSIA

The development of provincial theatre of the late XIXth – the beginning of the XXth in Russia as an important sociocultural phenomenon is considered. On the basis of analysis of historiography, the archive documents, the materials of periodical press and the memorials there are revealed the specific features of organizational structure, repertoire policy and social functions of provincial theatres. The theatre life at the territory of the modern Volgograd region is emphasized. The study allows to discover the specifics of the provincial theatre of the Lower Volga region and to specify its role in the cultural development of the regions of the Russian Empire at the turn of the XIXth – XXth centuries.

Keywords: *theatre, society, state, culture, heritage.*

© Бакоева Л.А., 2026

УДК 94

А.А. БАТЫЧЕК
(anny.batychek02042003@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ В СФЕРЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Статья посвящена деятельности учреждений императрицы Марии Фёдоровны в сфере женского образования в первой половине XIX в. Рассматриваются реорганизация институтов, принципы сословности, изоляция от общей школьной системы и зарождение женского педагогического образования.

Ключевые слова: *Российская империя, педагогическая система, женское образование, государственная благотворительность, институты благородных девиц, сословность, домашнее воспитание.*

Историография темы берёт начало ещё в конце XIX в. Фундаментальный вклад в изучение ранней истории женского образования в России внесла Е.И. Лихачёва. В многотомных «Материалах для истории женского образования в России» (1890–1901) она впервые систематизировала архивные документы, уставы, отчёты и мемуары, охватывая период от Петра I до конца XIX в. Её работа отличается не только эмпирической насыщенностью, но и вниманием к конкретным механизмам функционирования учебных заведений, включая Смольный институт, Патриотический институт, повивальные школы и провинциальные учреждения. В частности, Е.И. Лихачёва подробно фиксирует сословные критерии приёма, учебные планы, внутренний уклад и первые попытки профессионализации женского труда в сфере здравоохранения и педагогики [4].

Важный теоретический вклад в осмысление женского образования как социального феномена внёс В.И. Герье в статье «Теория и практика женского образования» (1877). Он критически осмыслил идеологические основы системы Марии Фёдоровны, указав на её противоречие с просветительскими идеалами Екатерины II и И.И. Бецкого. В.И. Герье подчеркнул, что образовательная модель первой половины XIX в. была направлена не на развитие личности, а на формирование «добродетельной жены и матери», подчинённой патриархальным и государственным нормам [2].

В XX в. тема получила новое освещение в работах Э.Д. Днепрова и Р.Ф. Усачевой, в частности в исследовании «Среднее женское образование в России», где авторы рассматривают институтскую систему как часть государственной политики в области просвещения. Данные авторы исследовали институциональную эволюцию: от личного покровительства императрицы к формированию централизованного Ведомства, на связи образовательной политики с идеологией «официальной народности» и на противостоянии государственного и частного секторов женского образования [3].

Таким образом, хотя историография женского образования начала XIX в. насчитывает уже более столетия, современные исследования всё ещё нуждаются в анализе региональных особенностей, социальной мобильности воспитанниц и гендерных аспектов воспитательных практик – тем, которые органично дополняют классические труды Е.И. Лихачёвой и В.И. Герье на основе архивных источников и методологии социальной истории образования.

Император Павел I своим указом поручил супруге, Марии Федоровне, руководство Воспитательным обществом благородных девиц. В 1797 г. именным указом, адресованным Сенату, он также передал под ее управление Воспитательные дома со всеми относящимися к ним учреждениями. На протяжении последующих тридцати четырех лет своей жизни императрица сосредоточилась на развитии женского образования, внедрив основательные реформы и заложив множество новаторских принципов. Фактически, Мария Федоровна самостоятельно руководила многочисленными образовательными и благотворительными учреждениями, находящимися в её ведении.

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Батычек А.А., 2026

С первых дней своей работы в сфере обучения женщин, Мария Федоровна взялась за его преобразование. Это стало вторым, начиная с 1783 г., переустройством, а по сути, обратным преобразованием женского образования, обусловленным тремя ключевыми направлениями: 1) полным пересмотром изначальных концепций женского образования, заложенных Екатериной Великой и И.И. Бецким при его основании в России в 1760-е гг.; 2) неприятием прогрессивных изменений, привнесённых Александровскими школьными преобразованиями начала XIX в., и закреплением в области женского образования, на протяжении более чем четверти столетия, ключевых целей николаевской контрреформы и фундаментальных принципов установленного им образовательного строя, особенно – сословного характера образования; 3) обособлением среднего женского образования в отдельную образовательную "сферу", не интегрированную в общую структуру российской системы образования. Разделение женского образования от общего образовательного процесса осуществлялось в два этапа. Первый этап связан с указаниями Павла I в 1796 г. Второй этап приходится на период правления Александра I и отражен в «Уставе учебных заведений, подведомственных университетам» 1804 г. Этот Устав, примечательный своими прогрессивными положениями, прежде всего, принципами всесословности и последовательности образовательных ступеней, преобразовал существовавшие главные и малые народные училища, в три новые формы образовательных учреждений: гимназии, уездные училища и приходские училища. Первые две категории учебных заведений были ориентированы исключительно на мальчиков, в то время как девочкам было разрешено посещать только приходские школы. Следовательно, можно говорить о своего рода «законодательном исключении» женщин из государственных учреждений образования повышенного и среднего уровня. Получение образования женщинами снова было ограничено рамками закрытых учебных заведений, таких как институты для благородных девиц, частные пансионы и школы для девочек, а также устоявшиеся формы обучения на дому. Изолированность женских средних школ от общей системы образования в значительной степени обусловила своеобразие их развития и формирование особого социально-педагогического облика. Именно эта обособленность отличала женское образование от общей тенденции к реформам, характерной для школьного дела в начале XIX столетия [3].

Императрица уделяла пристальное внимание проблеме сословного отбора в женских образовательных институтах, стремясь не допустить «смешения сословий». Она принципиально не принимала представительниц «неблагородных» сословий в учебные заведения для дворянок и осуществляла строгий отбор поступающих, учитывая не только сословную принадлежность, но и ранг отцов по Табели о рангах, их должность и даже профессиональную деятельность. Для каждой социальной группы, невзирая на статус, ранг или социальное положение родителей учениц, ею были основаны специализированные женские институты. Эти учебные заведения были тщательно разделены на мелкие категории, каждая со своими уникальными задачами, образовательной программой, внутренним устройством и прочими особенностями.

В результате, мещанское отделение Смольного института со временем стало фактически учебным заведением для дочерей обедневших дворян и чиновников. За первую четверть XIX столетия появилось 10 подобных образовательных учреждений. В Санкт-Петербурге действовало пять из них: Мариинский (1797), Павловский (1798) институты, а также училища ордена святой Екатерины (1798), Елисаветинский (1808) и Патриотический (1813) институты. В Москве функционировали три: училища ордена святой Екатерины (1802), Александровский (1804) и Елисаветинский (1825) институты. Еще два института были основаны за пределами столичных городов: Харьковский институт в 1812 и Полтавский институт в 1819 [3].

Переосмысление коснулось самой сути женского образования и его предназначения. В приоритет выдвинулись две концепции: сословность и благотворительность. Структура обучения в учебных заведениях для девушек оставалась строго регламентированной, и вплоть до своей кончины императрица с трудом разрешала воспитанницам покидать стены института даже временно, настаивая на их возвращении. По её мнению, выезды из учебного заведения негативно сказывались как на имид-

© Батычек А.А., 2026

же института, так и на самих ученицах. Однако со временем императрица изменила свою позицию и пошла на компромисс. Под конец жизни она начала давать разрешение на кратковременные отпуски. Причиной такого разрешения могли быть: болезнь родителей или встречи с сестрами, обучающимися в других институтах. В подобных случаях воспитанницы покидали заведение в сопровождении классных руководителей [5].

Что касается специального образования женщин, то, кроме повивального искусства, они могли изучать и зубоврачебное с правом практиковать его. Для получения этого права они должны были, наравне с мужчинами, представить свидетельство, утвержденное подписью местного медицинского начальства, в том, что «обучались зубному искусству с хорошим успехом не менее трех лет и что производили разные зубные операции на живых людях с надлежащим искусством и знанием; выдержать экзамен о строении человеческих челюстей, зубов и десен, о болезнях всех частях и способ их лечения местными средствами; подвергнуться практическому экзамену в клинике и сделать несколько зубных операций в трупах и живых лицах [Там же].

В 1787 г., после того как Мария Федоровна приняла на себя управление учебными заведениями, она лично разработала учебную программу. В этой программе, утвержденной комиссией народных училищ, приоритетное значение придавалось изучению иностранных языков и религиозному образованию. В стенах своего образовательного учреждения она сделала французский язык приоритетным направлением в обучении. Она настаивала на том, чтобы множество дисциплин преподавались на французском. Основной задачей при этом было совершенствование навыков владения французским языком у воспитанниц.

В первой половине XIX столетия наметились значимые новые направления в эволюции среднего женского образования, которые спустя пятьдесят лет утвердятся в качестве доминирующих. Речь идет об увеличении количества женских учебных заведений и их распространении по территории страны, возникновении таких заведений в провинциальных городах, а также о первом проявлении общественной инициативы в сфере женского образования, особенно при основании Харьковского и Полтавского женских институтов. Кроме того, происходило постепенное ослабление сословного принципа и закрытости данных институтов, благодаря чему образование в них стало доступно не только для дворянских дочерей. Харьковский институт для благородных девиц, учрежденный благодаря местному финансированию и предложению украинского литератора и общественного деятеля Г.Ф. Квитки-Основьяненко, выделялся на фоне схожих столичных заведений. Первое, что отличало Харьковский институт, – это сам метод его основания: по инициативе общественности и за счет общественных ресурсов. Вторым отличием был отход от жестко сословной линии в женском образовании. Третьим отличием стало преодоление сложившейся к тому времени полувековой практики замкнутой системы женского воспитания [Там же].

В женских учебных заведениях начала XIX в. значимым явлением стало становление и прогресс педагогического образования для женщин. В тот отрезок времени оно формировалось и эволюционировало в трех формах: во-первых, создавались классы пепиньерок при институтах, где воспитанницы проходили годичное обучение. Затем они занимали должности классных дам в тех же институтах или становились преподавательницами и гувернантками в частных семьях. Во-вторых, в Воспитательных домах учреждались особые классы наставниц, где воспитанницы, окончившие курс, в течение года получали «энциклопедические уроки наук» и одновременно приобретали опыт в педагогике. Они практиковались, обучая младших учеников или замещая классных дам в разных учебных заведениях. В-третьих, получение конкретных педагогических умений и знаний во время обучения в высшем учебном заведении. Естественным результатом появления и расширения женского педагогического образования стало зарождение в России в первой четверти XIX в. женского преподавательского труда – уникального явления в российской действительности, которое, начиная с 1860-х гг., начнет приобретать все более масштабный и заметный характер.

© Батычек А.А., 2026

С начала XIX столетия ученое сословие, в частности Московский университет, не проявляло предвзятого отношения к образованию женщин, продолжая традиции, заложенные еще при Екатерине II. Организуя открытые лекции, Московский университет приглашал на них не только мужчин, интересующихся наукой, но и женщин. Такие лекции читались в 1804 г. профессорами: Политковским – по натуральной истории, Страховым – опытной физики, Геймом – коммерческих наук и Шлецером – истории европейских государств. В обращении университета к «почтенным любителям и любительницам наук» приглашались «кому только угодно будет» присылать на лекции своих детей, лишь бы они имели предварительные познания, нужные к слушанию лекций [5].

В манифесте от 13 июля 1826 г., обнародовавшем решение по делу декабристов, император Николай I винил «искажённое русло» образования в непосредственной ответственности за «разложение морали». Он считал пересмотр этого направления ключевым способом избавления общества от «дерзновенных мечтаний». Одним из ключевых стремлений новой образовательной реформы стало внедрение стандартов и единообразия в образовательную систему и методику обучения. Помимо этого, реформа преследовала две другие важные цели: значительное усиление государственного надзора за школами и образованием в целом, а также строгое соблюдение сословного принципа в школьном обучении с тем, чтобы каждая ступень образования предоставляла полноценные знания, ориентированные на конкретную социальную группу, для которой она была разработана.

В период правления Николая I государственная политика в сфере просвещения женщин можно условно разделить на три отрезка времени, для каждого из которых характерны свои приоритеты, направления развития и проблемные вопросы. Первый этап, приходящийся на конец 1820-х гг., ознаменован началом вовлечения нового императора в сферу женского образования, формированием его личной концепции женских образовательных учреждений, установлением их задач, структуры управления и прочих аспектов. 1830-е гг. знаменуют собой второй этап, в течение которого наблюдается формирование и эволюция сразу двух взаимосвязанных направлений. Во-первых, расширяется система государственных женских образовательных учреждений, а именно институтов для благородных девиц. Эти институты постепенно начинают появляться в различных губерниях. Также создаются женские «образцовые пансионы», функционирующие благодаря финансовой поддержке и под надзором правительства. Во-вторых, одновременно усиливается контроль над частным образованием. Осуществляется его преследование, что приводит к фактической остановке его развития. В первом случае формируется новый, специфически национальный подход к государственной стратегии в отношении обучения женщин. Во втором случае происходит непосредственное участие государства в образовании на дому, фактически представляющее собой стремление к его полному подчинению государственному контролю. Третий этап, охватывающий 1840-е и первую половину 1850-х гг., характеризуется наличием обширной сети частных женских институтов, будущего создание Ведомства учреждений императрицы Марии. Основной целью стало приведение этой сети в порядок и формирование из нее единой, организованной структуры [2].

В 1836 г. состоялось преобразование петербургского повивального института; существовавший отдельно от него, родильный госпиталь, за год перед тем был к нему присоединен и всему учреждению дано общее наименование Родовспомогательного заведения. Было положено принимать в это заведение 20 воспитанниц крестьянского сословия с платою за каждую по 250 рублей ассигнациями в год. Из выпускников планировалось формирование штата сельских акушерок, которые после завершения обучения должны были вернуться в свои деревни и оказывать содействие роженицам из крестьянской среды. В то же время, дамам любого сословия и социального статуса в возрасте от 18 до 40 лет разрешалось посещать лекции по акушерству на бесплатной основе как вольнослушательницам. При учреждении был создан бесплатный амбулаторный кабинет, где учащиеся могли получить более глубокое представление о гинекологических заболеваниях [5].

В период с 1840 по 1850 гг. к уже существующей сословной системе образования для женщин добавляется новая, ориентированная на дочерей священнослужителей. Начиная с 1840-х гг. при под-

© Батычек А.А., 2026

держке императорской семьи возникают первые духовные училища для девушек, а затем и в епархиях, финансируемые из местных источников. В течение второй четверти XIX столетия формируются три ключевых направления в сфере женского обучения: институты и училища, находящиеся в подчинении Ведомства императрицы Марии; женские училища, курируемые духовным ведомством и епархиями; а также частные пансионы и учебные заведения для девушек.

С кончиной его матери, императрицы Марии Фёдоровны, Николай I, согласно указу от 26 октября 1828 г., взял под личную опеку женские образовательные учреждения, находившиеся ранее под её управлением. Вскоре после этого, для организации их деятельности, он учредил специальную структуру, назвав её «IV отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии». Впоследствии, в 1854 г., после присоединения к этому подразделению организаций, занимающихся благотворительностью и образованием и находящихся под личным патронажем императрицы, на его основе сформируется специальное управление. Оно станет известно, как Ведомство учреждений императрицы Марии и продолжит свою деятельность до 1917 г.

Практически сразу после восшествия на престол Николай I приступил к анализу системы среднего женского образования, уделяя особое внимание институтам благородных девиц, их работе и общей направленности. Пересматривая уставы Патриотического и Полтавского институтов, император лично вносил корректировки и дополнения, рассчитывая, что данные уставы послужат эталоном для других учебных заведений. Он планировал постепенную реорганизацию всех институтов в соответствии со своим видением. В редакции Николая I, зафиксированной в пятом параграфе Положения о Патриотическом институте от 7 апреля 1827 г.: образовывать из воспитанниц институтов «добрых жен, попечительных матерей, примерных наставниц для детей, хозяек, способных трудами своими и приобретенными искусствами доставлять самим себе и их семействам средства к существованию» [3, с. 61]. Согласно уставам Патриотического и Полтавского институтов, принятым в 1827 г., образовательный курс был рассчитан на шесть лет. В соответствии с принципами, заложенными императрицей Марией Федоровной, возраст поступления в эти учебные заведения был увеличен и определён в диапазоне от 10 до 12 лет. Это было предпринято для того, чтобы выпускницы, достигая возраста от 16 до 18 лет, могли приносить пользу в семьях, где они оказывались, или занимать позиции в частных домах и других учреждениях. В Патриотическом институте обучение было доступно исключительно для дворянских дочерей. В Полтавский институт, помимо дворянок, в ограниченном числе принимали дочерей купцов 1-й и 2-й гильдий, исповедовавших христианство. Это объяснялось тем, что финансирование института осуществлялось, в том числе за счет пожертвований от городов. Таким образом, женские институты в губерниях, в отличие от столичных, прежде всего, существовали благодаря привлечению частных средств на местном уровне. Следовательно, во-вторых, социальный состав учащихся в них был более разнообразным и демократичным.

В 1830-е гг. власти развернули по всей стране комплекс репрессивных действий, направленных против частных школ и домашнего обучения, что привело к масштабной кампании по переводу образовательной системы под контроль государства. Это стремление к огосударствлению образования стало ответом на события декабрьского восстания и вдохновлявшие его западные либеральные идеи, а также на беспорядки, связанные с польским восстанием 1830 г. С.С. Уваров рассматривал государственную школьную систему как «ключевой инструмент» для распространения знаний и формирования моральных принципов у населения. Он полагал, что она должна вытеснить или ассимилировать как частные школы, так и домашнее обучение [Там же, с. 69]. В 1833 г. были введены ограничения на пансионы, где совместно обучались мальчики и девочки. В 1835 г. было опубликовано «Положение» о деятельности частных образовательных институтов.

В качестве эталона при создании базовых принципов воспитания и образования в женских институтах, по устоявшейся практике, использовались схожие бумаги из военной сферы. Конкретно, «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений», разработанное Я.И. Ростовцевым и получившее одобрение Николая I в 1848 г., служило образцом для подражания [Там же, с. 89]. «На-

© Батычек А.А., 2026

ставление» расширяло горизонты женского образования, преследуя две основные цели. Прежде всего, подчеркивалось, что «девушка получает знания ради собственного развития, готовясь к роли полноценного члена социума» [3, с. 90]. Кроме того, отмечалось, что «образование необходимо ей для того, чтобы в будущем иметь возможность обучать собственных детей или тех, кого ей будет доверено воспитывать» [Там же]. В «Наставлении» приоритетное внимание уделялось детальному исследованию русского языка. Этот аспект, через несколько лет, станет ключевым элементом реформ в институтской программе, в особенности тех, что были инициированы К.Д. Ушинским.

Литература

1. Бецкой И.И. Устав воспитания двухсот благородных девиц, учрежденного е.в. императрицей Екатериной II. СПб., 1768.
2. Герье В.И. Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. № 4. С. 487–522.
3. Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. М.: Дрофа, 2009.
4. Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России: в 4 кн. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1901.
5. Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования 1086–1796. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899.
6. Ольденбург С.Ф. Разбор сочинений Е.И. Лихачевой. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904.

ANNA BATYCHEK
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ACTIVITY OF THE INSTITUTIONS OF THE EMPRESS MARIYA FEDOROVNA IN THE SPHERE OF WOMEN'S EDUCATION IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

The article deals with the activity of the institutions of the empress Mariya Fedorovna in the sphere of women's education in the first half of the XIXth century. The reorganization of institutes, the principles of division of society into classes, the isolation from the general school system and the origin of women's pedagogical education are considered.

Keywords: *the Russian Empire, pedagogical system, women's education, government charity, institutes for noble young ladies, division of society into classes, home education.*

© Батычек А.А., 2026

УДК 93/94

С.А. БЕССМЕРТНОВ
(kinargie@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908-1909 ГГ.: ВЗГЛЯД С РОССИЙСКОЙ СТОРОНЫ*

На основе опубликованного документального материала рассматривается один из острейших конфликтов на международной арене перед началом Первой Мировой войны. Прослеживаются действия Российского Правительства, приведшие к дипломатическому поражению России и отставке министра иностранных дел А.П. Извольского.

Ключевые слова: *внешняя политика Российской империи, Боснийский кризис, Австро-Венгрия, Германия, Сербия, российская мемуаристика, А.П. Извольский, А. Эренталь.*

Боснийский кризис 1908–1909 гг. называют «прологом» Первой мировой войны. Именно во время этого кризиса проявились те механизмы, которые в дальнейшем приведут к глобальной катастрофе. Игнорирование интересов Сербии Австро-Венгрией и Германией при аннексии Боснии и Герцеговины во многом поспособствовали радикализации националистических движений на Балканах. Организация «Млада Босна» была одной из представительниц этого движения, участник которой сделает два роковых выстрела в Сараево 28 июня 1914 г.

Использование жёстких ультиматумов для решения территориальных вопросов, неразрешенные кризисы, перетекшие в фазу замороженного конфликта актуальны и в наши дни. В этом отношении Боснийский кризис может стать показательным и поучительным историческим примером.

Целью данной статьи стало изучение документального материала, фокусирующего внимание на действиях правительства Российской империи, направленные на поиск и решение драматичной ситуации, сложившейся в Европе в период 1908–1909 гг.

В контексте исследуемой проблемы, необходимо пояснить, что на протяжении всего XIX в. трудно было найти более непоколебимого сторонника поддержания территориального статус-кво на Балканах, чем австрийское правительство. В течение многих десятилетий политика Вены была неизменной: Австрия проиграет неизмеримо больше от территориальной экспансии на Балканах, чем выиграет, и поэтому Вена должна не только сама воздерживаться от такой экспансии, но и удерживать от нее других, и прежде всего Россию.

Однако к началу XX в. отношение Вены к балканскому вопросу начало меняться. Влиятельные австрийские круги пришли к выводу, что только превращение двуединой империи в триединую (т. е. Австро-Венгеро-Славянскую) способно сохранить целостность державы Габсбургов.

Сторонники замены дуализма триализмом исходили из того, что включение славянской элиты в правящий класс империи придаст ей большую устойчивость. Наконец, триализм предусматривал новые территориальные захваты, а именно аннексию Боснии и Герцеговины и даже Сербии. Такого рода взгляды высказывали новый начальник австрийского генштаба Конрад фон Гетцендорф и новый министр иностранных дел Австро-Венгрии Алоиз фон Эренталь [3, с. 77]. Вот что об Эрентале в своих мемуарах писал будущий министр иностранных дел С.Д. Сазонов: «Эренталь, человек необыкновенно тщеславный, искал громких успехов как ради собственной славы, так и в целях укрепления становящегося, с каждым годом, все более тяжелым положения Австро-Венгерской монархии» [5, с. 16].

А. Эренталь был твердо настроен прекратить пассивную внешнюю политику Австро-Венгрии и начать действовать. Разделяя идею Франца-Фердинанда о третьем компоненте в дуалистической монархии, А. Эренталь задумал аннексировать Боснию и Герцеговину, что положило бы начало становлению этого третьего компонента.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Бессмертнов С.А., 2026

Руководителей в Вене все чаще посещали горькие мысли, что если они не начнут срочно принимать решительные меры, то потеряют статус великой державы. Австро-Венгрия была многонациональным государством, и межнациональные противоречия ее душили. Многочисленные народы Австро-Венгрии стремились получить независимость. Это вело к постепенному распаду империи. Также Дуалистическая монархия остро зависела от германского капитала в ее экономике. В виду всего этого правительство в Вене искало выходы из сложившейся ситуации. Аннексия уже оккупированной территории Боснии и Герцеговины смотрелась вполне как начало этой уверенной активной политики, которую задумал А. Эренталь, что должна объединить Австро-Венгрию и еще раз показать Европе, что она все еще великая держава.

Таким образом, Министр иностранных дел России Александр Петрович Извольский осенью 1907 г. посетил Вену с дипломатическим визитом. Российский дипломат и А. Эренталь затронули тему аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. А.П. Извольский готов был подобное обсуждать, потому что понимал, что Россия находится сейчас не в лучшей форме после поражения в русско-японской войне. Он решил, что оптимальным решением в данной ситуации будет согласиться на аннексию взамен чего-то другого от Австрии-Венгрии, например, поддержку в изменении международных соглашений по черноморским проливам [2, с. 259].

В начале 1908 г. А. Эренталь заявил о планах постройки железной дороги, которая должна была пройти на юг через санджак Нови-Пазар, далее через Македонию и соединиться с турецкими железными дорогами, идущими к Константинополю. И хотя А. Эренталь говорил, что это исключительно экономический проект, никого это не убедило. Железные дороги в начале XX в. являлись не только экономическим инструментом, но и политическим. Российский кабинет расценил предложение А. фон Эренталя о строительстве дороги как нарушение австро-русских соглашений 1897 и 1903 гг. о статус-кво на Балканах. Сербы посчитали, что эта железная дорога будет использована для того, чтобы помешать союзу Сербии и Черногории. Новопазарский санджак, через который должна была пройти железная дорога, как раз и разделял Сербию и Черногорию. Также эта дорога ставила под угрозу планы России и Сербии уже о своем собственном железном пути, который должен был пройти от Дуная через Македонию к Адриатическому морю. Лондон беспокоило следующее: в случае осуществления замыслов Вены Германия фактически – через подчиненные Балканы и полувассальную Турцию – получала выход к Персии, а оттуда и до Индии рукой подать [4, с. 54].

16 сентября А. Эренталь и А.П. Извольский встретились в замке Бухлов в Моравии. На встрече обсуждался вопрос аннексии и условий, которые могли бы удовлетворить обе стороны. Никаких строгих записей на этой встрече не велось, как и не было официальных соглашений, поэтому у каждого из дипломатов была своя версия договоренностей. А.П. Извольский настаивал на версии, что Австро-Венгрия должна поддержать Россию в вопросе контроля над проливами, вывести войска из санджака Нови-Пазар и позволить поделить эту территорию Сербии и Черногории в случае распада Османской империи. Также обе страны должны будут признать независимость Болгарии, если она о ней объявит [3, с. 79].

В конце июля в Турции был поднят мятеж против султана, организованный младотурками. Султана Абдул-Хамида II склонили принять конституцию и учредить парламент. Это оказало давление на А. Эренталя. Если Османская империя усилится, то это может создать дополнительные проблемы. Младотурки уже предложили Боснии и Герцеговине отправить представителей в новосозданный парламент. Если, наоборот, Османская империя ускорит собственный процесс развала, то нельзя спрогнозировать, какие земли в итоге сможет получить Австро-Венгрия [2, с. 284].

5 октября Болгария объявляет о своей независимости, хотя российский дипломат просил болгарского царя Фердинанда повременить с этим, а 6 октября Австро-Венгрия проводит аннексию Боснии и Герцеговины и заявляет, что она была полностью поддержана Россией. Однако взамен Россия не получила поддержку от Вены в вопросе проливов [Там же, с. 260].

© Бессмертнов С.А., 2026

Россия была уведомлена об аннексии только в день самого события. На А.П. Извольского обрушился общественный гнев. Его обвиняли в неспособности защитить интересы России на Балканах и теперь из-за этого две славянские провинции будут находиться под властью Австро-Венгрии. В правительстве были шокированы фактом, что ни МИД России под руководством А.П. Извольского, ни Николай II не уведомили их о переговорах с Австро-Венгрией [6, с. 3].

Германия тоже не была в восторге от действий своей союзницы по блоку. С одной стороны Германии ничего не оставалось, кроме как поддержать Австро-Венгрию, но с другой стороны Вильгельм II и канцлер Бернгард фон Бюлов все еще надеялись на сближение с Россией, а теперь А. Эренталь еще сильнее охладил отношение Санкт-Петербурга к Двойственному союзу. Также аннексия Боснии и Герцеговины оттолкнуло и Турцию, с которой так усердно налаживала отношения Германия в последние годы [1, с. 339].

Англичане, заинтересованные в статусе-кво на Балканском полуострове, обеспокоились тем, как повлияет событие на Османскую империю. Англия не хотела терять влияние в Восточном Средиземноморье, на территориях Греции и Кипра.

Франция вместе с Великобританией хотела видеть стабильную Османскую империю и спокойные Балканы. Французские инвесторы владели до 80% объединенного долга Османской империи, Сербии и Болгарии. В Сербии прошли демонстрации, где толпа протестовала у посольства Австро-Венгрии. Правительство Сербии и Черногории требовало компенсацию у Австрии. В этом вопросе Сербия надеялась на поддержку от России [4, с. 57].

В Константинополе местные жители совершали нападения на граждан Австро-Венгрии, а правительство поддержало бойкот торговли с Дуалистической монархией.

Даже внутри самой Австро-Венгрии отношение к аннексии было неоднозначным. Венгрия наотрез отказывалась принимать третий славянский компонент в Дуалистической монархии. Таким образом, не совсем очевиден был статус нового региона и его потенциальная полезность для империи.

Б. Бюлов писал в своих мемуарах: «Уже много лет Европа не была в таком возбуждении и в таком волнении» [1, с. 338].

Франция и Англия поддерживали мирное решение кризиса и подталкивали на это Россию, которая предложила собрать международную конференцию. Однако союзники России сделали очень мало для прекращения кризиса и предлагали только посредническую помощь. Россия выглядела слабой и изолированной. А. Эренталь наотрез отказался от проведения международной конференции [5, с. 18].

Россия поддерживала требования Сербия на компенсацию, а Австро-Венгрию твердо поддерживала Германия. Вена предложила Белграду экономические уступки или выход к Адриатическому морю, но сербы отвергли это предложение. Сербия настаивала на отмене аннексии или предоставлении общей границы с Черногорией.

Германия делала ставку на то, что Россия откажется от военных действий и решила отправить в Санкт-Петербург ультиматум с требованием от России признать аннексию [2, с. 260].

У России не было другого выбора, кроме как признать аннексию – воевать она действительно была не в состоянии, а дипломатических рычагов не было. Чуть позже Сербия так же признала аннексию и прекратила военные приготовления [4, с. 58].

Аннексия Боснии и Герцеговины значительно обострила националистические настроения на Балканах. Аннексия вызвала резкое недовольство среди сербов, хорватов и других славянских народов, стремившихся к независимости и объединению. Сербия и Черногория стали искать поддержки у России и других великих держав. Это способствовало формированию антиавстрийских настроений и коалиций среди балканских стран, что в итоге привело к их объединению для борьбы против османского и австро-венгерского влияния.

Австро-Венгрия выступила против созыва международной конференции, в ходе которой державы-подписанты Берлинского трактата 1878 г. могли бы рассмотреть сложившуюся ситуацию. Фактически все это означало распад венской системы международных отношений, отказ от принци-

© Бессмертнов С.А., 2026

па единогласия великих держав при решении международных проблем. Вместо этого – раскол Европы на два враждебных лагеря: Центральные державы и Антанта.

Итог Боснийского кризиса в России назвали «дипломатической Цусимой». А.П. Извольского сняли с поста министра иностранных дел в 1910 г. и направили послом в Париж. Можно сказать, что соглашение о статусе-кво на Балканах 1897 г. окончательно рассыпалось.

Таким образом, европейская ситуация 1908–1909 гг., получившая название «Боснийский кризис» стала серьезным испытанием для российской дипломатии, выявила слабые стороны российского внешнеполитического ведомства под руководством А.П. Извольского, что в итоге привело к его отставке и формированию более устойчивой внешнеполитической линии Российской империи накануне Первой мировой войны.

Литература

1. Бюлов Б. Воспоминания / пер. с нем. под ред. и с пред. В.М. Хвостова. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.
2. В «пороховом погребе Европы» 1878–1914 / ред. Виноградов В.Н., Косик В.И. М.: Индрик, 2003.
3. Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. – пролог первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1964.
4. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Документы и материалы // ред. Золотарев В.А. [и др.]. М.: Наука, 2002.
5. Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: Сияльская, 1927.
6. Среди газет // Русское слово: [ежедневная газета]. 1908. № 234. 9 окт. С. 3.

SEMEN BESSMERTNOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE BOSNIAN CRISIS IN 1908–1909: A VIEW FROM THE RUSSSIAN SIDE

On the basis of the published document material one of the bitterest conflicts in the international field before the First World War is considered. The actions of the Russian government, leading to the diplomatic defeat of Russia and the retirement of the Minister of Foreign Affairs A.P. Izvolsky are observed.

Keywords: *foreign policy of the Russian Empire, the Bosnian Crisis, Austria-Hungary, Germany, Serbia, Russian memoiristics, A.P. Izvolsky, A. Aehrenthal.*

© Бессмертнов С.А., 2026

УДК 94

В.В. ГУДИМЕНКО
(gudimenkovaleria2020@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В ГИМНАЗИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – начало XX века)*

Рассматривается роль учителя в гимназии Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., в первую очередь как социокультурного феномена, сочетающего три ипостаси: воспитателя элиты, высококвалифицированного преподавателя и государственного чиновника. Реконструируются правовой статус, материальные условия, профессиональные функции и повседневная практика гимназического учителя. Раскрываются механизмы контроля, требования к благонадёжности, а также формы взаимодействия с родителями.

Ключевые слова: *гимназия, учитель, чиновник, благонадёжность, педагогическая культура, социальный статус.*

Актуальность исследования определяется двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, гимназический учитель второй половины XIX в. – это не просто педагог, а посредник между государством и обществом. Он одновременно воспитывал будущую элиту, служил чиновником и нес идеологическую нагрузку, которую на него возлагала власть. Понять, как эти три роли уживались в одной профессии, значит проникнуть в суть образовательной политики империи и увидеть, как формировалась интеллигенция, ставшая «локомотивом» культурных и социальных изменений. Сегодня, когда в общественном дискурсе вновь обсуждаются вопросы статуса учителя, его социальной защищенности и профессиональной автономии, обращение к историческому опыту становится значимым как никогда. Учитель гимназии жил в условиях жесткой регламентации, но при этом часто находил пространство для педагогического творчества, а его ежедневная практика от составления характеристик учеников до участия в родительских собраниях содержит решения, которые остаются, на наш взгляд, удивительно современными. Исследование роли учителя безусловно позволяет обогатить современный дискурс о том, каким должно быть взаимодействие школы, государства и семьи. И в этом смысле история гимназического учителя поистине живой ресурс для осмысления профессии, которая и сегодня стоит на границе служения и призвания.

Исследование роли гимназического учителя в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. является устойчивым направлением в отечественной историко-педагогической науке. Классические работы Ш.И. Ганелина [3] и Н.А. Константинова [7] заложили основу для анализа структуры и содержания среднего образования, однако вышеперечисленные ученые изучали преимущественно институциональный уровень, а не на личность педагога. Существенный вклад в изучение социального статуса учительства внёс С.В. Рождественский, описавший эволюцию правового положения и карьерных траекторий педагогов в контексте государственной политики [9].

Начиная с 1990-х гг. наблюдается смещение фокуса к социокультурному и антропологическому подходам. В диссертации Е.А. Казановой учитель гимназии рассматривается как социально-профессиональная группа, сочетающая три ипостаси:

1. воспитателя элиты;
2. высококвалифицированного преподавателя;
3. государственного чиновника [6].

Эта «триада» получила дальнейшее развитие в работах Н.В. Зубкова и М.А. Гончарова, подчеркивающих материальную нестабильность и бюрократическую регламентацию учительского труда при формальной «чиновничьей» защищённости [4, 5].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Гудименко В.В., 2026

В последние годы в историографии усилился интерес к повседневной практике и микросоциальным связям учителя. Исследования Л.В. Бариновой показывают, как в регионах складывалась корпоративная культура, строились отношения с родителями и земствами, а также как воплощались в быту требования «благонадёжности» и профессиональной этики [1]. Важно, что в работах А.А. Прохоренкова и Е.А. Цзян на основе архивных и мемуарных источников реконструируется живой образ учителя в первую очередь как субъекта образовательного процесса, а не только функционера системы [8, 12].

Таким образом, современная историография демонстрирует переход от формально-административного описания к пониманию учительства как довольно-таки сложного, со своей спецификой социокультурного феномена, находившегося на пересечении государственной политики, профессиональной этики и повседневной жизни.

Учитель гимназии во второй половине XIX – начале XX в. формально рассматривался как государственный чиновник, что определяло его и правовой статус, и социальную роль, и систему карьерных перспектив. Назначение на должность сопровождалось принесением присяги на верность престолу, подписанием присяжного листа и обязательством соблюдать уставы и циркуляры Министерства народного просвещения [4, с. 129; 6, с. 161]. Согласно «Табели о рангах», учителя включались в гражданское чиновничество: старшие преподаватели, как правило, состояли в VIII классе (чин коллежского асессора) или IX классе (титулярный советник). Директор гимназии соответствовал V классу (статский советник), инспектор – VI классу (коллежский советник), а классные наставники и младшие учителя – VIII–IX классам [Там же, с. 162]. Получение IX чина давало учителю право на личное дворянство, однако оно не включало его ни в состав дворянских собраний, ни в сословное управление и распространялось только на жену.

Учителя гимназий пользовались широким набором прав и льгот, типичных для государственных служащих. В первую очередь, они имели право на пенсионное обеспечение: при 25-летней службе пенсия составляла 100% оклада, при 20 годах – 2/3, при 15 – 1/3 оклада. Это было более выгодным условием по сравнению с другими ведомствами, где полная пенсия назначалась лишь после 30–35 лет службы [Там же, с. 163]. Больше того, учителя были освобождены от действительной воинской повинности по Уставу 1874 г., что подчеркивало их статус как служащих государственной образовательной сферы [8, с. 150]. Многие преподаватели получали казённую квартиру при гимназии или прогимназии – в первую очередь это касалось классных наставников и помощников [4, с. 133]. Нередко условия проживания были скромными: комната в школьном здании, слабо изолированная от классов, что ограничивало личное пространство и мешало ведению частной жизни [5, с. 47].

Также учителя пользовались правом на бесплатное обучение своих детей: сыновья – в мужских гимназиях и реальных училищах, дочери – в женских гимназиях и институтах ведомства Министерства народного просвещения или ведомства императрицы Марии [12, с. 72].

Таким образом, статус гимназического учителя сочетал в себе элементы чиновничьей стабильности и интеллигентской миссии: он был одновременно служащим империи и носителем культурной миссии, что обеспечивалось системой гарантий со стороны государства.

Обязанности и ограничения, налагаемые на гимназического учителя, были строго регламентированы государством. Мы раннее писали, что при поступлении на службу он обязан был принести присягу на верность престолу и подписать присяжный лист, что подчеркивало его статус государственного чиновника [Там же]. Учитель также давал письменные обязательства о неблагонадёжности – в частности, о том, что не состоял и не будет состоять в тайных обществах и не участвовал в политической деятельности [12, с. 69]. Запрет на политическую деятельность был абсолютным: увольнение за «политическую неблагонадёжность» могло последовать даже за участие в издании газет или чтение публичных лекций, если это «причиняло ущерб педагогической деятельности» [6, с. 172]. Также пристальное внимание уделялось и внешнему облику педагога: с 1896 г. для гражданских чиновников учебного ведомства, включая учителей гимназий, была введена единая форменная одежда – темно-синий сюртук

© Гудименко В.В., 2026

с треугольной шляпой и шпагой гражданского образца [4, с. 130]. Форма не только подчеркивала чиновничий статус, но и служила инструментом идентификации личности педагога.

Требования к благонадёжности охватывали три сферы: политическую, нравственную и религиозную [5, с. 17]. Проверка проводилась по циркуляру министра народного просвещения Д.А. Толстого от 10 ноября 1879 г., который обязывал учебные округа запрашивать сведения о кандидатах в учителя у губернаторов «о политической благонадёжности и нравственных качествах лиц» [13]. Отсутствие «достоверных сведений» могло стать основанием для отказа в назначении. Помимо этого, учителю полагалось быть религиозным, поскольку воспитание строилось на «богопочтении и вере», а нравственное поведение контролировалось не только администрацией, но и местным духовенством, волостными писарями и даже соседями. В случае подозрений в неблагонадёжности за учителем устанавливался полицейский надзор, а при увольнении он мог подать ходатайство о реабилитации – но даже в случае восстановления на службе оставался под постоянным контролем [6, с. 173].

Учителя гимназий второй половины XIX в., как правило, обязаны были иметь университетское образование. Согласно Уставу гимназий 1864 г., на должности преподавателей наук и языков назначались лица, «имевшие одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса» [10]. Фактически, преподавателями гуманитарных и естественных дисциплин становились выпускники историко-филологических или физико-математических факультетов [8, с. 150]. Различия между столичными и провинциальными гимназиями проявлялись в качестве педагогического состава: в столичных гимназиях (например, в Петербурге и Москве) преподавали преимущественно выпускники местных университетов – так, в 1899 г. более 50% светских учителей Первой Санкт-Петербургской гимназии имели дипломы только Санкт-Петербургского университета [Там же, с. 151]. В провинции же нехватка квалифицированных кадров приводила к тому, что учителями становились выходцы из духовных семинарий, историко-филологических институтов или даже лица без высшего образования, особенно в сельских и уездных школах [6, с. 162; 5, с. 17].

После введения института классных наставников Уставом 1871 г. их основной обязанностью стало «попечение об успехах и нравственности учеников вверенного каждому из них класса» [11]. Конкретные функции включали:

1. контроль за посещаемостью и своевременным приходом учеников на уроки;
2. руководство выбором книг для домашнего чтения с целью формирования нравственного вкуса и предотвращения чтения «вредных» произведений;
3. сопровождение учеников на переводных и выпускных экзаменах для предоставления сведений об их учебных и нравственных качествах;
4. составление письменных характеристик на каждого ученика, в которых фиксировались успеваемость, поведение, индивидуальные особенности и рекомендации по воспитанию – эти документы не только представлялись педагогическому совету, но и обсуждались с родителями [6, с. 174].

Классный наставник также был обязан регулярно отчитываться перед директором и инспектором о моральном и умственном состоянии своего класса, а его деятельность находилась под постоянным надзором администрации [12, с. 72].

Следовательно, нетрудно догадаться, что учитель гимназии зачастую воспринимался как «преподаватель-чиновник», т. е. исполнитель уставных предписаний, чья роль сводилась к передаче канонизированного знания и поддержанию дисциплины. Однако уже со второй половины века, в частности после реформ 1860-х гг., в педагогической среде набирает силу идеал «настоящего педагога», ориентированного на развитие личности ученика. Этот переход поддерживался как государственной политикой (Устав 1864 г. допускал гибкость в преподавании), так и профессиональной самоорганизацией учителей. Воспоминания выпускников и коллег, например, Е.В. Белявского и П.Н. Полевого, показывают, что лучшие педагоги стремились к творческому подходу: составляли собственные программы, использовали наглядные пособия, вводили опытно-экспериментальные задания. Распространялась индивидуализация обучения – учителя учитывали способности и интересы учеников. Активно развива-

© Гудименко В.В., 2026

лась внеклассная работа: кружки (литературные, естественнонаучные), театрализации, музыкальные вечера, пешеходные и музейные экскурсии [2].

До 1860-х гг. методы поддержания дисциплины были жёсткими и телесными: карцер, розги, унижающие наказания. Однако с распространением гуманистических идей К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова и В.Я. Стоюнина происходит постепенный сдвиг в сторону морально-психологических методов. Устав 1864 г. официально отказался от телесных наказаний в гимназиях, и в практике передовых педагогов доминировали убеждение, личный пример, поощрение и доверие [10]. Классные наставники следили не только за внешним порядком, но и за «нравственным состоянием» класса, стремясь к тому, чтобы ученик внутренне принимал нормы поведения. По свидетельству учителей и воспитанников, хорошее поведение теперь поощрялось публичным признанием, доверием (например, поручением вести дневник класса), а не страхом. Тем не менее, в провинциальных и казённых гимназиях устаревшие методы сохранялись дольше, тогда как в столичных и частных учреждениях уже к 1880-м гг. сформировалась атмосфера, где дисциплина основывалась на взаимном уважении [12, с. 73].

Элементом педагогической практики во второй половине XIX в. стало систематическое взаимодействие с семьёй. В частных гимназиях, по данным Л.В. Бариновой, это достигало высокого уровня: проводились регулярные родительские собрания, лекции по педагогике и психологии, публичные отчёты, приглашали родителей на спектакли и экзамены. Учителя вели индивидуальные беседы, составляли подробные характеристики учеников и обсуждали их с родителями, подчёркивая необходимость конфиденциальности и такта. В столичных гимназиях (например, в Московской гимназии Л.И. Поливанова) директора сознательно выстраивали с семьёй отношения доверия, видя в ней союзника в воспитании [1, с. 15–16]. В провинции, как отмечает Н.В. Зубков, практика была менее системной, но и там учителя стремились к контакту особенно через классных наставников, которые контролировали поведение учеников не только в школе, но и «в общественных местах, на улице». Родителям раздавали памятки с правилами поведения, просили подписывать обязательства о надзоре за детьми дома, а в случае проступков – приглашали для совместного обсуждения мер [5, с. 175–177].

Таким образом, исследование роли учителя в гимназии Российской империи в XIX – начале XX в. показывает, что эта фигура была не просто носителем педагогической функции, но и социокультурным феноменом, находившимся на пересечении государства, общества и семьи. Учитель гимназии сочетал в себе три ипостаси: государственного чиновника, высококвалифицированного преподавателя и воспитателя будущей элиты. Эта триада определяла как его правовой статус, так и повседневную практику.

Как чиновник, учитель подчинялся «Табели о рангах», получал личное дворянство, пользовался льготами – пенсиями, освобождением от воинской повинности, казённой квартирой и правом на бесплатное обучение детей. вместе с этим он нес жёсткие обязательства: присягу на верность, запрет на политическую деятельность, подчинение требованиям благонадёжности, причем как политической, так и нравственной и религиозной. Его внешний облик регламентировался форменной одеждой, а профессиональное поведение циркулярами и уставами, вплоть до полицейского надзора в случае подозрений. Как преподаватель, он обладал университетским образованием, предметными знаниями и, всё чаще со второй половины XIX в., стремлением к педагогическому творчеству. От «преподавателя-чиновника», механически передающего программу, он постепенно превращался в «настоящего педагога», в того педагога, который индивидуализирует обучение и организует кружки, экскурсии, театрализации и внеклассные мероприятия.

Как воспитатель, учитель выполнял функции классного наставника: контролировал поведение, подбирал книги, сопровождал на экзаменах и составлял подробные характеристики учеников.

Итак, учитель гимназии был одновременно инструментом государственной идеологии и носителем интеллигентской культуры, служащим империи и при этом стремящимся к педагогическому призванию. Его роль не может быть сведена к одной плоскости – она включала службу, служение и творчество. Именно это сочетание делает его фигуру значимой как для историко-педагогических исследований, так и для современных дискуссий о социальном статусе учителя, его правах, ответственности и месте в системе образования.

© Гудименко В.В., 2026

Литература

1. Баринова Л.В. Историко-педагогический опыт взаимодействия учителей и родителей в педагогическом процессе отечественных гимназий второй половины XIX века: автореферат дисс. … канд. пед. наук. Воронеж, 2022.
2. Белявский Е.В. Педагогические воспоминания. 1861–1902. М.: Ред. журнала «Вестник воспитания», 1905.
3. Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954.
4. Гончаров М.А. Социально-правовой статус и материальное положение учителей гимназий в России XIX в. // Наука и школа. 2011. № 5. С. 129–137.
5. Зубков Н.В. Учителя средних и начальных школ в конце XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2010.
6. Казанова Е.А. Учительство средней школы как социально-профессиональная группа в русском обществе второй половины XIX века: дисс. … канд. пед. наук. М., 1996.
7. Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы: гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 г. 2-е изд., испр. и доп. М.: Учпедгиз, 1956.
8. Прохоренков А.А. Российский учитель второй половины XIX века (на примере Первой Санкт-Петербургской гимназии) // Вестник герценовского университета. 2010. № 1(75). С. 148–155.
9. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: Государственная типография, 1902. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/istoricheskijobzordejatelnostiministers72 (дата обращения: 12.01.2026).
10. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. СПб., 1864. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/rossijaministerstvonarodnogoprosveschen92 (дата обращения: 12.01.2026).
11. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. СПб., 1871. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20220625082410/http://музейреформ.рф/node/13668 (дата обращения: 12.01.2026).
12. Цзян Е.А. Учитель русской гимназии: социокультурный аспект // Идеи и идеалы. 2012. Т. 2. № 2. С. 64–78.
13. Циркуляр Министерства народного просвещения № 12267 от 10 ноября 1879 г. // Самарские губернские ведомости. [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/bookreader/book460261/#page/1/mode/1up (дата обращения: 15.11.2025).

VALERIYA GUDIMENKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF TEACHER IN THE GYMNASIUM OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – the beginning of the XXTH century)

The role of teacher in the gymnasium of the Russian Empire in the second half of the XIXth century – the beginning of the XXth century, firstly as a sociocultural phenomenon, combining three hypostases: the educator of the elite, the highly experienced teacher and the state official, is considered. The legal status, material conditions, professional functions and the every-day practice of gymnasium teacher are reconstructed. The control mechanisms, the requirements to trustworthiness and the forms of cooperation with parents are described.

Keywords: *gymnasium, teacher, public official, trustworthiness, pedagogical culture, social statute.*

© Гудименко В.В., 2026

УДК 930

Т.В. ИВАНОВА
(vlg34-ivanov@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ САТИРЫ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СССР: ОТ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА К «ОТТЕПЕЛИ» (1946–1964 гг.)

Рассматривается трансформация визуальной сатиры советского журнала «Крокодил» в период с 1946 по 1964 гг. Анализируется влияние цензурной политики, идеологических установок и партийно-государственных постановлений на тематическое и художественное наполнение карикатур. Особое внимание уделяется сопоставлению этапов позднего сталинизма и оттепели, выявлению изменений в характере сатирического образа, степени обобщённости и визуальных приёмов.

Ключевые слова: *визуальная сатира, карикатура, цензура, журнал «Крокодил», поздний сталинизм, «оттепель», советская идеология.*

Журнал «Крокодил» на протяжении многих десятилетий занимал особое место в системе советской периодической печати. При этом его визуальный язык формировался не только под влиянием художественных тенденций, но, прежде всего, в тесной зависимости от общественно-политической ситуации и механизмов идеологического контроля. Несмотря на значительный интерес исследователей к истории сатирической печати, карикатура часто рассматривается лишь как иллюстративное дополнение к текстам. Между тем визуальный язык сатиры позволяет точнее проследить, каким образом менялись допустимые формы критики и характер художественного высказывания в разные исторические периоды. Актуальность данного исследования связана с необходимостью более внимательного анализа именно визуальной составляющей советской сатиры. В данной работе выдвигается положение о том, что эволюция сатиры носила постепенный характер и проявлялась прежде всего не в смене тем, а в изменении интонации, художественных приёмов и авторской позиции. Цель статьи – проследить эволюцию визуальной сатиры журнала «Крокодил» в контексте общественно-политических изменений от позднего сталинизма к периоду «оттепели».

После окончания Великой Отечественной войны культурная политика СССР вступила в фазу жёсткой идеологической регламентации. Ключевым событием стало постановление ЦК ВКП(б) 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», положившее начало так называемой «ждановщине». А карикатура как жанр в то время считалась потенциально опасной из-за своей наглядности и эмоционального воздействия, что обусловливало особую осторожность в выборе тем и образов. Для реконструкции позднесталинского режима визуальной сатиры «Крокодила» в данном исследовании сопоставляются карикатуры журнала с такими документами партийного контроля, как: Докладная записка агитпропа ЦК А.А. Жданову по вопросу контроля над внешнеполитическими материалами журнала «Крокодил» [3], Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) о журнале «Крокодил» [11], а также постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения» [12].

Как ранний пример внутренней сатиры «Крокодила» показателен рисунок «Виды на благоустройство» от 10 марта 1946 г. (см. рис. 1 на с. 47). Сатирический эффект строится на контрасте между благополучием кабинета и неблагоустроенной реальностью за окном, однако предлагается не устранение проблемы, а её визуальное сокрытие («повесить шторы»). Название усиливает смысл, соединяя «виды» как реальную картину и «виды» как планы и перспективы. Данная карикатура является примером того, какой формат критики был возможен в журнале в начале позднесталинского периода.

© Иванова Т.В., 2026

Рис. 1. Виды на благоустройство. П. Осменов [5]

Особый режим контроля распространялся на международную тематику. В докладной записке Управления пропаганды ЦК ВКП(б) от 10 сентября 1946 г. подчёркивалось, что «в настоящее время нет оснований освобождать редакцию журнала “Крокодил” от обязанности направлять для просмотра в отдел печати Министерства иностранных дел внешнеполитические материалы» [3]. Тем самым внешнеполитические публикации ставились под дополнительный ведомственный просмотр. Эта рамка важна для понимания того, почему международная карикатура конца 1940-х стремится к предельной смысловой однозначности.

Партийное вмешательство 1948 г. закрепило программу журнала как инструмента идеологической борьбы. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1948 г. указывалось, что «Крокодил» «не является боевым органом советской сатиры и юмора» [11], а основной задачей объявлялась «борьба с пережитками капитализма в сознании людей» [Там же]. Среди требований выделялись необходимость «оружием сатиры обличать… бюрократов» и одновременно «своевременно откликаться на злободневные международные события», «подвергать критике буржуазную культуру Запада» [Там же].

В соответствии с этими положениями примечательна карикатура «В Западной Европе без перемен» от 30 декабря 1948 г. (см. рис. 2 на с.48), опубликованная уже после принятия постановления [Там же]. Образ Запада в ней показан обобщённо и идеологически однозначно: персонажи олицетворяют «кризис» и «безработицу» как ключевые «беды» капитализма. Смысл изображения не допускает двойного прочтения и направлен на подтверждение негативного стереотипа, что соответствует программному требованию критиковать «буржуазную культуру Запада» [Там же] и одновременно согласуется с логикой усиленного контроля над внешнеполитическими материалами, зафиксированной в документе [3].

Однако если в 1946–1948 гг. локализованная критика проявляется как устойчивый художественный приём, то в начале 1950-х гг. партийное руководство сочло необходимым обозначить границы допустимого сатирического обобщения. В постановлении Секретариата ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1951 г. подчёркивалось, что в журнале «единичные отрицательные факты выдаются за общие недостатки работы государственных, профсоюзных и других организаций», вследствие чего у читателей «создается неправильное представление о работе этих организаций» [12]. Теперь карикатура может фиксировать недостаток, но не должна превращать его в типологическое обобщение, способное быть истолкованным как системная критика.

© Иванова Т.В., 2026

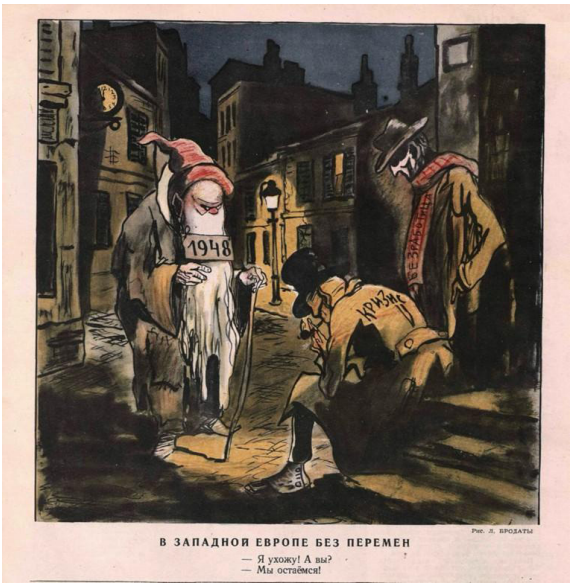

Рис. 2. В западной Европе без перемен. Л. Бродаты [6]

Эта логика особенно наглядна в карикатуре «В том-то и дело» от 20 июня 1952 г. (рис. 3). Сюжет построен на визуальной гиперболе канцелярской перегруженности: персонаж окружён стопками папок «дело», а диалог раскрывает смысл парадокса – «много дел» именно потому, что он «ничего не делает». Важный элемент композиции – вынесенное над рисунком пояснение, уточняющее должность и обстоятельства случая, что заранее объясняет ситуацию и фиксирует границы ее интерпретации. Такой приём соответствует требованию не создавать «неправильного представления» о работе организаций через обобщение единичного факта [12]. Карикатура, таким образом, демонстрирует «правильный» для данного периода режим визуальной сатиры, имеющий однозначность и частный характер обвинения.

Рис. 3. В том-то и дело. А. Баженов [7]

© Иванова Т.В., 2026

В совокупности рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в конце 1940-х – начале 1950-х гг. художественные параметры напрямую подчинялись идеологическим задачам. Позднее смерть И.В. Сталина и последующие политические изменения привели к частичному пересмотру культурной политики. Ключевым событием стал XX съезд КПСС (1956 г.) и доклад Н.С. Хрущёва о культе личности, повлекший за собой некоторую либерализацию в сфере искусства и печати.

Так в годы «оттепели» визуальная сатира журнала «Крокодил» развивается в условиях сохранения идеологических ограничений, но все же заметен сдвиг в характере художественного высказывания. При внешней преемственности тематических мотивов по отношению к позднесталинскому периоду, таких как критике бюрократизма, формализма, лицемерия – меняется сама логика сатирического изображения. И здесь важно подчеркнуть, что сходство объектов критики не отменяет эволюции жанра. Режим художественного высказывания меняется от прямого обличения к иронии, метафоре и рефлексии над самой практикой критики.

Одним из наиболее показательных проявлений этого изменения становится обращение к теме неэффективности критики как таковой. В карикатуре «И так бывает» (рис. 4) объектом сатиры является уже не конкретный порок или носитель неправильного поведения, а сам механизм критического высказывания, превратившийся в формальный ритуал.

Рис. 4. И так бывает. Ю. Федоров [8]

Карикатура построена на простой визуальной метафоре «глухоты к критике». Персонаж сидит и слушает, крупно обозначено слово «критика», которое как бы входит в одно ухо и тут же «вылетает» из другого. Смысл рисунка – показать, что критические замечания формально воспринимаются, но, по сути, не усваиваются и не приводят к изменениям. Изображение не предлагает зрителю готового «исправительного» решения и не выносит однозначного приговора. Подобная постановка вопроса свидетельствует о появлении в оттепельной сатире рефлексивного уровня, практически отсутствовавшего в позднесталинской период.

Далее рассмотрим карикатуру «Снимок в районную газету» (рис. 5), в которой высмеивается привычка делать красивую «картинку» для отчёта и газет, скрывая реальное положение дел. При этом критика направлена не на конкретное должностное лицо и не на систему в целом, а на повседневный, рутинный характер подобных практик. Важным отличием от позднесталинской сатиры является то, что изображение предполагает узнавание и соучастие зрителя, а не его дисциплинирование.

Рис. 5. Снимок в районную газету. А. Цветков [9]

© Иванова Т.В., 2026

Особое место в «оттепельной» визуальной сатире занимает карикатура «Эй, уважаемые, нельзя ли спуститься на землю?» (см. рис. 6), в которой критика приобретает пространственно-метафорический характер. Чиновники и руководители изображены буквально «в облаках», будто парят над реальной жизнью, тогда как простой рабочий «внизу» обращается к ним с просьбой «спуститься на землю». Главный посыл рисунка – показать разрыв между управленческими решениями с их «заоблачными» планами и реальной действительностью. Такой приём показывает, что карикатура стала выразительнее: она уже не просто обличает конкретный случай, а через метафору говорит шире – о том, как руководители зачастую отрываются от реальной жизни.

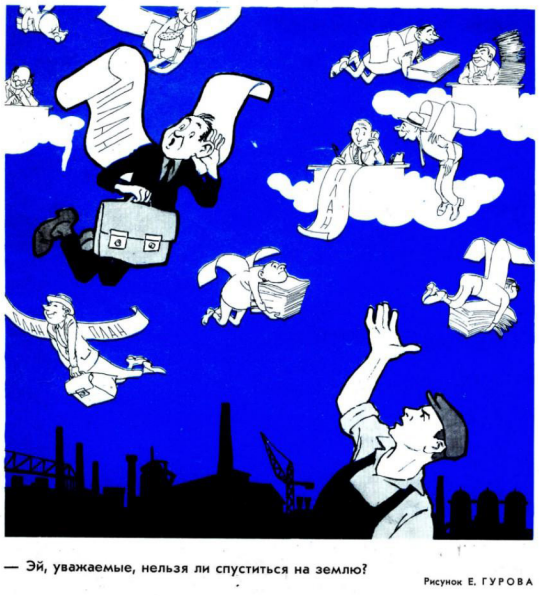

Рис. 6. Эй, уважаемые, нельзя ли спуститься на землю? Е. Гуров [10]

Таким образом в карикатурах периода «оттепели» художник занимает позицию наблюдателя, фиксирующего типичные, повторяющиеся ситуации. Зритель при этом включается в процесс интерпретации и не получает заранее заданного вывода. Однако несмотря на сохраняющееся избегание прямой персонализации критики, оттепельная карикатура отличается большей художественной свободой. Она допускает ироническую многозначность, использование визуальной метафоры и характеризуется усложнением художественного языка.

Проведенный анализ визуальной сатиры журнала «Крокодил» в период от позднего сталинизма к «оттепели» позволяет рассматривать карикатуру не просто как иллюстративный элемент печатного издания, а как самостоятельный визуальный текст, чутко реагирующий на изменения общественно-политических ситуаций. При заметной преемственности тематических мотивов различия проявляются прежде всего на уровне художественного языка и авторской позиции.

Если в позднесталинский период художественный язык карикатуры был подчинён задаче идеологической прозрачности и воспитательного воздействия, то период «оттепели» следует рассматривать как внутреннее переосмысление предшествующей традиции, в рамках которого нормативно-обличительная модель уступает место более наблюдательной, иронически-рефлексивной форме. Полученные выводы позволяют расширить представление о роли визуальной сатиры в советской культуре как о динамичном феномене, находящемся в постоянном диалоге с политической обстановкой и цензурными ограничениями.

© Иванова Т.В., 2026

Литература

1. Архив «Крокодила» 1922–2008 // Livejournal. [Электронный ресурс]. URL: https://old-crocodile.livejournal.com/380146.html (дата обращения: 26.12.2025).
2. Беккер С.А. «Жилищная революция» в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.: значение и итоги // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2018. № 3(20). С. 26–29. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1527845433.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
3. Докладная записка агитпропа ЦК А.А. Жданову по вопросу контроля над внешнеполитическими материалами журнала «Крокодил». 10.09.1946 г. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.su/DFYsx (дата обращения: 13.07.2026).
4. Иванова Т.В. Отражение событий Сталинградской битвы на страницах журнала «Крокодил» // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2025. № 1(60). С. 8–12. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1741101683.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
5. Крокодил. 1946. Март. № 7.
6. Крокодил. 1948. Декабрь. № 36.
7. Крокодил. 1952. Июнь. № 17.
8. Крокодил. 1956. Февраль. № 6.
9. Крокодил. 1963. Октябрь. № 29.
10. Крокодил. 1963. Январь. № 2.
11. Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) о журнале «Крокодил» // Сталин: революционер, вождь, человек: сайт о жизни и деятельности И.В. Сталина. [Электронный ресурс]. URL: https://stalinism.ru/kultura-i-iskusstvo/postanovlenie-orgbyuro-tsk-vkp-b-o-zhurnale-krokodil.html?ysclid=mkfc4vk7nk626402206 (дата обращения: 13.01.2026).
12. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения». 26 сентября 1951 г. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/191520-postanovlenie-sekretariata-tsk-vkp-b-o-nedostatkah-zhurnala-krokodil-i-merah-ego-uluchsheniya-26-sentyabrya-1951-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 13.01.2026).

TATYANA IVANOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE DEVELOPMENT OF VISUAL SATIRE OF THE MAGAZINE “CROCODILE” IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND POLITICAL CHANGES IN THE USSR: FROM LATE STALINISM TO THE “THAW”

The transformation of visual satire of the Soviet magazine “Crocodile” in the period of 1946–1964 is considered. There is analyzed the influence of the censorship policy, the ideological guidelines and party political and governmental rules on the thematic and artistic contents of caricatures. The comparison of stages of late Stalinism and the “Thaw”, the identification of changes in the nature of satirical image, the degree of generalization and visual techniques are emphasized.

Keywords: *visual satire, caricature, censorship, magazine “Crocodile”, late Stalinism, “thaw”, Soviet ideology.*

© Иванова Т.В., 2026

УДК 94:2

Д.А. КУЛИКОВА
(kulikovadiana183@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

«ИНОВЕРЦЫ» В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ: ОБРАЗ И ВОСПРИЯТИЕ НЕХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ (XI–XV вв.)*

Исследуется образ нехристианских конфессий в русских летописях XI–XV вв. Анализ ключевых летописных сводов показывает, что религиозная принадлежность была основным маркером чуждости, формируя оппозицию «свой-чужой». Выявляются особенности восприятия разных групп иноверцев и эволюция их образов. Рассматриваются функции этих образов в летописном повествовании: объяснение исторических событий, укрепление религиозной идентичности и репрезентация внешнеполитических контактов

Ключевые слова: *летопись, древняя Русь, иноверцы, «поганый», язычество, ислам, иудаизм, религиозная идентичность.*

Анализ представлений об «иноверцах» в русских летописях является ключом к пониманию менталитета и системы ценностей древнерусских авторов. Данная тема сохраняет свою актуальность, т. к. способы формирования восприятия «Другого» через религиозную принадлежность в значительной степени обусловливали историческое и политическое мышление Древней Руси и до сих пор оказывают влияние на культурные стереотипы в современности.

Новизна данного исследования заключается в целостном рассмотрении образов ключевых нехристианских религий – язычества, ислама и иудаизма, в их развитии и взаимосвязи в период, когда происходило становление древнерусской историографии.

Цель исследования – выявить и проанализировать закономерности формирования и трансформации представлений об основных нехристианских верованиях, отражённых в русских летописных текстах XI–XV вв., а также определение их роли в системе ценностей древнерусских книжников.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи: проследить эволюцию терминологии, используемой для обозначения «иноверцев»; проанализировать специфику образов разных конфессиональных групп; установить роль этих образов в летописных текстах.

Для проведения анализа были использованы ключевые древнерусские летописные источники: «Повесть Временных Лет» (ПВЛ), выступающая в качестве основополагающего свода, определившего основные смысловые рамки; Новгородские летописи, отражающие специфику северо-западных земель Руси; а также памятники формирующегося Московского летописания XIV–XV вв., реконструированные по более поздним сводам, в частности когда-то утраченной Троицкой летописи.

Ключевые аспекты проблемы освещены в трудах ведущих отечественных исследователей. А.Н. Сахаров исследовал внешнеполитические аспекты отношений Руси с кочевым миром и мусульманскими странами [6]. В.Я. Петрухин глубоко проанализировал проблему двоеверия и восприятия язычества в контексте христианизации [7]. И.Н. Данилевский сосредоточил внимание на особенностях летописного повествования и методах создания образа прошлого [1]. В.Т. Пашуто в своей фундаментальной работе проанализировал место Древней Руси в системе международных отношений, что позволяет понять внешнеполитический и военный контекст летописных упоминаний о «иноверцах» [3]. Исходя из научных достижений указанных исследователей, данная работа выстраивает собственную теоретическую и методологическую базу, что позволяет предложить новый взгляд на проблему.

В древнерусском летописании восприятие «иноверца» формировалось в основном посредством четкого разделения на «свой-чужой», где определяющем признаком чуждости являлась вера. Приверженец православия («свой») противопоставлялся «поганому» – общему названию для всех нехрис-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Куликова Д.А., 2026

тиан. Данный термин изначально подразумевал отторжение и духовную не чистоту [4, с. 15]. Данное противопоставление способствовало укреплению собственной религиозной самоидентификации: принадлежность к «русским» означала исповедание православия, а все находящееся вне этой священной сферы воспринималось как враждебное или потенциально угрожающее. Эта оппозиция «своего» и «чужого» была ключевым элементом в формировании образа «иноверца» в древнерусских летописях.

Для наименования представителей других религий использовался широкий спектр терминов, которые со временем менялись. Наиболее универсальный был упомянутый «поганый», который применялся к различным языческая группам – от половцев и литовцев до местных волхвов [5, с. 199, 236]. Для обозначения мусульман часто использовались этно-конфессиональные термины, такие как «бесермены» или «агаряне», что, в соответствии со средневековыми представлениями, указывало на их происхождение от врагов избранного богом народа [Там же, с. 405].

Образ иудеев древнерусские летописцы формировали, опираясь на евангельский образ фарисеев. В христианском понимании фарисейство символизировало лицемерное и показное благочестие, скрывавшее гордость и духовную ограниченность. Иудеи воспринимались не просто как «чужие», представители иной веры, а как олицетворение притворства и поклонения перед ложными идеалами [1, с. 256].

Внутри общей категории «поганых» летописцы проводили четкое различие между «внутренними» и «внешними» иноверцами.

Как «внутренний враг» наибольшую опасность представляло собой язычество, т. к. оно разрушало внутреннюю сплоченность русских земель. Волнения, возглавляемые волхвами, о которых упоминается, к примеру, в Новгородской первой летописи под 1071 г., трактуются не как выражения социального недовольства, а как дьявольское искушение, и борьба с ними предстаёт как священная обязанность княжеской власти [2, с. 196]. Волхв изображается как ложный пророк, вводящий людей в заблуждение и ведущий к гибели. Его поражение в споре с христианским правителем (князем Глебом) является символическим подтверждением победы истиной веры над темными силами старого мира [7, с. 151, 276].

Внешние язычники (половцы, литовцы и угры) изображались прежде всего, как военная и политическая угроза. Они – «поганые», наказывающие Русь за грехи, но также и объект миссионерских устремлений. Однако, их образ был менее отрицательным, чем образ «внутренних» язычников или иудеев, поскольку считалось, что они изначально небыли знакомы с истинной верой. Летописи фиксируют сложные отношения с кочевыми народами, включавшие не только войны, но и династические браки, и военные союзы, однако, несмотря на это, религиозный аспект всегда оставался определяющим в оценке этих контактов [6, с. 67].

Мусульмане и иудеи воспринимались как сознательные носители ложной веры. В «Повести временных лет» в рассказе о «выборе веры» Владимиром, ислам изображается как вера, отнимающая жизненные удовольствия и радость, а иудаизм – как религия народа, утратившего свою землю в наказание за свои грехи [5, с. 176]. Подобное изображение служило скорее не объективной характеристикой, а аргументом в пользу особого статуса православной веры, свидетельствующем о её богоизбранности. В дальнейшем они часто выступают в роли искусителей, стремящихся отвратить православных с пути истинного [Там же, с. 177].

В летописных текстах образ «иноверца» играл большую нарративную роль и в продвижении определенных идеологических установок.

В первую очередь, он служил инструментом для интерпретации исторических событий. Неудачи русских войск часто объяснялись как божественное наказание за грехи, реализованное через «поганых» [Там же, с. 208, 210]. В тоже время, военные победы, например, Куликовская битва, приобретали сакральный смысл как торжество креста над полумесяцем или языческими идолами, а князь, одержавший победу, представлялся как защитник веры [4, с. 421].

Кроме того, летописцы не могли игнорировать мирные взаимодействия с представителями иных вероисповеданий, включая торговые соглашения, дипломатические миссии и военные альянсы. Объяснение таким «неудобным» с точки зрения строгой доктрины фактам, находилось в практической сфе-

© Куликова Д.А., 2026

ре. Когда князь заключал союз с «погаными» против других «поганых» или даже против враждующих русских князей, он мог быть представлен как дальновидный лидер, который использовал одних недругов против других в интересах Русской земли. Подобные альянсы являлись частью комплексной дипломатической стратегии в Восточной Европе, где Русь пыталась поддерживать баланс сил и обеспечивать свою безопасность [3, с. 4, 90, 91]. Тем не менее, в летописях такие действия не получали религиозного оправдания и оставались в рамках вынужденной политической стратегии, что не отменяло общего отрицательного религиозного восприятия союзника.

Подводя итоги работы, мы можем выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, образ «иноверца» был системообразующим элементом картины мира древнерусского летописца. С XI по XV столетия данный образ претерпевал изменения, двигаясь от более простых к более детализированным и сложным, однако его главная задача оставалась прежней: выступать средством для определения собственной идентичности и обоснования религиозной и политической власти.

Во-вторых, развитие терминологии и образа показывает, что наибольшая неприязнь проявлялась к «внутренним врагам» – носителей языческих пережитков, а также тех, кто сознательно отвергал христианство (иудеев). Внешние язычники и мусульмане воспринимались в основном как военно-политические противники, и их образ мог меняться в зависимости от текущей политической ситуации.

В-третьих, образ «иноверца» не был отражением реальности, а продуктом целенаправленного конструирования. Он использовался для объяснения поражений, придания священного значения победам, подтверждения истинности православия и оправдания власти князей. Следовательно, «поганый» в русских летописях был не столько реальной исторической фигурой, сколько необходимым «Другим», через противопоставление которому определялся православный русский мир.

Литература

1. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2001.

2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

3. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.

4. Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста / Предисл. К. Сербиной. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950.

5. «Повесть временных лет» / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачёва; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1996.

6. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980.

7. Язык. Семиотика. Культура. Из истории русской культуры. Т. 1: (Древняя Русь): Народ. Князья. Религии. Статьи по истории и типологии русской культуры / В.Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000.

DIANA KULIKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

“PEOPLE OF OTHER FAITHS” IN THE RUSSIAN CHRONICLES: IMAGE AND PERCEPTION OF NON-CHRISTIAN CONFESSIONS IN THE EARLY RUSSIAN CHRONICLE WRITING (the XI–XVTH centuries)

The image of non-Christian confessions in the Russian chronicles of the XI–XVth centuries is studied. The analysis of key chronicles shows that the religious identity was the basic marker of alienness, forming the “friend-or-foe” opposition. The specific features of perception of different groups of people of other faiths and the evolution of their images are revealed. The functions of these images in chronicle narration: the explanation of historical events, the strengthening of religious identity and the representation of foreign policy relationships are considered.

Keywords: *chronicle, Ancient Rus, people of other faiths, “heathen”, heathenism, Islam, Judaism, religious identity.*

© Куликова Д.А., 2026

УДК 94:2

Д.А. КУЛИКОВА
(kulikovadiana183@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

ИНСТИТУТЫ И ДИСКУРСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ИНОВЕРЦА» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – начало XX в.)*

На основе анализа правовых актов, официальной церковной позиции, мемуаристики и художественной литературы рассматривается процесс конструирования образа религиозного «другого» в Российской империи XIX – начала XX в. Автор выделяет ключевые институты (государство, церковь, научные общества) и репрезентативные практики (этнографические описания, визуальная культура, литература), которые формировали иерархию конфессий и закрепляли стереотипы о «иноверцах» в массовом сознании.

Ключевые слова: *Российская империя, иноверец, конструирование образа, правовой статус, этнографическое описание, визуальный образ.*

Феномен иноверчества в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в. представлял собой сложный и охватывающий множество аспектов процесс, привлекавший внимание как государственных структур, так и общественного сознания. Для понимания особенностей складывания образа «религиозного другого» необходимо проанализировать правовые рамки, регулировавшие статус представителей не доминирующих вероисповеданий, а также рассмотреть деятельность институтов, через которые этот образ транслировался в культуру.

Основой формирования образа иноверца служила система правовых категорий. Ключевым документом, установившим статус народов на восточных окраинах, стал Устав об управлении инородцами 1822 г., включенный в Полное собрание законов Российской империи [11]. Новая регламентация делила население, не принадлежавшее к русской культурной среде, на три категории: «бродячие», «кочевые» и «оседлые» инородцы [Там же, с. 395]. Как отмечает В.В. Трепавлов, понятие «инородец» имело глубокие исторические корни и отражало представления о подданстве народов, которые не были ни русскими, ни православными. Исследователь выявляет, что на протяжении столетий сформировалась уникальная система взаимосвязей, где верность монарху сочеталась с сохранением традиционного уклада и верований [14, с. 10–11].

Систему правового регулирования религиозной жизни наиболее обобщённо закрепил Свод законов 1832 г., изданный по указу Николая I [12]. В этом сборнике фиксировалась иерархия конфессий: православие определялось как «господствующая и главенствующая» вера, тогда как остальные веры признавалась «терпимыми» [Там же, с. 28–30]. Законодательство различало «инославные» христианские течения (католицизм, протестантство) и «иноверные» не христианские религии (ислам, иудаизм, язычество). Такое положение имело серьёзные правовые последствия, поскольку обращение из христианства в нехристианскою веру до 1905 г. было категорически запрещено.

Движение в сторону укрепления законодательной базы руководства конфессиональными вопросами выделяется также в Полном собрании законов Российской империи, отражающем правовую практику XVIII – начала XIX в. [10]. Документы сборника показывают поэтапное становление организации государственного контроля над вопросами религии, в том числе формирование специализированных учреждений и разработку механизмов регуляции взаимоотношений между конфессиями.

Значительным дополнением к правовым источникам являются статистические материалы. «Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям», которое разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи 1897 г. [13], помогает количественно исследовать масштабы конфессионального многообразия России. Согласно этим данным, православные составляли около 70 % граждан империи, мусульмане –

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Куликова Д.А., 2026

свыше 11%, католики – более 9%, иудеи – около 4%. Полученные цифры наглядно подтверждают высокий уровень религиозного разнообразия в империи, что делало управление конфессиональным разнообразием одной из важнейших задач имперской администрации.

В исследовании Г.Н. Кочешкова «Этнорелигиозный фактор и его проявления в русской провинции в конце XIX – начале XX в.» на материалах Ярославской губернии анализируется, как правовые нормы и официальная идеология транслировались в повседневной жизни провинциальных городов. Автор отмечает, что даже в губерниях с преобладающем православным населением присутствие иноверцев (прежде всего евреев, мусульман, католиков) создавало напряжение, которое разрешалось в рамках присутствующего правового поля, но нередко входило за его пределы, порождая бытовую ксенофобию [4, с. 5–7].

Центральное место занимала позиция Русской православной церкви, закреплённая в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» [8]. В словаре подчеркивалось, что «господствующая церковь не дозволяет себе ни малейших принудительных средств при обращение иноверных в Православие», однако при этом фиксировалось, что переход из православия в другую веру рассматривается как тяжкое преступление – «отпадание» [Там же, с. 12]. Также подробно описывается правовое положение католиков, протестантов, мусульман, иудеев, буддистов, определяя границы дозволенного для каждой конфессии [Там же, с. 13].

Как показывают Е.В. Никольский и Д. Вальчак в русской культурной традиции существовали устойчивые образы, на которые мог проецироваться «религиозный другой». Мотив Антихриста, активно разрабатывавшийся в религиозной публицистике и литературе, создавал эсхатологический фон для восприятия иноверцев, особенно в периоды общественных кризисов [7, с. 4–5]. По мнению авторов, этот мифологический образ мог наделяться конкретными этноконфессиональными характеристиками, отсылая к представлениям о «латинской ереси», «жидовском заговоре» или «магометанской угрозе» [Там же, с. 5].

Далее следует выделить проблему границ между конфессиями и последствий их пересечения. Как отмечает В.В. Трепавлов, на протяжении всей имперской истории существовало напряжение между стремление к унификации (в том числе религиозной) и необходимостью сохранять лояльность нерусских народов через уважение к их традициям [14, с. 6–8]. Это напряжение находило отражение в законодательстве, которое, с одной стороны, провозглашало веротерпимость, а с другой – устанавливало жесткие границы, за которыми начиналось «совращение» и «отпадение» [8, с. 110].

Г.Н. Кочешков также затрагивает вопрос о том, как теоретические представления об иноверцах соотносились с повседневными практиками. В Ярославской губернии, где количество иноверцев было невелико, образ «религиозного другого» формировался в основном под влиянием слухов, газетных публикаций и литературных произведений, а не непосредственного опыта взаимодействия с ними [4, с. 3–4]. Это приводило к тому, что иноверец воспринимался больше, как абстрактная угроза, нежели реальны сосед, что делало его образ более стереотипным и уязвимым для негативных интерпретаций [Там же, с. 7].

Образ иноверца складывался не только на базе правовых норм, но опирался на работу специализированных учреждений, которые занимались сбором и распространений сведений о нерусских и иноверческих народах, а также на визуальные и литературные формы, закреплявшие стереотипы.

Значительный вклад в создание «картины иноверца» вносили путешественники и военные, оставлявшие мемуары и путевые заметки. Воспоминания художника В.В. Верещагина «На войне в Азии и Европе» представляют собой важный источник, отражающий взгляд на иноверцев человека, непосредственно соприкасавшемся с восточными культурами [1, с. 4–5]. Посетивший Среднюю Азию и участвующий в боевых действиях, В.В. Верещагин фиксировал не только внешние черты быта, но и те аспекты, которые складывали представление о «восточном иноверце» в восприятии русского общества. В его записях сочетаются восхищение экзотикой и суровая фиксация военных реалий, формируя сложный двойственный образ. Особое внимание он уделял религиозным обрядам мусульман, их отношение к русским, особенностям быта [Там же, с. 6–7].

Схожую функцию выполняли путевые очерки Н.С. Лыкошина «Хороший тон на Востоке», написанные к полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края [6]. Н.С. Лыкошин подробно описывал бытовые особенности, нравственные установки и религиозные обряды населения

© Куликова Д.А., 2026

Средней Азии, уделяя особое внимание тем элементам, которые, по его мнению, свидетельствовали о степени «цивилизованности» местного населения. Автор стремился не просто описать, но и систематизировать сведения о «восточном иноверце», выступая своеобразным «гидом» по поведению и отношению к местному населению [6, с. 23, 27–28].

Также важным в формировании образа «иноверца» является официальная идеология о власти и подданстве. В работе В.В. Трепавлова показано, как на протяжении веков складывалась система, а которой иноверческие народы воспринимались как подданые, обязанные верностью «белому царю», но сохранявшие при этом свои обычаи и веру. По мнению автора, такая модель формирования отношений создавала определённые рамки для восприятия иноверца: он был «своим» в политическом смысле, но «чужим» в культурно-религиозном [14, с. 5–6, 41–43].

Помимо научных и официальных описаний, важную роль в формировании и распространении образа иноверца сыграла визуальная культура и художественная литература. Именно эти каналы обеспечивали проникновение стереотипов в широкие слои общества, формируя массовые представления о «религиозном другом».

Классическая русская литература сформировала целую галерею образов – от романтизированных горцев-мусульман до демонизированных иудеев. А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» [9, с. 6–7] и М.Ю. Лермонтов в «Герое нашего времени» [5, с. 7–8] создали двойственный образ горца-мусульманина, совмещая восхищение его независимостью с пренебрежительно-снисходительным отношением. Н.В. Гоголь в «Тарасе Бульбе» [2, с. 19] противопоставил православных казаков иноверцам-католикам и иудеям, представив последних как корыстных и враждебных врагов православной веры. Наиболее глубокую попытку изобразить иноверца «изнутри» предпринял Л.Н. Толстой в «Хаджи-Мурате» [3, с. 4–5, 34], изобразив чеченского военачальника не как абстрактного «горца», а как конкретного, осязаемого человека с трагичной судьбой.

В исследовании Г.Н. Кочешкова отмечено, что в общественном сознании русской провинции конца XIX – начала XX в. существовали устойчивые негативные представления об иноверцах (например, о евреях, как о «хищниках» и «алчных» людях). Сам автор, ссылаясь на публицистику К.Д. Кавелина, показывает, что подобные стереотипы активно тиражировались в печатных источниках того времени – в газетах, журналах, публицистических очерках, где обывателю предлагались готовые образы «инородца» или «иноверца» без необходимости быть лично с ним знакомым [4, с. 3].

Особое значение в визуальной трактовке образа иноверца имела живопись, в частности упомянутый ранее В.В. Верещагин. В его воспоминаниях неоднократно описываются сюжеты, связанные с изображением «восточного человека» [1, с. 30–31, 60–61, 75–76]. Создавая масштабные полотна о войнах в Туркестане и на Балканах, художник фиксировал не только боевые эпизоды, но и бытовые детали, портреты, религиозные обряды. Его произведения складывали у зрителя сложный, многогранный образ «восточного иноверца», где сочетались экзотическая привлекательность и жестокость, красота восточного колорита и «дикость» нравов. Как отмечает сам В.В. Верещагин, его цель – передать не только внешние признаки, но и внутреннее состояние личности, что, однако, неизбежно порождало субъективные трактовки и укрепляло определенные стереотипы [Там же, с. 91–92].

Официальный образ иноверца складывался не без участия Православной церкви, чья позиция может быть рассмотрена в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» [8, с. 12]. В нем детально излагались различные вероисповедания, при этом их описание строилось на сопоставлении с православием. Особое внимание уделялось тем аспектам вероучения и обрядовой практики, где выявлялись отклонения от «истинной веры» [Там же, с. 12–13]. В словаре также закреплена иерархия религиозных течений, где православие занимало безусловно доминирующее положение. Католики описывались как «отпавшие» от истинной церкви, протестанты – как «уклонившиеся» в ересь, мусульмане – как последователи «лжепророка», иудеи – как «распявшие Христа», а язычники – как «поклоняющиеся твари вместо Творца» [Там же, с. 12–14].

Анализ нормативно-правовых документов, деятельности научных институтов и репрезентативных практик свидетельствует о сложной природе формирования образа иноверца в Российской империи. Правовые классификации, зафиксированные в Уставе об управлении инородцами 1822 г. и Своде законов 1832 г.,

© Куликова Д.А., 2026

закрепляли иерархию конфессий. Статистические материалы переписи 1897 г. обеспечили количественное измерение присутствия иноверцев. Официальная позиция церкви, отражённая в энциклопедическом словаре, определила систему координат, в рамках которой иноверец воспринимался как носитель «ложной» и «порочной» веры. В свою очередь мемуары и путевые очерки формировали эмоциональное отношение к «восточному иноверцу». Наиболее мощным инструментом распространения стереотипов среди широких общественных слоев стала художественная литература, создавшая целую галерею образов. В совокупности эти элементы формировали институциональную и дискурсивную базу, лежавшую в основе дальнейшего создания образа иноверца в публицистике, живописи и повседневных практиках.

Литература

1. Верещагин В.В. (1842–1904). На войне в Азии и Европе: Воспоминания худож. В.В. Верещагина. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. VI.
2. Гоголь Н.В. (1809–1852). Тарас Бульба: повесть / с рис. М. Зичи, Р. Штейна, А. Котляревского [и др.]. СПб.: А.Ф. Маркс, ценз. 1893.
3. Каппелер, Андреас. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонная. М.: Прогресс-Традиция, Традиция, 2000.
4. Кочешков Г.Н. Этнорелигиозный фактор и его проявления в русской провинции в конце XIX начале XX в. (по материалам Ярославской губернии) // Социально-политические исследования. 2024. № 2(23). С. 73–85.
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / ил. Шмаринова, авт. предисл. С. Дурылин. М., Л.: Детгиз, 1948.
6. Лыкошин Н.С. «Хороший тон» на Востоке: к полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. Петроград: тип. Б.Д. Брукера, 1915.
7. Никольский Е.В., Вальчак Д. Конкретный человек или отвлеченная сила: мотив Антихриста в русской культуре // Libri Magistri. 2019. № 4(10). С. 11–42.
8. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1913. (Репринт: М.: Концерн «Возрождение», 1992).
9. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года: [Путевые записки] / Пушкин; под ред. и с примеч. проф. М.Л. Гофмана и со вступ. статьей Сергея Лифаря. 2-е изд. Париж: Лифарь, 1935.
10. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. 1767–1769: [№ 12812–13400]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851.
11. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. 1822–1823: [№ 28858–29724]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851.
12. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов гражданских и межевых, 1832.
13. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат / Ил. Е. Лансере. М.: Современник, 1977.
14. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная лит. РАН, 2007.

DIANA KULIKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

INSTITUTES AND DISCOURSES OF DEVELOPMENT OF THE IMAGE OF "PEOPLE OF DIFFERENT FAITHS" IN THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – the beginning of the XXTH centuries)

On the analysis of legal acts, official church position, memoiristics and fictional literature, the designing of the image of religious "other" in the Russian empire of the XIXth – the beginning of the XXth centuries is considered. The author reveals the fundamental institutes (state, church and scientific societies) and the representative practices (ethnographic description, visual culture and literature) that formed the hierarchy of confessions and strengthened the stereotypes about the adherents of different faiths in public mind.

Keywords: *the Russian Empire, people of different faiths, image designing, legal status, ethnographic description, visual image.*

© Куликова Д.А., 2026

УДК 93/94

А.А. МАЛЫШКОВА
(malyshkovva@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗЫ ДЕКАБРИСТОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX ВВ.: К 200-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ*

Рассматриваются образы декабристов через лирические произведения российских поэтов XIX–XX вв. Показана важность изучения художественной литературы для понимания причинно-следственных связей и мотивов исторических личностей в контексте конкретного события, а также раскрытия прежде неизвестных фактов прошлого.

Ключевые слова: *историко-культурная память, декабристы, восстание 14 декабря 1825 г., российская поэзия, художественная литература.*

«Они скрепили своею кровью дело свободы»
М.С. Лунин [15, с. 26]

Восстание декабристов – одно из самых резонансных событий в истории России, споры о котором будоражат умы современников, заинтересованных потомков и историков вот уже 200 лет.

В научной среде интерес к данной теме не ослабевает. Об этом свидетельствуют публикации последнего десятилетия: «Просветительская деятельность декабристов в Сибири» (2015) [20]; «Мятеж реформаторов. Заговор осужденных, 14 декабря 1825 года – 4 августа 1830 года» (2016) [5]; «Декабристы» (2017) [10]; «В добровольном изгнании: о женах и сестрах декабристов» (2022) [18]; коллективная монография историков Санкт-Петербурга, Москвы и Екатеринбурга «Декабристы: реформы или революция?» (2025) [8] и др.

Отечественный кинематограф с регулярной периодичностью обращается к этой теме: «Декабристы» (1922); «Звезда пленительного счастья» (1975); «Нет чужой земли» (1990); «Дело декабристов» (2016) – документально-художественный фильм; «Союз Спасения» (2019) и «Союз Спасения. Время гнева» (2022) – расширенная версия кинофильма; «Цербер» (2023) – детективно-исторический мини-сериал.

Центральные и региональные музеи и архивы проводят совместные тематические выставки. Например, до 5 апреля 2026 г. проходила масштабная выставка «14 декабря 1825 года», организованная Государственным Эрмитажем совместно с государственным архивом Российской Федерации, где «представлено 108 предметов живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства, рукописи и документов из ведущих музеев и архивов страны» [4].

Очевидно, формы сохранения, изучения и использования исторической памяти о событиях 200-летней давности разнообразны, как и ее носители: архивы, музеи, библиотеки, мемориальные места, кинематограф, театр, литература, в частности, художественная.

Таким образом, объектом данной работы стала художественная литература, посвященная различным аспектам движения декабристов: о самом событии, его участниках и их судьбах впоследствии, а предметом – русские лирические произведения о декабристах, написанные как авторами-современниками событий, так и в последующие эпохи.

Целью работы стало раскрытие образов декабристов посредством лирических произведений российских поэтов XIX–XX вв. Задачами: 1) проследить, как формировались поэтические образы декабристов; 2) сохранить культурно-историческую память вне зависимости от восприятия события историками, увидеть эмоциональную составляющую, т. к. история Отечества это в том числе истории судеб разных людей, их переживания и «живой» взгляд на происходящее.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Малышкова А.А., 2026

События декабря 1825 г. навечно запечатлены в искусстве, в особенности в литературе: о них написаны стихотворения, романы, поэмы. Без декабристов нет подлинной истории Отечества. То, что они дерзнули сделать – первое осознанное выступление за свободу – есть незыблемая часть русского национального самосознания. Но какие люди стояли за этим? Как видели их современники и потомки?

Реакция государственной власти на произошедшее отражена в законодательном акте за подписью главы Российской империи: «…Не в свойствах, не в нравах российских был сей умысел. Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную, но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и будет неприступно. Не посрамится имя русское изменою престолу и Отечеству. Напротив, мы видели при сем самом случае новые опыты приверженности, видели, как отцы не щадили преступных детей своих, родственники отвергали и приводили к суду подозреваемых, видели все состояния соединившимися в одной мысли, в одном желании: суда и казни преступникам» – так характеризуется место восстания в истории и отношение к нему российского общества манифестом от 13 июля 1826 года, подписанным «собственною его императорского величества рукою» [16, с. 6]. Очевидно, главной задачей Николая I было выступить уверенным самодержцем и успокоить общественность, несмотря на то что восстание очень сильно повлияло на царскую семью, и даже сам император хотел бы забыть первый день своего царствования, если бы мог.

А теперь необходимо обратиться к современникам событий. Как описывали участников восстания на Сенатской связанные с ним личности из числа писателей и поэтов? Вильгельм Кюхельбекер – лицейский друг и однокурсник А.С. Пушкина, сам декабрист, избежавший казни, воспевая подвиг Кондратия Рылеева, вложил в его речь такие слова:

«Блажен и славен мой удел:

Свободу русскому народу Могучим гласом я воспел, Воспел и умер за свободу! Счастливец, я запечатлел

Любовь к земле родимой кровью!» [13, с. 211]

Роль Кондратия Фёдоровича Рылеева в революционном движении действительно сложно переоценить. Он был голосом Северного общества, одной из главных движущих сил. Кондратий Рылеев, с его слов на допросе с А.Х. Бенкендорфом – шефом жандармерии, членом Следственной комиссии по делу декабристов – был принят в общество в 1823 г. – в самый разгар работы над уставом. Кондратий Фёдорович был непосредственным организатором восстания и обладал уникальной силой слова: начав путь поэта ещё в кадетском корпусе, Рылеев впоследствии вселял в товарищей веру в правое дело устраивая чтения своих работ на собраниях членов тайных обществ [7, 10]. «Я не знавал другого человека, который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев… В минуты сильного волнения или поэтического возбуждения глаза его горели и точно искрились: столько было в них сосредоточенной силы и огня…», – вспоминал А.В. Никитенко, профессор Санкт-Петербургского университета, обязанный своей карьерой знаменитому поэту-декабристу [22, с. 16]. К.Ф. Рылеев не терял присутствия духа даже находясь в Алексеевском равелине Петропавловской крепости в период следствия: он вёл переписку со своим другом Е.П. Оболенским на кленовых листах и клочках бумаги, где текст был наколот иглой [3]. Позже в камере Кондратия Фёдоровича найдут оловянную тарелку, на которой он оставил строки:

«Тюрьма мне в честь, не в укоризну, За дело правое я в ней,

И мне ль стыдится сих цепей, Коли ношу их за Отчизну!» [Там же].

Однако не все видели в восставших героев, сложивших головы за свободу своего народа: Ф.И. Тютчев, находясь на службе в Мюнхене, после обнародования приговора по делу декабристов написал стихотворение «14 декабря 1825». В нём поэт резко судит декабристов, упрекая их в безрассудстве и бессмысленности выступления против власти. Фёдор Иванович Тютчев считает, что жертва декабристов канет в лету и не оставит свой след в истории:

© Малышкова А.А., 2026

«И ваша память от потомства
Как труп в земле, схоронена» [21, с. 82].

М.Ю. Лермонтов уже в 1839 г. пишет «Памяти А.И. Одоевского», где рассказывает о своих странствиях с Александром Ивановичем по Кавказу. Поэт вспоминает о характере декабриста в строках:

«Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных В нём тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную» [14, с. 99].

Александр Одоевский, один из самых юных участников восстания, был на Сенатской площади в тот судьбоносный для России день. Через два года, согласно приговору, он был отправлен в ссылку в Сибирь. После ареста А. Одоевский начал активно писать и в заключении обрёл репутацию поэта декабристской каторги [12, 23]. Именно он написал стихотворение «Струн вещих пламенные звуки» в ответ на послание декабристам «В Сибирь» от А.С. Пушкина. Несмотря на все лишения, изнуряющий труд и тяжёлые условия жизни, А. Одоевский был уверен, что их общее дело обязательно принесёт плоды и жертва будет не напрасной:

«Мечи скуём мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы! Оно нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!» [17, с. 73]

Александр Иванович не знал, что его слова окажутся пророческими, и народы действительно «радостно вздохнут» – грянула революция. Память о декабристах жива и после прихода новой власти: советский поэт Н.Н. Асеев написал в 1926 г. стихотворение «Синие гусары», где между строк можно прочувствовать атмосферу собраний Северного и Южного обществ, поверить в идеалы, которые вели их к цели:

«– Я тебе отвечу, друг дорогой, Гибель не страшная в петле тугой! Позорней и гибельней в рабстве таком Голову выбелив, стать стариком.
Пора нам состукнуть клинок о клинок:
В свободу – сердце моё влюблено» [2, с. 154].

События 1825 г. прочно сохранились в народной памяти, что даже спустя сто лет авторы продолжают воспевать стремление декабристов к тому, чтобы снять оковы рабства с русского народа. Советская власть воплотила идею равенства декабристов и, безусловно, их превознесла. Советские поэты не владели такой информацией о личностях восставших, как современники, но они прекрасно знали и видели своими глазами, какой ценой досталась свобода на их веку, что такое офицерская честь и как трудно отстаивать то, во что веришь, даже если для этого нужно пожертвовать собой. Размышления о чести и «гражданской казни» декабристов отражены в проникновенном стихотворении Н.Я. Агнивцева «Шпага декабря» 1928 г. Николай Яковлевич – детский писатель советской эпохи, начинал как поэт Серебряного века, побывав по обе стороны «баррикад» – два года был в эмиграции и после вернулся на родину. Он пишет об оружии чести, с помощью которого осуждённых лишали титула:

«Среди музейного покоя Белеет шпага Декабря…
И до сих пор ещё – в печали
Она вздыхает над собой… Её недаром ведь ломали
Над декабристской головой!» [1].

На данный момент в Санкт-Петербурге, на территории Петропавловской крепости, напротив обелиска с профилями пяти казненных декабристов установлена бронзовая композиция из переломленной шпаги и офицерских эполет, поверх которых лежит массивная цепь. Однако даже лишившись привилегий и будучи в тысячах километров от родного дома – в Сибирской ссылке – декабристы сохраняли веру в свободу, что «звезда пленительного счастья» обязательно взойдёт над Россией, только

© Малышкова А.А., 2026

в своё время. Об этом от лица ссыльных декабристов пишет А. Городницкий в своей «Песне декабристов» 1984 года:

«Пусть запомнят потомки на все времена, Добывая победу в сраженье:

Не всегда для свободы победа нужна, Ей нужнее порой – пораженье.

Потому-то и тут больше века подряд, В необъятной заснеженной шири, Наши песни поют, наши цепи звенят, Наши избы стоят по Сибири» [6].

Декабристы были не «горстию извергов», это были сильные духом люди, желавшие для России и её народа того светлого будущего, которого она заслуживала. И несмотря на трагическое поражение, декабристы, оставшиеся в живых, работали на благо края, куда их отправили отбывать наказание: занимались медициной и просвещением местных детей [18, 19]. И главное, сами декабристы и их современники продолжали писать. Писать, чтобы не пропало их «дум высокое стремленье».

Отвечая на вопрос о декабристах, поставленный нами в начале статьи, хочется вспомнить о княгине Марии Волконской – супруге каторжанина Сергея Волконского, воспетой Н.А. Некрасовым и в своих записках оставившей фундаментальные строки о декабристах и их подвиге, читая которые, нельзя не испытать чувства гордости и грусти: «Действительно, если даже смотреть на убеждения декабристов, как на безумие и политический бред, всё же справедливость требует признать, что тот, кто кладёт голову на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество…» [9, с. 46].

Подводя итоги, выделим главное: тема декабристского движения актуальна, как и суть самой идеи, поэтому поэтические образы декабристов становятся не только предметом изучения филологами, но довольно часто используются в исторических исследованиях. На формирование образов декабристов в поэзии влияло несколько факторов: политические взгляды, социальное положение, государственная должность авторов, наконец, государственная идеология конкретного исторического периода. Несмотря на объективные и субъективные обстоятельства, каждый поэт внес свой вклад в сохранение культурной памяти. Фигуры декабристов актуальны и в контексте изучения роли личности в истории. Благодаря поэтическим произведениям (в данном случае выступающих в качестве источника), представляется возможным дополнить историческую картину, взглянув на декабристов с другой стороны – не только как на фигуры исторической арены, но и как на обычных людей, которые жили, мыслили и боролись до конца.

Литература

1. Агнивцев Н.Я. Шпага декабря // Русская поэзия. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RQ7Xy (дата обращения: 01.12.2025).

2. Асеев Н.Н. Стихотворения и поэмы / ред. Гейро Л.С. Л.: Советский писатель, 1967.

3. Берлянт А. Декабристы в русской поэзии // Семь искусств. 2021. № 2. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RQ9QT (дата обращения: 30.11.2025).

4. Выставка «14 декабря 1825 года» // ГАРФ. [Электронный ресурс]. URL: https://statearchive.ru/2012 (дата обращения: 15.01.2026).

5. Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Заговор осужденных, 14 декабря 1825 года – 4 августа 1830 года. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда: Союз писателей Санкт-Петербурга, сор., 2016.

6. Городницкий А.М. Песня декабристов // Александр Городницкий. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RQ7fT (дата обращения: 02.12.2025).

7. Готовцева А., Киянская О. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013.

8. Декабристы: реформы или революция?: колл. моногр. / отв. ред. П.В. Ильин. СПб.; М.: Наука, 2025.

9. Записки княгини Марии Николаевны Волконской / С предисловием и приложениями издателя кн. М.С. Волконского. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904.

10. Из показаний Кондратия Фёдоровича Рылеева // Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущаго устройства; под ред. А.К. Бороздина. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 161–196.

11. Киянская О.И. Декабристы. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017.

12. Котляревский Н.А. Князь Александр Иванович Одоевский. Его жизнь и литературная деятельность // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1.

13. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. / вступ. ст. и примеч. Королевой Н. М-Л.: Советский писатель, 1967.

© Малышкова А.А., 2026

14. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. / худ. Богачев С.В. М.: Воскресенье, 2000. Т. 2.
15. Лунин М.С. Сочинения и письма / Декабрист М.С. Лунин; Ред. и примеч. С.Я. Штрайха. Петербург: Тип. Коминтерна, 1923.
16. Немзер А.С. Четверо о незабываемом // Мемуары декабристов / сост., вступ. ст. А. Немзера. М.: Изд. «Правда», 1988. С. 5–18.
17. Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений / ред. Киселев В.С. Л.: Советский писатель, 1958.
18. Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании: о женах и сестрах декабристов. М.: Наука, 2022.
19. Ретунский В.Ф. Врачебная деятельность декабристов в Западной Сибири // Сибирь и декабристы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1978. Вып. 1. / редкол.: д-р филол. наук Б.С. Мейлах (гл. ред.) и др.], 1978. С. 103–109.
20. Стафеева Н.А. Просветительская деятельность декабристов в Сибири // Теория и практика современной науки. 2015. № 2(2). С. 234–238.
21. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / ред. Бухмейер К.К. Л.: Советский писатель, 1957.
22. «Я не исчез в бездонной мгле…». К 190-летию восстания декабристов (подготовлено редакцией) // Восход. 2016. № 1(261). С. 15–21.
23. Ягунин В. Александр Одоевский. М.: Молодая гвардия, 1980.

ANASTASIYA MALYSHKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE IMAGES OF THE DECEMBRISTS IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XIXTH – XXTH CENTURIES: ON THE 200TH ANNIVERSARY OF THE DECEMBRIST UPRISING

The images of the Decembrists by the means of the lyrical works of the Russian poets of the XIXth – XXth centuries are described. There is demonstrated the significance of studying the fictional literature for the comprehension of the cause and effect relations and the motives of historical figures in the context of the specified event and the discovery of the unknown facts of the past.

Keywords: *historical and cultural memory; Decembrists; uprising of December 14, 1825; Russian poetry; fictional literature.*

© Малышкова А.А., 2026

УДК 93/94

М.Н. МАТРЕННИКОВА
(matrennikovam@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ГЕРОИ М.А. ВРУБЕЛЯ*

Рассматривается вклад художника в развитие исторического направления в живописи. Проведен анализ ключевых тематических полотен в контексте их создания и отображенных на них фольклорных мотивов. Прослеживается влияние сказочно-фольклорного цикла на художественную среду последнего десятилетия XIX в. и на творческий путь самого М.А. Врубеля.

Ключевые слова: *история России, культурное пространство, изобразительные источники, М.А. Врубель, фольклор.*

Изучение тематических художественных полотен, которые отображают исторические события и героев прошлых эпох – актуальная тема исследований в современном научном сообществе. Об этом свидетельствуют публикации последних лет, причем большинство из них – междисциплинарного характера [2, 3, 5, 17]. Автором уже предпринимались попытки визуализации древнерусской эпохи сквозь призму былинно-исторического цикла полотен В.М. Васнецова [16]. Подчеркнем, в современной культуре наблюдается возвращение к сказочно-фольклорным мотивам, что прослеживается во многих сферах культуры, в том числе в кино, анимации, литературе и цифровом искусстве. Современные искусствоведы [6, 12] даже ввели новый термин «неофольклоризм» для обозначения художественных направлений к. XX – н. XXI вв., которые, с одной стороны, по новому осмысливают формы народного творчества, с другой – указывают на преемственность одного из направлений современного искусства («мистический реализм») и творчеством, в частности, М.А. Врубеля.

Объектом исследования является исторический период творчества М.А. Врубеля (1856–1910), а предметом – конкретные полотна, которые относятся к сказочно-фольклорному циклу художника. Необходимо пояснить, интерес М.А. Врубеля к данному направлению живописи интенсивно проявился в последнее десятилетие XIX столетия, а в начале XX в. художник вновь приходит к своей главной теме, к Демону. Кроме того, формат статьи не позволяет комплексно исследовать все полотна сказочно-фольклорного цикла М.А. Врубеля. Так, в контексте заявленной темы детально рассмотрим следующие тематические картины и панно: «Микула Селянинович» (1896), «Богатырь» (1898), «Пан» (1899) и «Царевна-лебедь» (1900) [7, 8, 9, 10].

Цель работы – определить вклад М.А. Врубеля в развитие исторической живописи в последнее десятилетие XIX в., что требует реализации следующих задач: охарактеризовать исторические условия создания работ М.А. Врубелем; проанализировать полотна, визуализировав тем самым древнерусскую эпоху; проследить их влияние на художественную среду последнего десятилетия XIX в., а также на восприятие творчества самого М.А. Врубеля.

Подчеркнем, автор заявленной темы не ставит задачи проследить конкретно художественные приемы, использовавшиеся художником, основная задача этого исследования состоит в необходимости определить вклад М.А. Врубеля не только для российского искусства, но и для истории Отечества ранних периодов, которая находит свое отражение на полотнах величайших художников, что является продолжением упомянутого исследования о вкладе В.М. Васнецова в развитие исторической живописи последней трети XIX в.

В работах М.А. Врубеля представляется довольно сложным проследить отображение конкретных исторических образов, но влияние мифологических и фольклорных сюжетов на творчество художника очевидно. Эта тема начнет появляться на полотнах М.А. Врубеля во второй половине 90-х гг. XIX –

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Матренникова М.Н., 2026

начале XX вв. Приблизительно с момента его переезда в Абрамцевскую усадьбу С.И. Мамонтова, где вместе с другими участниками художественного кружка М.А. Врубель занимался не только исторической живописью, но и возрождением древнерусских ремесел и декоративно-прикладного искусства. Необходимо отметить, национальное прошлое страны привлекало М.А. Врубеля исключительно с мифопоэтической стороны [5]. На его полотнах нельзя найти витязей, совершавших ратные подвиги, или бытовой уклад, царствовавший в далеком прошлом. Работы М.А. Врубеля больше направлены на авторскую интерпретацию используемых им легенд, мифов или литературных произведений – это не просто иллюстрации к ним, а скорее сотворчество художника с предшествующими творцами, вдохновленное их фольклорными и мифологическими мотивами.

Первым опытом работы в фольклорной тематике М.А. Врубеля является сюжет из былины «Микула Селянинович», который воплощен в одноименном панно и ряде работ декоративно-прикладного характера – речь идет о каминах М.А. Врубеля (рис. 1). Сейчас исследователям известно о существовании пяти экземпляров камина, имеющих некоторые отличия в композиции и цветовых решениях, но представляющие один сюжет, в основу которого легло упомянутое панно М.А. Врубеля, созданное в 1896 г. [1].

Рис. 1. М.А. Врубель «Микула Селянинович» (эскиз для большого панно, 1896, ГТГ, Москва) [8]

Былина повествует о князе Вольге, который, отправляясь собирать дань, встречает могучего пахаря Микулу Селяниновича и поражается его силе и трудолюбию, после чего приглашает Микулу в свою дружину. К сожалению, на данный момент само панно бесследно утрачено и судить о его содержании можно только по сохранившимся эскизам художника, которые являются не менее важным источником для изучения. М.А. Врубель в своем панно отразил момент встречи Микулы и Вольги. На нем выделяется по-простому одетый крестьянин, который пашет землю со своим конем, но, несмотря на всю внешнюю простоту, нельзя не увидеть мощи Микулы Селяниновича, которой обычно народный эпос наделяет богатырей, с какой легкостью он опирается на плуг – все это свидетельствует о силе русского духа, живущей в обычном пахаре. В ином ключе представлен князь Вольга Всеславьевич – в противовес Микуле – он изображен в темных, тяжелых тонах, среди которых сложно разглядеть русского богатыря на его боевом коне. Рядом с образом пахаря он кажется слишком громоздким. Если Микула олицетворяет спокойствие и умиротворение, то Вольга – ярость и волнение. По словам литератора В.Л. Дедлова-Кигна, в образе Вольги можно, скорее, обнаружить «варяга, колдуна и чародея» [13, с. 62]. Сам Михаил Александрович хотел воплотить в пахаре Микуле «силу земли русской», как пишет в своих воспоминаниях о художнике Н.А. Прахов [11, с. 320].

Идея М.А. Врубеля о силе простого пахаря разместилась на масштабном панно, которое тот готовил к выставке, проходившей в 1896 г. в Нижнем Новгороде. Комиссия Академии художеств не восприняла работу художника, отвергнув панно с формулировкой «нехудожественное» [5]. С.И. Ма-

© Матренникова М.Н., 2026

монтов, который являлся заказчиком, был крайне недоволен сложившейся ситуацией: через посредничество С.Ю. Витте меценат пытался добиться разрешения на экспонирование панно М.А. Врубеля, однако ему было отказано [15]. Тогда Савва Иванович с присущей ему энергией решил на собственные средства построить специальный павильон для работ М.А. Врубеля. Его венчала следующая надпись: «Выставка декоративных панно художника М.А. Врубеля, забракованных жюри императорской Академии художеств» [Там же, с. 251]. Поступок был вполне в стиле С.И. Мамонтова, однако последние пять слов в названии пришлось замазать, в связи с тем, что это обстоятельство вызывало большие недовольства. Необходимо также сказать, что вход в павильон был бесплатным. Однако и без того редко выставляемые полотна художника вызвали большое количество негативных отзывов со стороны публики. В этот период М.А. Врубель с женой Н.И. Забелой уезжают за границу в свадебное путешествие.

Несмотря на события, случившиеся на нижегородской выставке, М.А. Врубель не отходит от былинно-мифологической тематики: он пишет в 1898 г. своего «Богатыря» (рис. 2).

Рис. 2. М.А. Врубель «Богатырь» (1898, ГРМ, Санкт-Петербург) [7]

Так же, как и у В.М. Васнецова, это обобщенный образ героя былин. Однако в этом полотне заметна связь с сюжетом «Микула Селянинович» – это возможно проследить по эскизам, оставшимся после разработки панно: по пропорциям всадника и изображению коня «Богатырь» схож со своим предшественником, Вольгой [11, с. 30]. На полотне запечатлен несколько гиперболизированный образ богатыря, однако при этом его можно назвать монументальным. М.А. Врубель ощутимо исказил пропорции, сильно расширяя горизонтали, поэтому и богатырь, и конь получились неправдоподобно огромным и кряжистым. Е.И. Ге, родная сестра Н.И. Забелы, в своих воспоминаниях пишет о том, что лошадь скорее расходится в ширину, нежели чем в длину, однако отмечает, что лицо у богатыря приятное [Там же, с. 217]. В момент начала написания полотна М.А. Врубель с женой гостили в хуторе Ге Черниговской губернии. Н.А. Дмитриева, в свою очередь, говорит, что в фигурах богатыря и лошади есть какая-то «искусственная раздутость», объясняя это тем, что М.А. Врубелю ближе более лег-

© Матренникова М.Н., 2026

кие и лиричные образы, хотя отрицать факт того, что художник ощущал всю силу и мощь русского богатыря нельзя [13, с. 72]. В герое полотна чувствуется спокойствие и стойкость духа: даже верхушки деревьев расположены, как бы у его ног, а богатырский конь будто неразрывно связан с землей русской – он вырастает прямо из-под нее [5]. Пейзаж только подчеркивает монументальность: сумрачный лес обволакивает фигуру богатыря, подчеркивая статичность всей композиции, о которой пишет Н.А. Прахов [11, с. 323]. В «Богатыре» М.А. Врубеля сказочно-былинные мотивы переплетаются с реальностью: работа художника выглядит как иллюстрация к народному преданию.

На всенародное обозрение полотно так и не было выставлено: об этом, по воспоминаниям Е.И. Ге, сестре пишет сама Н.И. Забела, которая даже рада тому, что Мир искусства отказал в экспонировании «Богатыря», потому как считает, что «его бы только ругали». Однако при этом отмечает, что сам Михаил Александрович был доволен работой, а точнее ее законченностью [Там же, с. 218]. Необходимо сказать, что одному из самых влиятельных для М.А. Врубеля деятелей искусства, Н.А. Римскому-Корсакову, полотно нравится. По его мнению, «Богатырь» отдаляется от загадочного направления в живописи, которое демонстрировалось мирискусниками и не пришлось по вкусу самому Н.А. Римскому-Корсакову [Там же, с. 30].

В 1899 г. М.А. Врубель продолжает творить в мифологическом направлении и пишет одну из своих знаменитейших картин – «Пан» (рис. 3).

Рис. 3. М.А. Врубель «Пан» (1899, ГТГ, Москва) [9]

По словам Н.А. Дмитриевой, это полотно можно назвать вершиной может не всего творчества М.А. Врубеля, то хотя бы «его сказочной сюиты» [13, с. 72]. Как бывало у художника, своего сатира он начал рисовать поверх уже начатого портрета Н.И. Забелы и написал его всего за несколько дней. Считается, что поводом для написания полотна послужило чтение «Святого сатира» А. Франса. Однако сатир М.А. Врубеля, как изначально была названа художником картина, сочетает черты не только от лесного божества из греческой мифологии, но и от лешего из русских сказок.

Характерен в этом плане и пейзаж, на фоне которого восседает пан: он тоже чисто «русский». Это подтверждается тем, что пейзаж написан с натуры, о чем в своих воспоминаниях свидетельствует Б.К. Яновский [11, с. 250]. Композитор пишет, что пейзаж на полотне – вид, открывающийся с террасы хотылевского дворца, который выходил, по всей видимости, на опушку леса или рощи,

© Матренникова М.Н., 2026

окруженной со всех сторон березами. В той местности, где восседает пан, уже наступила ночь: примечательно, что серп луны на полотне имеет красноватый оттенок, что добавляет картине атмосферности. Сам сатир сидит не то на поваленном стволе, не то на траве: нижняя часть его тела срастается с окружающей растительностью. Герой полотна представляет собой лесную нечисть, однако, на наш взгляд, Н.А. Дмитриева, назвавшая его «сказочным дедом», как ни странно, права [13, с. 72]. В ярко-голубых глазах пана не читается опасности для странника: по первому впечатлению, можно даже сказать, что взгляд его пуст, что довольно нетипично для М.А. Врубеля, однако это, скорее, свидетельствует о мудрости и многих прожитых летах мифического существа. В руках пан держит свирель – важный атрибут для его народа [13]. В целом, можно сказать, что в образе сатира снова сливается нечто фантастическое с реалистическим: пан появляется перед нами в образе нечисти, будто охраняющей местные порядки, как крестьянин-пастух, которого оторвали от игры на флейте [11, с. 31].

Однако наиболее ярким примером, который отражает стык фантастики и реализма в работах М.А. Врубеля является его «Царевна-лебедь», которая была символично написана на грани двух эпох – в 1900 г. (рис. 4).

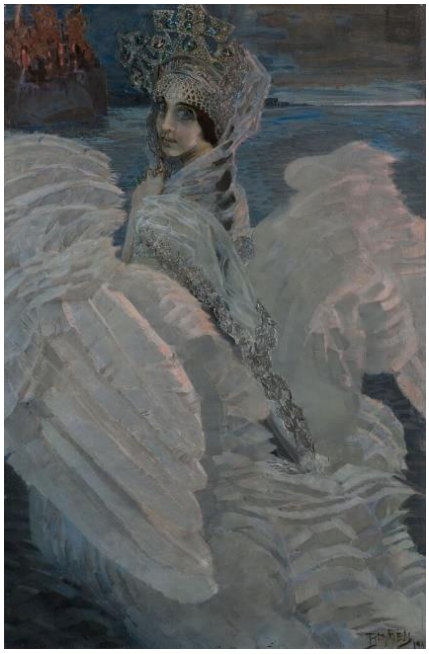

Рис. 4. М.А. Врубель «Царевна-лебедь» (1900, ГПТ, Москва) [10]

Как принято считать, поводом к написанию полотна послужила работа М.А. Врубеля над эскизами для музыкальной драмы Н.А. Римского-Корсакова

«Сказка о царе Салтане», в которой партию Царевны исполняла Н.И. Забела-Врубель. Однако Н.А. Дмитриева считает, что стилистически Царевна-лебедь М.А. Врубеля ближе не к героине «Сказки о царе Салтане», а к Деве-Обиде из произведения «Слово о полку Игореве» [13, с. 72]. Эта мысль прослеживается и у первого биографа М.А. Врубеля – А.П. Иванова [14, с. 51]. В центре композиции – девушка, которая уже готова к перевоплощению в прекрасную сказочную птицу. Сама атмосфера и цветовая гамма полотна говорит о загадочности. Художник выбрал для «Царевны-лебедь» светлые, воздушные оттенки, однако можно заметить, как на фоне багрового заката «маячат» огоньки, которые подчеркивают общую тревожность картины: она находит отражение и во взгляде синих глаз Царевны, окруженной легкими, переливающимися тканями и мерцающими перламутром украшениями.

© Матренникова М.Н., 2026

Все эти детали – цвета, поза, взгляд Царевны, как будто через них М.А. Врубель хочет передать таинственную, волшебную атмосферу сказочных метаморфоз, однако некая недосказанность напоминает о том, что тайна эта непостижима. Столь сказочное произведение М.А. Врубеля, коим являлась «Царевна-лебедь», было практически сразу куплено М.А. Морозовым для его личной коллекции [13, с. 6]. Полотна «Царевна-лебедь» и «Пан» получили и общеевропейскую известность, однако необходимо заметить, что внимание публики акцентировалось по большей части на врубелевском сатире [11, с. 31]. Несмотря на это М.А. Врубель свои полотна продавал сравнительно дешево, о чем пишет сестре Н.И. Забела: «Царевну-лебедь» художник продал всего за триста рублей, однако известно, что эту работу он копировал еще два раза – для Я.Е. Жуковского и Н.К. фон Мекка [Там же, с. 219].

Безусловно, М.А. Врубель больше известен для общественности своими «демоническими» героями, однако его мифологические сюжеты заслуживают не меньшего внимания. Можно сказать, что художник создал собственный сказочный мир, в котором нашли отражение русские фольклорные мотивы и даже народные предания. Однако хотелось бы отметить, что будь на картинах изображен мощный богатырь или легкая и воздушная Царевна-лебедь – везде мы можем найти проявления собственного стиля М.А. Врубеля. По словам А.Н. Бенуа, М.А. Врубель остается для большинства людей, даже сведущих в искусстве, загадкой [4, с. 403]. При этом критик приводит мнение, согласно которому о М.А. Врубеле существует две противоположные точки зрения – одни считают его «шарлатаном», другие превозносят его как «гения». Сам А.Н. Бенуа не отрицает гения художника, хотя отмечает присущие ему иногда «выверты» [4]. В целом, это высказывание можно отнести ко многим полотнам художника: его работы притягивают, но их необходимо довольно долго изучать, «привыкать», прежде чем разгадать гений М.А. Врубеля.

Таким образом, можно подвести итоги: на полотнах М.А. Врубеля были запечатлены его сказочные миры, собственная интерпретация русских сказок и преданий: даже картина «Богатырь» (1898), на смежную с В.М. Васнецовым тематику, значительно отличается от классических образов былинных витязей – работы М.А. Врубеля граничат на стыке реальности и фантазии. Однако необходимо также отметить, что в сказочности и загадочности фольклорных образов М.А. Врубеля однозначно ощущается та самая «национальная нотка», которая сближает творчество художника с древнерусской культурой и позволяет тем самым визуализировать мифологические представления эпохи Древней Руси. Это дает основание утверждать, что направление, связанное с визуализацией исторической действительности через изобразительные источники, нуждается в более детальном изучении.

Литература

1. Баранова С.И., Деменина Е.Ю. К истории каминов «Встреча Вольги Святославовича и Микулы Селяниновича» М.А. Врубеля // Артикульт. 2020. № 1(37). С. 41–47.

2. Бейнер И.Я. Репрезентация монархической власти в русском искусстве второй четверти XIX века // Исторические, философские, политические и юридические наук, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 3(89). С. 107–110.

3. Белоусова А.Д., Сухорукова Е.П. Отражение правления княгини Ольги в творчестве российских художников // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2024. № 3(92). С. 32–40.

4. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. М.: Республика, 1995.

5. Видеркер В.В. Фольклорная основа сказочного цикла М.А. Врубеля // Universum: Филология и искусствоведение. 2017. № 3(37). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4472 (дата обращения: 09.01.2026).

6. Волошина Л.А. Искусство как пространство жизненных смыслов // Психологическая газета. 14 июля 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/12381 (дата обращения: 09.01.2026).

7. Врубель М.А. «Богатырь». 1898 // Государственный Русский музей. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.su/KuUjw (дата обращения: 09.01.2026).

8. Врубель М.А. «Микула Селянинович». Эскиз для большого панно. 1896 // Государственная Третьяковская галерея. [Электронный ресурс]. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/20945 (дата обращения: 09.01.2026).

9. Врубель М.А. «Пан». 1899 // Государственная Третьяковская галерея. [Электронный ресурс]. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8433 (дата обращения: 09.01.2026).

10. Врубель М.А. «Царевна-лебедь». 1900 // Государственная Третьяковская галерея. URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8395 (дата обращения: 09.01.2026).

© Матренникова М.Н., 2026

11. Гомберг-Вержбинский Э.П. Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике / сост. и коммент. Э.П. Гомберг-Вержбинской и Ю.Н. Подкопаевой. М.: Искусство, 1963.
12. Гурченко А.И. Фольклоризм как феномен в искусстве: историко-методологическое исследование. Минск: БГУКИ, 2023.
13. Дмитриева Н.А. Михаил Врубель: Жизнь и творчеством. 2-е изд. М.: Дет. лит., 1988.
14. Иванов А.П. Врубель. СПб: Типография Морского Министерства, 1911.
15. Копшицер М.И. Савва Мамонтов. М.: Искусство, 1972.
16. Матренникова М.Н. Былинно-исторические сюжеты В.М. Васнецова // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2025. № 3(62). С. 142–147. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1752769601.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
17. Романова М.С. История России последней трети XIX столетия в изобразительном искусстве современников периода: некоторые аспекты // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2023. № 3(50). С. 130–138. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1690370698.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

MARIYA MATRENNIKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE FOLKLORE CHARACTERS OF M.A. VRUBEL

The contribution of the artist in the development of the historical line in painting is considered. There is conducted the analysis of the key thematic paintings in the context of their creation and the folklore motives, reflected at them. The influence of the fairy folklore cycle on the art world of the last decade of the XIXth century and the creative way of M.A. Vrubel is examined.

Keywords: *history of Russia, cultural space, artistic sources, M.A. Vrubel, folklore.*

© Матренникова М.Н., 2026

УДК 93/94

К.В. ФИЛАТОВА
(filatovaksenia18042005@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ИВАНА IV В ИСТОРИОГРАФИИ ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА*

Рассматривается новый этап, начавшийся после смерти И.В. Сталина, характеризующийся «оттепелью» идеологических установок и возникновением иных мнений в науке. Статья представляет собой анализ формирования представления об Иване Грозном в исторической науке позднего советского периода. На основе работ ведущих историков эпохи, таких как А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, Л.В. Черепнин, Д.Н. Альшиц, выявляются ключевые аспекты этого образа, его идеологическая обусловленность и связь с актуальной политической ситуацией.

Ключевые слова: *Иван IV, Иван Грозный, царь, опричнина, советская историография.*

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности И.В. Сталина, в советской исторической науке начался процесс переосмысления многих исторических оценок, в том числе и личности Ивана IV. Усилилась критика жестоких методов правления, особенно опричнины, и ее негативного влияния на экономическое и социальное развитие страны. Обозначим этот период как этап переосмысления и критики сложившегося ранее в советской историографии образа Ивана Грозного. Рассмотрим работы наиболее влиятельных историков в этой области.

Начнём наш анализ историографии позднего советского периода с А.А. Зимина, который издал свой труд «Опричнина Ивана Грозного» в 1964 г. Историк характеризует опричнину как противоречивое и жестокое явление, имевшее крайне негативные последствия. А.А. Зимин пишет, что ликвидация удела Владимира Старицкого и разгром Новгородской республики стали заключительным этапом продолжительного процесса консолидации русских земель под властью Московского правительства в период опричнины. Конфликт, обусловленный глубокими интересами правящей феодальной элиты, в определенной степени соответствовал ожиданиям городского и крестьянского населения, страдавшего от междоусобных конфликтов аристократии. Однако опричнина представляла собой сложное и многогранное явление, в котором новые и старые элементы переплетались в противоречивом единстве. Характерной чертой опричнины стало то, что централизаторская политика осуществлялась в архаичных формах, иногда «под лозунгом возврата к старине». Например, для ликвидации остатков удельно-княжеской системы правительство создало новый государев удел – опричнину. Утверждая принцип самодержавия как основу государственного устройства, Иван IV Грозный сосредоточил всю полноту исполнительной власти на территории земщины, т. е. на основной части русских земель, в руках Боярской думы и приказов, фактически усилив влияние феодальной аристократии в политической системе Русского государства. Так историк описывает отрицательное влияние политики царя: «Варварские, средневековые методы борьбы царя Ивана со своими политическими противниками, его безудержно жестокий характер накладывали на все мероприятия опричных лет зловещий отпечаток деспотизма и насилия. Здание централизованного государства строилось на костях многих тысяч тружеников, плативших дорогой ценой за торжество самодержавия». Усиление феодально-крепостнического гнета в условиях экономического кризиса стало важным фактором, способствовавшим окончательному закрепощению крестьян. Массовый отток населения на южные и восточные рубежи государства, а также запустение центральных районов, стали очевидными последствиями опричнины, свидетельствующими о нежелании крестьян и горожан мириться с ростом налогового бремени и недоимок. По мнению историка, сопротивление угнетенных слоев общества политике опричнины постепенно нарастало, что привело к формированию предпосылок для масштабного крестьянского восстания, которое вспыхнуло в начале XVII века [2, с. 479–480].

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Филатова К.В., 2026

Р.Г. Скрынников в своём труде «Опричный террор», изданном в 1969 г., также рассматривает личность Ивана Грозного в контексте опричнины, называя это явление настоящим террором. Историк считает, что причиной кровопролитных событий послужили не только предполагаемое отделение Московской церкви или известный новгородский сепаратизм, но и стремление утративших поддержку влиятельных групп господствующего класса правителей удержать власть любыми средствами. В условиях массового террора, всеобщего страха и системы доносительства, созданный в опричнине репрессивный аппарат приобрёл чрезмерное влияние на политическую структуру управления. В конечном итоге, механизм террора вышел из-под контроля своих создателей. Последними жертвами опричного террора стали те, кто стоял у его истоков. Историк пишет, что в литературе нередко преувеличиваются масштабы опричного террора. Данные источников о десятках тысяч жертв опричнины существенно завышены. Наиболее точное представление о масштабах опричнины даёт синодик опальных царя Ивана IV, основанный на подлинных документах из опричного архива. Согласно этому источнику, в период массового террора (1567–1572 гг.) было уничтожено около 3–4 тыс. человек. Половина из них проживала на территории Новгородско-Псковской земли. Казнены были до 600–700 земских дворян. Общая численность дворянского ополчения в XVI в. составляла 25–30 тыс. человек. В годы террора наибольший ущерб был нанесён не титулованной аристократии, а старомосковскому боярству, высшей приказной бюрократии, руководству церкви и части дворянства – тем социальным группам, которые традиционно являлись опорой монархии и поддерживали её политику централизации. В заключение Р.Г. Скрынников пишет, что «с политической точки зрения террор против указанных группировок был полной бессмыслицей» [3, с. 228].

Л.В. Черепнин в своём труде «Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв.», опубликованном в 1978 г., рассматривает Ивана IV как сторонника неограниченной власти, а опричнину как «опыт применения на практике одного из возможных вариантов государственности». Историк отмечает, что царь твердо придерживался идеи абсолютной монархии. Его идеалом было «православное истинное христьянское самодержство» патриархального типа, где правитель, наделенный божественной властью, обладал неограниченными полномочиями. Государственная мощь, по его мнению, напрямую зависела от полного повиновения народа. Любые притязания знати на политическое влияние неизбежно приводили к внутренним конфликтам и ставили под угрозу единство страны. В отличие от монархов других государств с ограниченной властью, русские самодержцы черпали свою силу именно в единоличной власти, свободной от влияния бояр и вельмож. Царь считался высшим правителем, не подсудным и не ответственным ни перед кем за свои поступки. Сам Иван Грозный писал Курбскому, что русские правители всегда действовали по своему усмотрению, не нуждаясь в чьем-либо одобрении [4, с. 96–97]. Историк обращает внимание на то, что несмотря на разнообразие взглядов русских публицистов XVI в. на политическое устройство России, их основной интерес сосредотачивался на взаимодействии самодержавной власти, Боярской думы и Земского собора. Именно соотношение этих институтов, по мнению Л.В. Черепнина, формировало облик зарождающейся сословно-представительной монархии. С 1560-х годов, с учреждением опричнины Иваном Грозным, этот строй претерпел существенные изменения [Там же, с. 100]. Согласно точке зрения историка, анализ причин возникновения опричнины в Русском государстве ставит перед нами сложный вопрос о противоречиях в политическом развитии России XVI в. В то время как в 1550–1560-х гг. страна развивала институты сословного представительства, она одновременно сделала шаг к установлению деспотического правления. Однако тот факт, что опричная военная диктатура была одобрена сословным представительным органом, не означал перехода от «сословно-представительной монархии к самодержавию». Иван Грозный вновь обратился к Земскому собору за поддержкой в 1566 г. Таким образом, введение опричнины можно рассматривать как опыт одного из возможных путей государственного устройства. Середина XVI в. была периодом активного формирования различных государственных концепций. Иван Пересветов, князь Андрей Курбский и сам Иван IV предлагали свои политические идеи, опираясь на опыт других стран (Византии, Турции, Польши) и, главное, на реальную

© Филатова К.В., 2026

русскую действительность. В заключение Л.В. Черепнин отмечает, что в этот период происходило сложное взаимодействие двух тенденций в развитии государственного строя: одна вела к формированию сословно-представительной монархии, характерной для Европы, а другая – к абсолютизму с элементами восточной деспотии [4, с. 105].

Д.Н. Альшиц издал свой труд «Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного» в 1988 г. и внёс значительный вклад в восприятие образа Ивана Грозного. По мнению историка, самодержавие не смогло бы утвердиться без мощного аппарата принуждения, созданного царской властью, а именно опричнины. Однако, для более полного понимания сущности опричнины, необходимо пересмотреть устоявшиеся представления о ней. В частности, следует отказаться от идеи, что опричнина действительно разделила страну на две отдельные части. Эта концепция разделения, по сути, была замыслом самого Ивана Грозного, который изначально представлял опричнину как личный удел, отделенный от остальной «земщины», управляемой боярами, воеводами и приказными людьми. На самом деле, опричнина была устроена иначе, чем казалось на первый взгляд. Все эти «разделения», особенно деление государства на земщину и опричнину, по сути, были созданием, согласно точке зрения историка, «верхнего этажа власти» [1, с. 230–231]. Исторически сложившиеся органы управления, оставшиеся в земщине, включая Боярскую думу, оказались под полным контролем царя. Более того, чтобы единовластие стало реальностью, требовалось нечто большее, чем формальное провозглашение царской власти или желание монарха править единолично, даже при поддержке влиятельных групп. Любому государству нужна организованная сила: собственные вооруженные отряды и аппарат власти. Благодаря опричнине царь наконец избавился от влияния Боярской думы и церковных князей. В заключение Д.Н. Альшиц пишет: «Именно в опричнине Грозного и при помощи опричнины начался исторический путь царизма» [Там же, с. 234].

Таким образом, в поздний советский период облик Ивана IV претерпел значительные изменения. Вместо прежнего однозначного представления о нем как о «грозном» защитнике самодержавия, он стал восприниматься как более многогранная и неоднозначная личность. Теперь его рассматривают как правителя, чьи действия включали как выдающиеся государственные свершения, так и ужасающие злодеяния, и чье историческое наследие до сих пор вызывает оживленные дискуссии. Исследования позднего советского времени стали фундаментом для дальнейших толкований эпохи Ивана IV в постсоветский период.

Литература

1. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1988.
2. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964.
3. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1969.
4. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. = Земские соборы русского государства в шестнадцатом-XVII вв. М.: Наука, 1978.

KSENIYA FILATOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE REFLECTION OF THE IMAGE OF IVAN IV IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE LATE SOVIET PERIOD

The new stage, beginning after the death of I.V. Stalin, characterized by the "thaw" of ideological principles and the emergence of other opinions in science, is considered. The article is the analysis of development of the ideas about Ivan the Terrible in the historical science of the late Soviet period. On the basis of the works of leading historians of the era, such as A.A. Zimin, R.G. Skrynnikov, L.V. Cherepnin and D.N. Alshits, the key aspects of this image, its ideological dependence and the connection with the current political situation are discovered.

Keywords: *Ivan IV, Ivan the Terrible, tsar, oprichnina, Soviet historiography.*

© Филатова К.В., 2026

УДК 93/378

А.А. ШЛЫЧКОВА
(slyckovaarina0@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Рассматривается процесс реформации высшего образования в России во второй половине XIX в., ключевыми элементами которого стали либерализация университетской среды и появление высшего женского образования. Несмотря на последовавшие контрреформы, эти преобразования привели к необратимому расширению и качественному изменению образовательной системы России.

Ключевые слова: *университет, автономия, система высшего образования, высшие женские курсы, Бестужевские курсы, образовательная политика, университетский Устав.*

Актуальность исследования: Социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. было отмечено динамичной сменой либеральных реформ консервативными преобразованиями. Анализ процесса реформирования высшего образования в данный период позволяет выявить эффективные методы управления и формы функционирования высшей школы, представляет широкий научный интерес для исследователей истории развития высшего образования в России, а также служит моделью для анализа последствий предоставления и ограничения академической автономии университетам. Создание в ту эпоху сети новых университетов и профильных институтов демонстрирует механизм адаптации системы образования к экономическим потребностям развития государства и общества, что сохраняет свою значимость и сегодня. Особое значение имеет изучение зарождения высшего женского образования как социокультурного прорыва, раскрывающего возможности для преодоления социальных барьеров. Таким образом, понимание цикличности и результатов образовательной политики XIX в. предоставляет ценные ориентиры для формирования сбалансированной и эффективной научно-образовательной системы в настоящем.

Данное исследование рассматривает систему образования, как зеркало всех общественных процессов XIX в. Работа наглядно демонстрирует, как через призму образовательной политики, введения университетских уставов, изменения в стоимости обучения и борьбы за доступ к знаниям, можно проследить механизм социально-экономического развития страны.

Проблема развития высшего образования в России во второй половине XIX в. занимает особое место в отечественной историографии. Первые попытки систематизировать опыт реформирования высшей школы в судьбоносные для нашей страны годы сразу после отмены крепостного права относятся еще к дореволюционному периоду. Вопросами развития образования в контексте преобразований российских императоров во второй половине XIX в. занимались как советские, так и современные ученые. Так, С.В. Рождественский в своем труде «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения» описал работу министерства, привел статистические данные и анализ исторических материалов с 1802 по 1902 гг., сделал первые выводы о результатах работы ведомства [6].

В советский период вопрос о развитии образования изучался в исторических трудах наиболее активно. Ярким примером таких исследований можно считать труд А.Е. Иванова «Высшая школа России в конце XIX – начале XIX вв. В нем автор подробно анализирует официальные документы и документы личного происхождения, приводит в пример статистику университетов и количество обучающихся, использует периодическую печать (см. напр.: журнал «Техническое и коммерческое образование») и подробно рассказывает об историографии прошедших лет [4].

Начиная с 2000-х гг. вопросам развития университетов посвящены десятки работ, активными исследованиями начинает заниматься А.И. Аврус. В своем труде «История российских университетов» автор подробно анализирует имеющуюся историографию и источниковую базу и описывает события,

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ.

© Шлычкова А.А., 2026

которые приводили к реформированию сферы образования, не только через политическую составляющую России, но и через активное развитие общественной жизни и высказывания современников [1].

Методологической основой работы выступают принципы историзма, системности и объективности. Принцип историзма показал, что реформы и контрреформы в образовании логично вытекали из общей ситуации в стране, т. е. от ужесточения режима при Николае I, через «оттепель» Александра II и до нового ужесточения в 1880-е гг. Принцип системности наглядно продемонстрировал, что изменения в сфере высшего образования имели весомое влияние на общество, так, например, появление новых специальностей способствовало развитию науки и экономики, а появление женского образования меняло роль женщины в обществе. Принцип объективности позволил взвешенно оценить проведенные реформы, показав как их достижения, так и ограничения.

Для понимания масштаба образовательных реформ второй половины XIX в. в России необходимо оценить состояние высшей школы накануне преобразований. Правление Николая I, особенно после европейских революций 1848 г., ознаменовалось жёстким курсом на ограничение университетской автономии и свободомыслия. Выявление студенческих кружков в Киевском и Харьковском университетах привели к радикальным мерам: запрещены были командировки за рубеж для подготовки к профессорскому званию и прекратилось приглашение в российские университеты зарубежных профессоров, что резко ограничило контакты с мировой наукой, а также усилился политический надзор за преподавателями и содержанием лекций [Там же, с. 23].

Сословные ограничения стали ещё одним тормозом развития системы образования. Приоритет при поступлении отдавался дворянам и сыновьям высокопоставленных чиновников и купцов, что резко сужало социальную базу студенчества [7, с. 1]. Результатом стал не только качественный упадок уровня преподавания, превращавшегося, по воспоминаниям современников, в формальную процедуру, но и значительное сокращение численности учащихся. Так, Устрялов, учившийся в 1852–1856 гг. в Санкт-Петербургском университете, вспоминал, что многие профессора читали одни и те же лекции из года в год, а так как у студентов были теперь литографированные тексты, то они по ним следили. На экзаменах требовали заучивания текста, часто без понимания его смысла. В результате общее число студентов в российских университетах снизилось с 4,5 тыс. в 1848 г. до 3 тыс. в 1853 г. Система высшего образования находилась в состоянии глубокого кризиса и остро нуждалась в пересмотре [1, с. 23].

Курс Александра II на модернизацию страны не мог обойти сферу образования. Ключевым актом стал Университетский устав 1863 г., даровавший высшим учебным заведениям значительную автономию. Учёные советы получили право самостоятельно избирать ректоров, деканов и профессоров, формировать учебные программы и распределять финансы [5]. Это оживило научную и учебную жизнь, способствовало притоку талантливых преподавателей и повышению престижа университетского образования.

Параллельно шло количественное и структурное расширение системы высшего образования. Открывались новые университеты (например, первый в Сибири – Томский в 1888 г.), что способствовало просвещению регионов. Бурный рост промышленности стимулировал развитие технического образования: старые техникумы преобразовывались в институты (напр. Петербургский технологический институт), создавались новые высшие сельскохозяйственные и ветеринарные учебные заведения, как в столицах, так и в провинции. Значимым явлением стало развитие специального образования – консерваторий, училищ и институтов искусств.

Наиболее яркой и социально значимой реформой стало допущение женщин к высшему образованию. Долгое время единственной возможностью для них было обучение за границей (например, русские женщины составляли до 80% славянского отделения Цюрихского университета) или допущение девушек в университетах на правах вольнослушательниц. В России начали открываться Высшие женские курсы – это были неполноценные университеты, но уже серьёзные учебные заведения. Первые такие курсы проф. В.И. Гурье открылись в Москве в 1872 г., в Киеве в 1878 г. и Казани в 1876 г. [3, с. 27].

Однако главным женским вузом России стали Бестужевские курсы в Петербурге (1878 г.), названные в честь их официального попечителя К.Н. Бестужева-Рюмина. Они давали фундаментальное образование по университетской программе, а лекции читали ведущие учёные страны: химики Д.И. Мен-

© Шлычкова А.А., 2026

делеев и А.М. Бутлеров, ботаник А.Н. Бекетов, историк С.М. Соловьев и т. д. Выпускницы – «бестужевки» – стали символом новой, образованной и самостоятельной женщины [3, с. 28].

Либеральный период сменился консервативной реакцией. Новый Университетский устав 1884 г. фактически ликвидировал автономию, вновь поставив вузы под жёсткий административный и политический контроль министерства [9]. Были повышены плата за обучение и ограничены права студенческих объединений. Под удар попали и женские курсы: в 1886 г. их набор был приостановлен [4, с. 103].

Несмотря на консервативные преобразования конца века, образовательная политика эпохи Александра II привела к необратимым и значительным изменениям, дав широкий импульс развитию отечественной науки. К концу XIX в. в России насчитывалось 63 высших учебных заведения, в которых обучалось около 30 тысяч студентов (против 3 тысяч в 1853-м г.). Число специалистов с высшим образованием выросло вчетверо. Юридическое, медицинское и педагогическое направления стали наиболее востребованными в конце XIX в. [Там же, с. 318]. Система стала более разнообразной, включив в себя технические, сельскохозяйственные, педагогические и женские учебные заведения [3, с. 27]. Непоследовательная государственная политика в сфере высшего образования, включавшая то введение жесткой цензуры, то автономии управления университетами, не способствовала взрывному росту высшего образования, т. к. отражала социально-экономическую ситуацию в стране, связанную с активным развитием общественны движений. Однако, даже частичные реформы и их последующее ограничение заложили основу для будущего расширения образовательного пространства России, сделав высшее образование более доступным и многопрофильным.

Литература

1. Аврус А.И. История российских университетов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
2. Андросова О.А. Генезис и содержание высшего женского образования в России во второй половине XIX – начала XX века: дисс. … канд. пед. наук. М., 2008.
3. Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века). СПб: СПбГУАП, 2001.
4. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991.
5. Об изменении Устава и Штатов Императорских Российских Университетов 1863 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. III. СПб., 1878. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/408919-sbornik-postanovleniy-po-ministerstvu-narodnogo-prosvescheniya-t-3-tsarstvovanie-imperatora-aleksandra-ii-1855-1864 (дата обращения: 14.01.2026).
6. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3MRvAQ (дата обращения: 15.01.2026).
7. Терещенко Г.Ф. Особенности развития высшей школы России второй половины XIX века // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус» 2002. Т. 2. № 2. С. 165–172.
8. Харламова Т.Н. Университетская реформа в России 80-х годов XIX века и ее продолжение в начале XX века: исторический аспект исследования: дисс. … канд. историч. наук. М., 2010.
9. Устав Императорских Российских Университетов 1884 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IX. СПб., 1893. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/408925-sbornik-postanovleniy-po-ministerstvu-narodnogo-prosvescheniya-t-9-tsarstvovanie-imperatora-aleksandra-iii-1884 (дата обращения: 15.01.2026).

ARINA SHLYCHKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE SPECIFIC FEATURES OF DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY

The reformation of higher education in Russia in the second half of the XIXth century is considered, the key elements of this process are the liberalization of university environment and the introduction of higher women education. In spite of the subsequent counter-reforms, these transformations led to the unconvertible widening and the qualitative changes of the educational system of Russia.

Keywords: *university, autonomy, system of higher education, Higher Women's courses, Bestuzhev courses, educational policy, university's constitution.*

© Шлычкова А.А., 2026

История Нижневолжского региона

УДК 908:623.486

П.А АРТЕМОВ
(umniwi@gmail.com)
Волгоградский государственный социально педагогический университет

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМОНТНЫХ БАЗ ТАНКОВ И ДВИГАТЕЛЕЙ И ИХ РАБОТА В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ПЕРИОД 1943–1944 ГГ.*

Рассматривается история организации ремонтных баз бронетехники в Сталинградской области в период с февраля 1943 г. по лето 1944 г. В ходе исследования были освещены такие ключевые моменты, как затруднения, с которыми столкнулись рембазы в ходе своей деятельности, специализация и расположение рембаз в Сталинградской области, результаты их деятельности по ремонту танков.

Ключевые слова: *рембазы, Сталинградская битва, ремонт бронетехники, Великая Отечественная война, промышленность, танковое производство.*

Окончившаяся 2 февраля 1943 г. Сталинградская битва поставила значительные задачи перед правительством в сфере решения вопросов, касаемых ликвидации последствий столь кровопролитного сражения в виде десятков сотен уничтоженных танков, которые были «разбросаны» по необъятной Волго-Донской степи. Для решения этой задачи необходимо было как организовать ремонт танков на ранее существующих базах танкостроения (завод № 264 (судоверфь) и Сталинградский тракторный завод (далее СТЗ)), так и создать новые станции ремонта бронетехники. В данной работе мы подробно осветим процесс развертывания на предприятиях Сталинграда ремонтных баз, их эффективность в данной сфере, затруднения, которые были ими встречены.

Развертывание рембаз как первоначальная задача промышленности Сталинграда обосновывается резким падением производительности танкостроительных предприятий. Так, если за 1942 г. было изготовлено всего 24653 т., то за 1943 г. было изготовлено 19942 ед., а за 1944 г. всего 16898 ед., т. е. ежегодно количество выпускаемых танков уменьшалось примерно на 18% [2]. Это было связано, в первую очередь, с прекращением выпуска Т-34 на СТЗ (доля выпуска Т-34 СТЗ к общесоюзному производству в 1941 г. составляла порядка 50%, а в 1942 г. – 25%), выпуска легких танков Т-60 на судоверфи (доля изготовления составляла от 14 до 20%), началом работ по изготовлению новых танков (ИС, ИСУ, Т-34-85, СУ-76) [Там же, с. 87]. Таким образом, стояла задача по ликвидации производственного «провала» по выпуску бронетехники, особенно средних танков. Решением этой задачи стала организация ремонта танков Т-34, Т-60/70, КВ, трофейных PZ III и PZ IV.

Нижней хронологической рамкой работы является начало февраля 1943 г., когда появились первые постановления о начале ремонта танков в Сталинграде, а верхней рамкой выступает середина – конец лета 1944 г., когда постепенно прекращается деятельность ремонтных баз по области и рембаз на предприятиях города.

Актуальность работы заключается в подробном исследовании работы не только ремонтных баз на предприятиях города (подробное исследование в этом направлении провел Баженов А.Ю., которое обобщил в своей диссертации), но и отдельных рембаз по Сталинградской области. Также можно отметить, что современное отношение к истории, когда средства массовой информации или непроверенные интернет-источники и другие средства распространения информации могут предоставлять не коррелирующие с историческими фактами материалы или даже перевирающие их, требует публикации достоверных документов, на которые можно было бы опираться при доказательстве тех или иных положений. Данная работа наиболее полно отвечает данному запросу, т. к. все исследование было прове-

* Работа выполнена под руководством Д.И. Лозина, старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Артемов П.А., 2026

дено на основе ранее неопубликованных архивных документов Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО).

Нацистские оккупанты нанесли тяжелейший ущерб Сталинградской области. Особенно это коснулось промышленности. Так, фактически полностью были разрушены такие «гиганты», как СТЗ, «Красный Октябрь», «Баррикады», Метизный завод.

О масштабах разрушения могут свидетельствовать количественные показатели по оборудованию на СТЗ на 27 апреля 1943 г. (причем важно учитывать, что цифры даны уже с условием реэвакуации части рабочего оборудования из области).

Из общего количества станков, которое составляло 3853, 654 ед. было разбито, 1513 ед. сгорело, 293 ед. требует кап. ремонта, 630 ед. еще только ехали и находились на ЖД станции Банная. Таким образом, всего на заводе находилось в рабочем состоянии не более 760 станков [7, Л. 2–4].

По судостроительной верфи мы имеем более полные данные. Мы можем сказать о достаточно серьезном повреждении завода, даже с условием отсутствия прямых боевых столкновений на территории предприятия, которое было вызвано бомбардировкой, в результате которой частично разрушились цеха № 180, № 400, № 170, столовая, повреждение получили цеха № 900, № 300, № 120, № 130, на 40% был разрушен жилой фонд [4, Л. 17].

Как и на СТЗ, было серьезно повреждено оборудование, что наиболее ярко мы можем увидеть при количественном сравнении показателей от 15.8.1942 г., когда его число достигало 693 ед., и показателя от 25.5.1943 г., когда станков осталось около 304 ед. (из них рабочих только 166 ед.) [5, Л. 25].

Также ярким показателем, с одной стороны, экономических потерь заводов, но при этом их постепенного восстановления, могут выступить суммы по наличию основного производственного фонда (ОПФ).

Так, на СТЗ ОПФ в 1940 г. исчислялся в 265 млн руб., а в 1943 г. он уменьшился до 116.6 млн руб., т. е. уменьшился на 56%. В 1944 г. этот показатель, наоборот, повысился относительно довоенного и составил 291.5 млн руб. При этом на заводе № 264 мы наблюдаем обратную ситуацию – уже в 1943 г. судоверфь превысила довоенные показатели на 187% (в 1940 г. ОПФ составлял 52,5 млн руб., в 1943 г. – 151 млн руб., а в 1944 г. – 165 млн руб.) [1, с. 97].

Наиболее острой проблемой предприятия стал кадровый «кризис», который, как мы далее рассмотрим, наиболее сильно будет влиять на эффективность работы рембаз.

Данные по количеству рабочих до войны датируются 10 марта 1940 г., а количественные данные по кадрам предприятий города после окончания битвы датируются справкой 1944 г.

На СТЗ в марте 1940 г. имелось 23107 рабочих [8, Л. 48], их число к апрелю 1943 г. сократилось до 890 (т. е. в 26 раз!), а к концу 1943 г. увеличилось до 8052 чел. [3, Л. 3].

Ситуация на судоверфи, в связи с сохранением работоспособности предприятия на протяжении всей битвы, была значительно лучше.

На 10 марта 1940 г. на заводе № 264 было 3715 кадров [8, Л. 48], а к апрелю 1943 г. их число уменьшилось до 1865 (т. е. примерно в два раза), к концу года оно составило 4585 рабочих [3, Л. 3].

Таким образом, мы можем сделать вывод о значительных материальных и трудовых потерях предприятий города, которые необходимо было восполнять. Однако, несмотря на это, работа заводов не останавливалась, а, наоборот, набирала обороты. Одними из первых заказов заводам стали отправленные на ремонт танки.

Постановлением ГОКО от 22.2.1943 г. при Наркомате танковой промышленности было создано Главное управление по ремонту танков. В систему этого управления входило Сталинградское территориальное управление по ремонту танков (далее СТУРТ), в которое были объединены заводы № 264, ПРБ-170 (полевая ремонтная база), СТЗ (цеха № 5 и № 200), рембаза № 39 (располагался на территории судоверфи).

Официально ремонт танков КВ («Клим Ворошилов») и Т-34 был начат постановлением ГОКО от 24.02.1943 г. Ремонт трофейных танков (PZ III и PZ IV) должен был производиться в Котельниково (ПРБ-170). Ремонт легких танков Т-60 и Т-70 отводился в ответственность Наркомата среднего ма-

© Артемов П.А., 2026

шиностроения. Помимо организованных на территории Сталинградской области рембаз, согласно постановлению от 1.03.1943 г., также должны были передислоцироваться рембазы с Кировского завода с персоналом в 170 чел. и с завода № 174 с 60 рабочими [7, Л. 1].

Несмотря на издание постановления, Сталинградское управление по ремонту танков и дизелей (СТУРТ) приступило к работе только 7 марта 1943 г.

Задачей СТУРТ была организация ремонта танков Т-34, КВ, PZ III и PZ IV. На март месяц СТУРТ располагал всего двумя ремточками – небольшая группа рабочих (около 200 чел.) на заводе № 264 и 170 ПРБ. В конце июня к ремонтным мастерским СТУРТ добавились 258 ПРБ (располагалась на СТЗ), 164 ПРБ (станица Голубинская), 106 ПРБ (Котельниково), 107 ПРБ (завод № 264) [5, Л. 69].

Большинство рембаз были расположены в пределах города, а 164-я и 106-я ПРБ были расположены с учетом возможной быстрой транспортировки на них подбитой техники с поля боя. Важно отметить, что ПРБ имели свою специализацию. Так, 106-я ПРБ занималась ремонтом трофейной техники, 107-я ПРБ – ремонтом Т-60 и Т-70, 258-я ПРБ – ремонтом Т-34 и дизелей В-2.

Первое плановое задание ПРБ Сталинграда носило масштабный характер – предполагалось отремонтировать 400 шт. Т-34, 30 шт. КВ. В действительности были сданы только 19 шт. Т-34 и 14 шт. КВ. Это было связано с тем, что СТЗ и ПРБ-170 еще не включились в работу (на СТЗ, как мы обозначили ранее, был очень большой недостаток оборудования и почти полное отсутствие кадров, не считая разрушения производственных цехов). В отчете основными причинами неудовлетворительной работы указывают отсутствие квалифицированных кадров и недостаток по ремфонду [7, Л. 1].

Ремфонды и кадры становились главной проблемой отсутствия скорейшего развертывания ремонтной деятельности в Сталинграде.

Как мы ранее освещали – в Сталинград должны были прибыть две ПРБ с Кировского завода и завода № 174. Однако до указанного срока, т. е. 25 марта, ни людей, ни самих ПРБ не прибыло. Таким образом, кадровый вопрос продолжал оставаться нерешенным. Причем вопрос оставался «открытым» как минимум до мая 1943 г., т. к. в отчете о ходе ремонта КВ в мае сказано, что прибытие специалистов с завода № 174 еще только ожидается [5, Л. 46].

Проблема с ремфондами заключалась не столько в отсутствии достаточного количества подбитых танков на предприятии, сколько в недостатке комплектующих.

В первые месяцы в отчетах отмечались задержки в поставке с поля битвы танков на рембазы [7, Л. 2], однако если изучить последующие месяцы за мартом и апрелем, то картина окажется иной (см. табл. 1).

Таблица 1

Наличие ремфондов по предприятиям Сталинграда на конец мая 1943 г.

		Поступило с нач. мес.	Выпущено с ремонта	Находятся в производстве
Т-34	264	45	60	19
	Стз	26	20	35
	ПРБ-170	23	21	2
За 31.5		94	81	56
КВ	264	12	5	15
	ПРБ-170	9	9	
За 31.5.		21	14	15
В-2-34	264	104	88	22
	СТЗ	34	20	58
В-2к	264	40	26	19

Источник: ЦДНИВО. Ф. 113 Оп. 14. Д. 158. Л. 47.

© Артемов П.А., 2026

Излишки по поставкам подбитых танков наблюдаются почти по всем категориям, особенно по КВ и двигателям к КВ (В-2к). Такие показатели являются выражением недостатка новых, неповрежденных деталей. Такой кризис сохранялся вплоть до 1944 г. Об этом свидетельствует справка о ходе работы по ремонту КВ и Т-34 в мае месяце 44 года на судоверфи, где указывается, что невыполнение плана по ремонту техники объясняется, в первую очередь, отсутствием необходимых запасных частей (см. табл. 2) [3, Л. 23].

Таблица 2

Соотношение необходимого к имеющемуся количеству зап. частей к танкам КВ и Т-34 по заводу № 264

Наименование танков	Т-34	КВ
План выпуска	25	12
Наличие бронекорпусов	18	
Наличие башен	11	
Наличие двигателей	22	10
Наличие фрикционов	16	7
Наличие бортовых фрикционов (комплектов)	10	
Наличие ведущих колес (комплектов)	15	
Наличие радиаторов	15	
Наличие гусениц	10	5
Наличие поворотных механизмов		8

Источник: составлено автором.

Таким образом, из плановых 25 шт., завод мог сдать в лучшем случае только 10 шт. Т-34 или 5 шт. КВ из плановых 12 шт.

В ходе исследования была составлена сводная таблица результатов ремонта танков на рембазах Сталинграда с 1943 по 1944 г. (см. рис.) [3, Л. 1–2, 20; 6, Л. 60, 71, 94].

Наименование продукции	Наименование рембазы	Выпуск по месяца/годам																	Итого:
		1.1943 г.	2.1943 г.	3.1943 г.	4.1943 г.	5.1943 г.	6.1943 г.	7.1943 г.	8.1943 г.	9.1943 г.	10.1943 г.	11.1943 г.	12.1943 г.	1.1944 г.	2.1944 г.	3.1944 г.	4.1944 г.	5.1944 г.	
Т-34	СТЗ					(5)	17	41	35	30	15	55	30						223 (228)
	Завод №264			7	28 (23)	60 (58)	54	40	41	12	40	49	39	13	29	5	47	15	479 (472)
	170 ПРБ			12(13)	11 (10)	21	5	14	6										69
	151 ПРБ							16	13	9	15								53
КВ	Завод №264					5	26	32 (25)	11	4	5	3	6		4	2	3	1	102 (95)
	170 ПРБ			1	3	9	20	7	6										46
	151 ПРБ							(4)	5										5 (9)
Т-60-70	93 ОРВБ				(45)	(95)		(30)	55	15	25	8	7						110 (280)
	264 ПРБ							6	10	10	15								41
	Завод №264		5	6	1														12
	170 ПРБ			5															5
PZ III/PZ IV	106 ПРБ						3	(10)											3 (13)
	Завод №264							18		8	5	13	14			4			62
	107 ПРБ							15	18										33
В-2	Завод №264			19	35 (24)	90 (24)	65 (51)	78 (36)											287 (154)
	СТЗ					20	17	20 (41)	35	30	15	40			15	6			198 (219)
В-2к	Завод №264			2	5	24	66	23											120
																			1243
																		Итого танков:	(1418)
																		Итого двигателей:	605 (498)

Рис. Сводная таблица по ремонту танков и двигателей в Сталинградской области в 1943–1944 гг.

Источник: составлено автором.

© Артемов П.А., 2026

Изучая данные, отображенные на рис., мы можем сделать несколько наблюдений.

Во-первых, показатели, обособленные скобками, являются противоречащими основным. Здесь во время составления таблицы мы встретили проблему конфликта данных разных отчетов по разным периодам. Однако, если показатели, указанные в скобках, касаемые работы ОРВБ 93 за апрель, май и июль, мы можем отнести к объективным, т. к. вполне возможно, что по ошибке или устаревании данных их не стали включать в более поздний отчет, то данные по работе 170 ПРБ за март и апрель, по ремонту двигателей В-2 заводом № 264 в апреле, мае, июне и июле 1943 г. мы уже не можем назвать таковыми. Тем более важным разрешение этого вопроса делает факт того, что в связи с различием этих показателей значительно изменяется итог работы. Так, если считать по данным более позднего отчета, то с февраля 1943 по май 1944 г. было отремонтировано 1243 танка и 605 двигателей, но при сложении показателей с учетом более ранних отчетов уже получается цифра в 1418 танков и 498 двигателей. Однозначно данное положение ставит в необходимость продолжение глубокого исследования данного вопроса.

Во-вторых, мы можем обозначить некоторые производственные приоритеты. Первое место в ремонте бронетехники отводилось заводу № 264, т. к. СТЗ планировали перевести на производство тракторов к лету 1944 г. и необходимо было готовить завод именно к этой задаче. Наиболее массовым для ремонта танком оказался Т-34 (824 шт.) и КВ (201 шт.). Относительно этих показателей ремонту трофейной техники уделялось меньше внимания, что связано с трудностями ремонта в виду отсутствия в необходимом количестве запчастей для ремонта.

В-третьих, не последнее место в сфере ремонтной деятельности Сталинграда занимало восстановление танковых двигателей. Здесь мы также можем наблюдать специализацию, при которой 67% всех двигателей были отремонтированы на судоверфи.

Важно отметить, что для судоверфи ремонт танков был не единственной производственной деятельностью, также активно возрождалось и судостроение, которое было законсервировано в августе 1941 г. [3, Л. 20].

Последним числом, подтверждающим окончание ремонтной деятельности на заводах Сталинграда, мы можем назвать 14 августа 1944 г., когда было издано постановление бюро Обкома ВКП (б) № 283/4-сс, в котором указывалось, что ремонт танков на заводах Сталинградской области более не производится.

Что это дало фронту? Количество отремонтированных танков и двигателей. Выше цифра озвучена была, но необходимо подкрепить итог.

Подведем итоги исследования.

Во-первых, мы выявили, что в Сталинградской области располагалось 9 ремонтных баз, которые отличались специализацией: СТЗ (ремонт Т-34 и В-2), завод № 264 (ремонт Т-60/70, Т-34, КВ, В-2, В-2к, PZ III, PZ IV), ПРБ 170 (ремонт КВ, Т-34, Т-60/70), 151 ПРБ (ремонт Т-34, КВ), 93 ОРБВ (Т-60/70), 264 ПРБ (ремонт Т-60/70), 106/107 ПРБ (ремонт PZ III, PZ IV).

Во-вторых, были исследованы основные трудности, с которыми столкнулись рембазы. Такими трудностями были: недостаток по ремфонду и запчастям, почти полное отсутствие квалифицированных рабочих, уничтоженные или значительно поврежденные станочный парк, рабочие цеха, промышленные площади, нехватка рабочих кадров, задержки в контрагентских поставках запчастей и персонала с рембазами.

В-третьих, был составлен полный перечень ремонтируемых в Сталинградской области танков и танковых дизелей с февраля 1943 г. по май 1944 г. Были обнаружены противоречащие друг другу данные, что ставит новую задачу в дальнейшем изучении вопроса ремонта танков.

Литература

1. Баженов А.Ю. Организационно-экономические основы создания и развития бронетанкового производства в Сталинграде: 1930–1945 гг.: дисс. ... канд. экономич. наук. Волгоград, 2010.

2. Мельников Н.Н. Рост выпуска танков и самоходных установок в СССР в условиях Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37600/1/init_2014_21.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

3. Справка заведующего отделами инструкторов о производственной деятельности машиностроительных заводов и об оказании помощи сельскому хозяйству в ремонте тракторов и сельскохозяйственных машин // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 117 (на 90 л.).

© Артемов П.А., 2026

4. Справка парторга ЦК ВКП(б) и докладные записки комсорга ЦК ВЛКСМ о партийно-комсомольской работе завода № 264. Докладные записки дирекции завода о состоянии, перспективах, его восстановлении и дальнейшем развитии. Переписка по разным вопросам работы завода // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 157 (на 74 л.).

5. Справки директоров о состоянии работ по восстановлению СТЗ и завода № 264, о выполнении постановлений по ремонту танков и дизелей, восстановлению производства боеприпасов и переписка о необходимой помощи // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 159 (на 95 л.).

6. Справки парторга ЦК ВКП(б) о партийно-массовой работе парткома, докладные и справки дирекции о разрушениях, произведенных немецкими оккупантами и ходе восстановительных работ на СТЗ // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 158 (на 206 л.).

7. Справки секретаря обкома ВКП(б) по машиностроительному отделу о работе предприятий машиностроительной и танковой промышленности, состоянии ремонта танков, станков, о производстве сельхозделалей и инструмента для машинотракторных станций (МТС) на предприятиях области и по другим вопросам // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 14. Д. 28 (на 31 л.).

8. Указания и переписка с райкомами ВКП(б) по вопросам работы военных отделов, оборонной работы среди населения, подготовки к проведению призыва в армию, мобготовности предприятий города и деревни и др. вопросам // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 11. Д. 155 (на 188 л.).

PAVEL ARTEMOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

ORGANIZATION OF REPAIR BASES OF TANKS AND ENGINES AND THEIR WORK IN THE STALINGRAD REGION IN 1943–1944

The history of organization of repair bases of armored vehicles in the Stalingrad region in the period from February 1943 to the summer of 1944 is considered. There are described such key moments, as the difficulties that the repair base faced during its work, the specialization and position of repair bases in the Stalingrad battle and the results of their tank repair activities.

Keywords: *repair base, the battle of Stalingrad, armored vehicles repairing, the Great Patriotic war, industry, tank production.*

© Артемов П.А., 2026

УДК 908

С.П. БАБЕНКО
(babensofya@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

Центральной темой статьи является процесс институционализации благотворительности в Саратовской губернии на рубеже XIX–XX в. под влиянием двух сил: государственного контроля и частной инициативы. В фокусе анализа – смена парадигмы: на смену благотворительности как акту личного благочестия элит приходит социально-ответственная практика деловых кругов.

Ключевые слова: *благотворительность, филантропия, Саратовская губерния, социальная политика, частная инициатива.*

В современной России переосмысление общечеловеческих ценностей ведёт к возрождению важных социальных традиций, в первую очередь – благотворительности. Хотя система социальной защиты является федеральной, регионы активно развивают альтернативные формы негосударственной поддержки, что и обуславливает актуальность их изучения. Особый интерес в этом контексте представляет малоисследованный опыт благотворительности в Саратовской губернии в XIX – начале XX вв.

Цель данного исследования заключена в том, чтобы проанализировать взаимодействие государственного регулирования и частной инициативы в организации благотворительной деятельности в Саратовской губернии в XIX – начале XX вв., оценив их вклад в реализацию социальной политики региона.

Историография благотворительности в Саратовской губернии XIX – начала XX в. прошла несколько этапов развития. Её истоки лежат в дореволюционных трудах Е.Д. Максимова [7], П.И. Лыкошина [6], В.Ф. Дерюжинского [5], носивших преимущественно описательный характер и анализировавших роль государства и церкви на основе нормативных актов и статистики. В советский период тема оказалась на периферии научного интереса, хотя отдельные работы, например, А.Н. Боханова [1], подготовили почву для её последующего изучения. Другой характерный пример этого времени – труд А.Д. Степанского «История общественных организаций дореволюционной России» [13], где филантропические общества рассматриваются попутно, вне связи с их социальной ролью. В условиях господствовавшей идеологии автор сознательно сузил проблематику, сосредоточив своё внимание исключительно на истории возникновения общественных, главным образом политических, объединений.

Качественно новый этап наступил в постсоветское время, когда сформировалась комплексная региональная историография. Ключевой вклад в изучение общероссийского контекста проблемы внесла монография Г.Н. Ульяновой [15]. Региональные аспекты детально освещены в диссертации Г.П. Васильевой, анализирующей взаимодействие государства, земств и частной инициативы в Саратовской и Астраханской губерниях [4]. Важны также работы Т.Н. Молевой [9], С.А. Обуховича [10] и статья Е.В. Маханцевой [8] о роли земского финансирования. Авторы перечисленных работ, опираясь на архивные материалы, детально анализируют взаимодействие государственных структур, земств и частных инициатив, прослеживают эволюцию благотворительности от религиозно-нравственной к социально-экономической модели, а также подчёркивают значимую роль земств в решении таких проблем, как сиротство и голод.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что XIX столетие стало ключевым и самым продолжительным этапом в становлении благотворительности Российской империи. Начало века ознаменовалось появлением первых, в основном находящихся под государственным контролем организаций, параллельно с которыми начали действовать и частные учреждения. Яркими примерами служат московский Странноприимный дом графа Шереметева (1803 г.) и построенный

* Работа выполнена под научным руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Бабенко С.П., 2026

им же приют с больницей (1828 г.) (сегодня Институт скорой помощи им. Склифосовского). По мере развития частные пожертвования, принимавшие разнообразные формы, стали играть доминирующую роль, что подтверждается созданием множества фондов, больниц и приютов. Масштабы явления иллюстрирует статистика: к 1896 г. в стране насчитывалось 1404 благотворительных общества, причем 334 из них – только в Петербурге [14, с. 490]. На фоне этого общероссийского подъёма благотворительное движение успешно развивалось и в регионах, где его ключевыми фигурами часто выступали представители местной власти и элиты.

Деятельность первых лиц Саратовской губернии – губернаторов и предводителей дворянства – во многом направляла развитие благотворительности в регионе. Яркой иллюстрацией служит характеристика, которую мемуарист И.Я. Славин дал городскому голове А.Н. Епифанову: «Он … отличался незаурядной щедростью на всевозможные благотворительные нужды, был искренне и глубоко религиозен. В деле благотворительных выдач он откликался на все призывы и случаи» [12]. Значительное влияние на развитие благотворительности оказал и губернатор А.Д. Панчулидзев, основавший городской театр и инициировавший строительство кафедрального Александро-Невского собора «в память воинов, павших на поле брани за Веру, Царя и Отечество» в Отечественную войну 1812 г. [11, с. 86]. Их примеру последовали помещики, чиновники и купцы, начав активно жертвовать на храмы, больницы и школы, что вызвало подъём благотворительности в регионе. Так, в 1806 г. при Александровской больнице на собранные средства (28 тыс. руб. на строительство) открылась первая богадельня. Финансирование её работы обеспечивали проценты с оставшегося в банке капитала и добровольные взносы, для сбора которых на воротах установили два опечатанных ящика с надписями: «Блажени милостиви яко тех есть Царство Небесное» и «Дающая рука не оскудеет» [3, с. 9]. Обращение к известным евангельским цитатам прямо указывает на стремление благотворителей апеллировать к христианским ценностям милосердия и воздаяния, что свидетельствует о том, что именно религиозная этика рассматривалась как ключевой побудительный мотив для совершения пожертвований среди населения.

Следует особо подчеркнуть, что идея безвозмездной помощи нуждающимся объединяла представителей различных религиозных течений. Несмотря на доктринальные разногласия, представители официальной Церкви и старообрядцы одинаково рьяно инициировали создание богаделен, больниц и школ, видя в служении ближнему собственное предназначение. В 1830-х гг. епископ Саратовский Иаков (в миру Иосиф Иванович Вечерков) выступил с важной социальной инициативой: по его ходатайству при Крестовоздвиженском монастыре Саратова была открыта школа для девочек, куда принимали детей из всех сословий. Со своей стороны, старообрядческие общины Саратова также опекали «нищую братию». Ярким примером является купец-старообрядец Ефим Яковлевич Горин. В 1882–1883 гг. он полностью оплатил строительство храма Казанской иконы Божией Матери и богадельню при нём. Для обеспечения их деятельности старообрядец «передал богадельне земельные участки и капитал в размере 100 тысяч рублей, проценты с которого шли на вечное содержание учреждений» [10, с. 162].

Несмотря на значительный вклад религиозных общин, с середины XIX в. характер благотворительности в регионе начал меняться под влиянием новых экономических отношений. После начала развития страны по буржуазному пути частные лица стали проявлять свою филантропию более активно. В отличие от дворянства и чиновничества, капиталисты изначально демонстрировали прагматичный и экономный подход к благотворительности, избегая излишних трат собственных средств. Однако в пореформенный период в Саратове начался настоящий бум благотворительности. Проведение крестьянской реформы 1861 г. и последующих преобразований кардинально изменило расстановку сил в сфере благотворительности. Если дореформенный период характеризовался филантропической активностью преимущественно дворянского сословия, то во второй половине XIX в. ведущая роль перешла к новым экономическим элитам – купцам, фабрикантам и капиталистам. Одним из наиболее известных меценатов был Тимофей Ефимович Жегин, состоявший в деловых и родственных связях со столичными благотворителями, включая П.М. Третьякова. На его средства были возведены ключевые для города объекты: каменное здание театра (1865 г.) и Александровское ремесленное училище. Не менее значимый

© Бабенко С.П., 2026

вклад внесли и другие представители купеческих династий – Парусиновы, Вакуровы, Рейнеке, Очкины, Злобины, чьи пожертвования на строительство общественных зданий, формирование коллекций и поддержку социальных инициатив способствовали процветанию Саратовской губернии.

Ещё одна общероссийская тенденция XIX столетия, которой следовали меценаты и благотворители Саратовской губернии, – финансирование и активное участие в издании благотворительных газет, направленных на привлечение средств для заботы о бедных, воспитательных и образовательных нужд. Ярким тому примером является журнал «Братская помощь» (журнал благотворительности, тюрьмоведения и народного здравия), издаваемый с конца XIX в. Редакторами местного издания в разное время были П.А. Устимович, а затем П.С. Феокритов.

Благотворительность в регионе отличалась широким спектром направлений, где частная инициатива дополнялась системными мерами государственной поддержки. Одной из таких мер стало учреждение в 1892 г. губернского благотворительного комитета. Его устав чётко определял свою миссию: «основной целью комитета является объединение и направление деятельности в городе и губернии благотворительных учреждений по оказанию помощи нуждающимся в местностях губернии, постигнутых неурожаем, исследование нужд и лиц и равномерного распределения между ними помощи и привлечения добровольных пожертвований» [9, с. 6]. Для решения поставленных целей открывались бесплатные столовые, склады хлеба, больницы и лечебницы.

Параллельно с общегубернскими структурами, решавшими стратегические задачи, на местном уровне формировалась эффективная система регулярной социальной поддержки. Основным субъектом социальной политики в регионе в 1890-е – начале 1900-х гг. выступили органы земского самоуправления, которые сосредоточили свои усилия на адресной помощи, прежде всего, в сфере защиты детства. Особый интерес историков вызывает детский приют «Ясли», основанный в 1870-х гг. Причина в том, что именно на его основе Саратовское земство, преобразовав его в крупнейшее сиротское учреждение, испытало собственную систему помощи детям-сиротам. Данная система, построенная на принципах децентрализации через институты патроната и усыновления, была нацелена на минимизацию пребывания детей в приютах. Последние выполняли функцию распределительных центров, предоставляя медицинскую помощь и кратковременную адаптацию перед передачей ребенка в приёмную семью. К 1911 г. в губернии окончательно оформилась система патроната. Детей из «земского сиротского приюта передавали в крестьянские семьи» (аналог современной патронатной семьи) [2, с. 30].

В то время как земства создавали системные модели поддержки, городские благотворительные общества оперативно реагировали на текущие социальные вызовы. Благотворительные организации Саратова, такие как Общество помощи бедным, Дом трудолюбия и Общество призрения бедных семейств им. св. Алексея, занимались разнообразными направлениями деятельности. Данная активность соответствовала общероссийской тенденции: «На протяжении второй половины XIX в. в губерниях Российской империи для борьбы с пьянством многие общества трезвости открывали лечебницы и приюты. Однако в 1890-е гг. перечень таких общественных заведений расширился. Открываются библиотеки, мастерские, дома трудолюбия, воскресные школы для взрослых, кассы взаимопомощи» [16, с. 126].

Начавшийся в 1891 г. в России голод спровоцировал масштабный сбор помощи пострадавшим. В Саратове Дом трудолюбия, созданный местным обществом купцов и мещан, расширил свою деятельность, организовав бесплатные столовые, временные детские приюты и создав дополнительные рабочие места. Для координации борьбы с голодом был создан Особый комитет, взявший на себя контроль над средствами от церковных, государственных и общественных организаций и руководство их распределением. Инициировавший его работу вице-губернатор А.А. Высоцкий созвал 31 декабря 1891 г. Общее собрание при участии епископа Авраамия и представителей ведущих благотворительных организаций. Итогом собрания стала консолидация всех благотворительных усилий в губернии под эгидой губернского благотворительного комитета, председателем которого был назначен губернатор Б.Б. Мещерский. Для реализации поставленных задач на местах была развернута сеть продовольственных комитетов и попечительств, занимавшихся открытием бесплатных столовых, хлебных складов и лечебных учреждений.

© Бабенко С.П., 2026

Таким образом, в Саратовской губернии в XIX – начале XX вв. сформировалась уникальная модель взаимодействия государственного регулирования и частной инициативы в сфере благотворительности, ставшей эффективным инструментом социальной политики региона. На протяжении изучаемого периода наблюдалась последовательная эволюция: от благотворительности, основанной преимущественно на религиозно-нравственных мотивах, к системной социально ориентированной деятельности новых экономических элит. Особую значимость имела деятельность местной власти и политических элит – губернаторов, предводителей дворянства, купцов и промышленников, чья личная инициатива нередко становилась катализатором общественной филантропии.

Исторический опыт Саратовской губернии убедительно доказывает, что эффективная социальная политика требует сбалансированного сочетания государственного регулирования и общественной инициативы. Выявленные механизмы взаимодействия различных субъектов благотворительной деятельности сохраняют свою актуальность и могут быть творчески переосмыслены в контексте современных задач социального развития российских регионов.

Литература

1. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989.
2. Букреева Л.Я., Сиренко Ю.В. Региональный исторический опыт социальной защиты детей-сирот как механизм оказания помощи нынешним нуждающимся детям (на примере Уфимской губернии XIX века до 1917 года) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Психология и педагогика. 2014. № 3(143). С. 28–33.
3. Вардугин В.И. Во благо народного здравия.... Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2005.
4. Васильева Г.П. Исторический опыт развития благотворительности в середине XIX – начале XX веков: по материалам Нижнего Поволжья: дисс. … канд. ист. наук. Астрахань, 2011.
5. Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М.: тип. «Рус. вед.», 1893.
6. Лыкошин П.И. Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб.: издание Светлейшей княгини О.Ф. Имеретинской и П.И. Лыкошина, 1901.
7. Максимов Е.Д. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся. СПб.: Гос. тип., 1907.
8. Маханцова Е.В. Роль земского финансирования в сфере развития благотворительных учреждений Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. 2014. № 12. С. 178–183.
9. Молева Т.Н. Из истории благотворительности в Саратовской губернии. Саратов: Б.и., 2000.
10. Обухович С.А. Благотворительность саратовских старообрядцев в 1880–1917 гг. // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2013. № 3(13). С. 161–169.
11. Семенов В.Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов: Надежда, 1998.
12. Славин И.Я. Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 8. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/volga/1998/8/minuvshee-perezhitoe-vospominaniya.html (дата обращения: 23.12.2025).
13. Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979.
14. Тиховодова А.В. Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Научный диалог. 2021. № 9. С. 486–511.
15. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века: моногр. М.: Наука, 2005.
16. Фокин А.Ю. Алкогольный вопрос в крестьянской среде во второй половине XIX века (на примере Саратовской губернии) // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2020. № 6(35-2). С. 124–127. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1609260421.pdf (дата обращения: 23.12.2025).

SOFYA BABENKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CHARITY AS THE TOOL OF SOCIAL POLICY IN THE SARATOV PROVINCE OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

The central theme of the article is the institutionalization of charity in the Saratov province at the turn of the XIX–XXth centuries under the influence of two forces: state control and private initiative. It is focused on the paradigm shift: charity as an act of personal virtue of elite is being replaced by the socially responsible practices of business circles.

Keywords: *charity, philanthropy, the Saratov province, social policy, private initiative.*

© Бабенко С.П., 2026

УДК 94

С.А. БЕРЕЗЕНЦЕВ
(berezencevsergej4@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

С.К. МИНИН И ЕГО РОЛЬ В СОБЫТИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЦАРИЦЫНЕ*

Рассматривается роль довольно известного царицынского революционера, С.К. Минина. В ходе исследования было рассмотрено: как С.К. Минин проявил себя в революционных и иных событиях; как выстраивались его взаимоотношения с другими участниками событий; как воспринимали его современники, в том числе с антисоветскими взглядами; как оценивается его деятельность современными российскими учеными.

Ключевые слова: *С.К. Минин, Царицынский Совет, Городская дума, Южный фронт, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, Гражданская война.*

Сергей Константинович Минин родился 29 июня 1882 г. в посаде Дубовка Царицынского уезда Саратовской губернии в семье священника. Для своего времени это был достаточно образованный человек, выпускник Камышинского духовного училища и Саратовской семинарии. Известно, что 1903 г. он поступил на филологический факультет Юрьевского университета, где и приобщился к революционному движению [3, с. 162].

Вообще, с возникновением в России марксизма Поволжье стало одним из центров его широкого распространения. Именно в таких городах на Волге, как Казань и Самара, начали свою революционную деятельность Владимир Ульянов – Ленин, Максим Горький, редакторами газеты «Самарский вестник» выступали Георгий Плеханов и Александр Потресов [Там же, с. 158].

В Царицын С.К. Минин прибыл именно в период Первой русской революции, весной 1905 г. Тогда же за революционную деятельность он вынужден был покинуть Юрьевский университет. В Царицыне он сразу же включился в революционную работу. Здесь он в 1905 г. вступил в партию большевиков и стал признанным руководителем царицынской большевистской организации, возглавив ее бюро, а позднее вошел и в комитет местной группы РСДРП [Там же, с. 161–164].

Сергей Минин был неоднократно арестован за революционную работу. Так, в 1907 г. Минин был арестован на полгода [Там же, с. 173], что, впрочем, не помешало ему в 1908 г. поступить в Венский университет и продолжать в «каникулярное время» работу революционера. Далее он арестовывался еще два раза, в 1910 и 1914 гг., выйдя на свободу уже после свержения монархии [Там же, с. 167–168].

Именно 1917 г. стал временем, когда Сергей Константинович Минин по-настоящему проявил себя как преданный делу большевиков лидер.

После Февральской революции 1917 г. Царицын стал одним из тех городов, где фактически устанавливается двоевластие, помимо Временного исполнительного комитета, действовавшего, собственно, от имени Временного правительства, здесь начал работу Совет рабочих депутатов.

Влияние С.К. Минина и его сподвижника, будущего председателя исполкома Царицынского Совета Якова Зельмановича Ермана, постепенно росло как внутри Совета, так и в городе вообще, благодаря поддержке рабочих и находившихся в городе воинских частей, в результате чего большевики становятся одной из лидирующих сил.

Выборы в Городскую Думу, состоявшиеся 9 июля, показали реальное соотношение сил, что из 102 мест в Думе большевики получили 39, но июльские выборы было аннулированы [7, с. 117–119].

После выборов Совета в сентябре 1917 г. Сергей Минин становится председателем президиума Царицынского Совета [Там же, с. 120], до этого 27 августа партия большевиков на выборах в Го-

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Березенцев С.А., 2026

родскую Думу занимает уже 45 мест, в результате чего Городским головой становится С.К. Минин, а Я.З. Ерман – Председателем Думы [8, с. 188–191].

После Октябрьской революции в Петрограде Сергей Минин становится председателем царицынского Штаба Обороны Советов, созданного по его же проекту к 19 декабря 1917г. [Там же, с. 240].

О Сергее Константиновиче Минине в своих достаточно кратко изложенных воспоминаниях под именем: «Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика» рассуждал Анатолий Леонидович Носович [9].

Личность его противоречива, к воспоминаниям данного человека как к историческому источнику следует относится острожно, важно учитывать изначально антибольшевистскую позицию автора. Сам А.Л. Носович с мая по октябрь 1918 г. был начальником штаба Северо-Кавказского военного округа в качестве агента белого движения.

При этом, А.Л. Носович про Сергея Константиновича Минина отзывается относительно сдержанно, если сравнивать с тем, насколько негативно он характеризует Иоакима Вацетиса (не иначе как: «злобный латыш»), Иосифа Виссарионовича Джугашвили – Сталина (назван как: «злой гений Царицына») и других большевиков уже более низкого ранга.

А.Л. Носович в своих воспоминаниях, что интересно, сравнивает С.К. Минина и Я.З. Ермана. При всей субъективности авторской оценки, Сергей Константинович оценивается как человек гораздо более сдержанный, чем Я.З. Ерман. По словам белого агента, Я.З. Ерман «свирепствовал», т. к. не являлся местным жителем, у него не было той связи с городом Царицыном, которая была у С.К. Минина.

Относительно вопроса главного военного лидера в Царицыне 1918 г. А.Л. Носович придерживается мнения, что Сергей Константинович входит в число трех таковых, наряду с Климентом Ефремовичем Ворошиловым и И.В. Сталиным, но центральной фигурой для него бесспорно является И.В. Сталин. Аргументирует это автор воспоминаний тем, что именно И.В. Сталин решил оборонять город 18 августа 1918 г., вооружив рабочих, несмотря на мнение Сергея Минина провести в Царицыне эвакуацию и сдать город [Там же].

Что не менее интересно, Сергей Константинович, в свою очередь, еще летом 1918 г. подозревал А.Л. Носовича в ненадежности, информацию об этом сохранил Семен Иоффе, который руководил летом 1918 г. работой комиссии по Царицыну от Высшей военной инспекции и разговаривал с С.К. Мининым на этот счет [5, с. 2–4].

Современными российскими учеными отмечается, что С.К. Минин, помимо непосредственно работы в штабе обороны Царицына, принял активное участие и во внутреннем противостоянии между Иосифом Сталиным и центром в лице председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Якова Свердлова и народного комиссара по военным делам Льва Троцкого в сентябре 1918 г. (т. н. Царицынский конфликт).

Проблемой Царицынского конфликта занимается ведущий научный сотрудник Главного архивного управления Москвы С.С. Войтиков [4] Эту же проблему освещает в своей книге «Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком» и А.В. Ганин [6].

Данные события связаны непосредственно с Южным фронтом Гражданской войны и обороной Царицына, а именно с недоверием к перешедшим на сторону красных специалистов из царской армии.

Царицынский «триумвират» в лице Сергея Минина, К.Е. Ворошилова и И.В. Сталина выступил в сентябре 1918 г. решительно против назначения генерал-майора царской армии Павла Сытина командующим Южного фронта [4, с. 8–9].

До этого царицынскому «триумвирату» удалось добиться отстранения руководителя Северо-Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта царской армии Андрея Снесарева, выражавшего своё негативное отношение к Ворошилову в сообщениях Троцкому. Тогда же и был арестован, после вмешательства С.К. Минина, А.Л. Носович [6, с. 441–443].

17 сентября 1918 г. И.В. Сталин впервые решился принять участие в заседании Реввоенсовета Республики (РВСР) и, ссылаясь на мнение С.К. Минина и К.Е. Ворошилова, объяснял невозможность

© Березенцев С.А., 2026

включения в командующий состав на юге нового лица. В РВСР И.В. Сталина не послушали, было принято решение, которого он и опасался [4, с. 8–9].

Согласно приказу РВСР от 17 сентября, создавался Реввоенсовет Южного фронта в составе П.П. Сытина, И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и С.К. Минина, который должен был быть передислоцирован в Козлов. Командующим фронтом назначался, как ранее и планировалось, П.П. Сытин [6, с. 442].

При этом В.И. Ленин посоветовал «триумвирату» не идти на прямой конфликт со Свердловым и Троцким. Об этом свидетельствует малоизвестная телеграмма В.И. Ленина никому иному, как Сергею Минину: «Историю конфликта знаю. Требование удовлетворению не подлежит. Имеется решение Реввоенсовета Республики от 17 сентября» [Там же, с. 9].

Однако царицынский «триумвират» упорствовал. Уже 27 сентября И.В. Сталин отправил телеграмму В.И. Ленину: «Здравствуйте, дорогой Ильич! "...", пишу прямо по делу… Дошло до того, что в Царицыне на складах иссякли все запасы, а Москва "..." совершенно ничего (ни патронов, ни снарядов) не присылает». Далее И.В. Сталин и вовсе пишет в адрес Москвы: «Какая-то преступная небрежность, форменное предательство! Если так будет тянуться, мы безусловно проиграем войну на юге» [4, с. 11–12].

В тот же день, 27 сентября, И.В. Сталин, С.К. Минин и К.Е. Ворошилов отправили и в РВСР, и напрямую главкому Вацетису сообщение о том, что положение на фронте изменилось не в пользу красной армии. Участники Царицынского «триумвирата» приводили доводы того, что при имеющихся неудачах странной выглядит абсолютная инертность командующего П.П. Сытина. А 1 октября 1918 г. в РВСР ими было даже направлено ходатайство об отстранении П.П. Сытина от должности, уехать в Козлов участники РВС Южного фронта, естественно также отказались [Там же].

Деятельность и личность Сергея Константиновича Минина в своих исследованиях затрагивает доктор исторических наук, профессор ВолГУ И.О. Тюменцев. В своей статье «И.Ф. Павлюков (Агапов) – забытый руководитель большевиков Царицына в Октябрьской революции 1917 года» историк достаточно критически отзывается о Сергее Минине. Аргументирует ученый это тем, что в во многом автобиографической книге «Город-боец: шесть диктатур 1917 года» С.К. Минин на первое место в установлении в городе советской власти поставил непосредственно самого себя, упоминая иногда покойного уже на момент написания книги Я. Ермана. И.О. Тюменцев подчеркивает «Он мнил себя вождем партии уровня В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого» [10, с. 2].

И.О. Тюменцев отстаивает свою точку зрения относительно того, что роль Сергея Минина была переоценена в советский период. Ученый приводит пример другого, фактически уже забытого лидера царицынских большевиков – Ивана Федоровича Павлюкова (Агапов), который был главным большевиком Царицына в период ареста Ермана и Минина, однако, последний про него в своей книге предпочел толком не вспоминать [Там же]

Действительно, в «Город боец. Шесть диктатур 1917 года» данный революционер упомянут лишь однажды, в контексте выборов в Думу и Управу в сентябре 1917 г. С.К. Минин даже не упоминает имя и отчество данного человека, обозначив просто: «Павлюков, большевик» [8, с. 191].

Автор подчеркивает, что подобное мнение у Сергея Константиновича на свой счет возникло не случайно, так, в Царицыне в 1920-х годах, по факту, установился целый культ личности Минина. Об этом явно свидетельствует тот факт, что уже в 1925 г., т. е. когда Царицынский губком занялся идей переименования города, было предложено два основных варианта: «Мининград» и «Сталинград» [10, с. 3].

Необходимо сказать о том, что после Гражданской войны Сергей Константинович связал свою дальнейшую жизнь с наукой. В 1923 г. он смог даже стать ректором Коммунистического университета. Сергей Константинович своеобразно выделяется в первую очередь как автор скандальной статьи «Философию – за борт!» и основатель нигилистического направления, получившего нарицательное название «мининщина» [1, с. 524–525].

© Березенцев С.А., 2026

Примечательно, что, несмотря на тесное сотрудничество с И.В. Сталиным ранее, Сергей Минин в 1925 г. примкнул к так называемой «новой оппозиции», которая нашла множество сторонников среди преподавательского состава Ленинградского государственного университета [2, с. 4–5].

Таким образом, опираясь на мнение современных российских историков и его идеологического противника-современника, можно сделать вывод, что Сергей Константинович Минин является заметной, хотя и не широко известной личностью в отечественной истории, особенно в региональной истории периода Революции и Гражданской войны.

Литература

1. Алексеев П.В. Минин Сергей Константинович // Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2002.

2. Баринов Д.А. Ленинградская оппозиция 1925–1926 гг. и высшая школа // История повседневности. 2021. № 2(18). С. 81–100.

3. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968.

4. Войтиков С.С. И.В. Сталин против Я.М. Свердлова. Осень 1918 г. // Новейшая история России. 2015. № 3(14). С. 30–45.

5. Ганин А.В. «Носович и Ковалевский – люди политически ненадежные»: Воспоминания С.С. Иоффе о работе Высшей военной инспекции на юге России в 1918 г. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 1. С. 5–13.

6. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2017.

7. Минин С.К. Город-боец: шесть диктатур 1917 г. (воспоминания о работе в Царицыне). Л.: Прибой, 1925. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/mininskgorodboetsshestdiktatur1917g18 (дата обращения: 24.01.2026).

8. Носович А.Л. Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М.: АИРО-XXI, 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rulit.me/books/krasnyj-caricyn-vzglyad-iznutri-zapiski-belogo-razvedchika-read-498601-40.html# (дата обращения: 16.01.2026).

9. Скрипкин А.С., Луночкин А.В., Курилла И.И. История Волгоградской земли от древнейших времен до современности. 2-е изд., стереотип. М.: Планета, 2013.

10. Тюменцев И.О. И.Ф. Павлюков (Агапов) – забытый руководитель большевиков Царицына в Октябрьской революции 1917 года // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 538–547.

SERGEY BEREZENTSEV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

S.K. MININ AND ITS ROLE IN THE EVENTS OF REVOLUTION AND THE CIVIL WAR IN TSARITSYN

The role of a rather famous Tsaritsyn revolutionary S.K. Minin is considered. During the study it was discovered how Minin manifested himself in the revolution and other events; how his interrelations with the other participants of the events were built; how his contemporaries, including with the anti-Soviet views, perceived him; and how his activity was evaluated by the modern Russian scientists.

Keywords: *S.K. Minin, Tsaritsyn Council, City Duma, Southern Front, I.V. Stalin, K.E. Voroshilov, the Civil War.*

© Березенцев С.А., 2026

УДК 904

С.В. ЗАХАРОВ
(zakharidze-sergo@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ПИСАРЁВКА-II*

Представлены результаты исследования погребений позднесарматского времени нижневолжского курганного могильника Писарёвка-II. Классифицированы погребальные сооружения, костяки погребённых и могильный инвентарь исследуемых погребений. Выявлены редкие и характерные для эпохи черты комплекса. Дана общая датировка рассматриваемого комплекса.

Ключевые слова: *сарматы, позднесарматская культура, Нижнее Поволжье, классификация, погребальные сооружения, костяк погребённого, погребальный инвентарь.*

Курганный могильник Писарёвка-II расположен в Иловлинском районе Волгоградской области и сочетает в себе погребения разных археологических культур – от общностей бронзового века до поздних кочевников средневековья. Первые охранные раскопки этих курганов были проведены в 1999 г. Донской экспедицией археологической лаборатории НИС ФГБОУ ВО «Волгоградской государственный социально-педагогический университет» под руководством В.И. Мамонтова. За весь период до 2018 г. было исследовано 29 курганов, в которых было обнаружено 43 погребения, 22 из которых В.И. Мамонтов определил к сарматской культуре [12–14], что позволяет считать её одной из основополагающих данного археологического памятника.

Тем не менее, историография изучения сарматских памятников Писарёвки-II скудна. Из комплексных исследований по данному памятнику можно отметить только статью В.И. Мамонтова с полным анализом сарматского кургана № 6 [24]. Также можно выделить монографию И.П. Засецкой, где автор включила бронзовую пряжку со сценой терзания пантерой верблюда из погребения № 2 кургана № 6 в свое исследование [9, с. 107, 148–149].

Таким образом, большая часть сарматских погребений из Писарёвки-II не только не подвергалась анализу, но и не была введена в научный оборот. Учитывая это, также общий интерес к сарматской проблематике Нижнего Поволжья [см., например, 2, 3], наличие в рассматриваемом памятнике обширного материала сарматской культуры, было принято решение изучить ранее неопубликованный В.И. Мамонтовым материал, провести анализ позднесарматских погребений, выявить общие и особенные черты эпохи и классифицировать находки.

Исследования позднесарматских погребений в курганном могильнике Писарёвка-II проводились в 2016–2018 гг. Донской экспедицией научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ФГБОУ ВО «ВГСПУ». Они были выявлены в составе курганов № 20, 22, 23 и 28. Во всех случаях погребения были основными и единственными в кургане.

Курган № 20.

Погребение № 1. Большое пятно могильной ямы ромбовидного очертания с закругленными углами, ориентированными по сторонам света (см. рис. 1.1 на с. 92). Скелет человека отсутствует. Возможно, погребение-кенотаф [22].

Могильный инвентарь:

1. Фрагменты тонкостенного горшковидного сосуда ручной лепки с широким туловом и уплощенным дном. Короткая горловина заканчивается широким венчиком, край которого направлен наружу. Поверхность тулова светло-серая с пятнами копоти. Глина в изломе темная с незначительной примесью песка. Диаметр венчика 9,6 см, диаметр дна 6,4 см, высота сосуда 13,4 см (см. рис. 1.2 на с. 92).

* Работа выполнена под руководством Гущиной А.А., старшего лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ», соискателя ученой степени кандидата исторических наук при отделе скифо-сарматской археологии ИА РАН, старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Института исторического и правого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Захаров С.В., 2026

2. Кремневое орудие из гальки овального очертания. Длина орудия 6,2 см, наибольшая ширина 3 см (см. рис. 1.3).

3. Железный однолезвийный нож с волокнами дерева от накладок рукояти на черенке. Длина 12,7 см, ширина клинка у основания 2,2 см (см. рис. 1.4).

4. Разбитое зеркало из «белого металла» – круглый медальон с прямоугольной петлёй (отверстие для подвески имеет диаметр 0,6 см) и рельефным валиком по краю диска. Диаметр 4,8 см. В центре диска, он подчеркнут полусферической «точкой», рельефно выделяется окружность (диаметр 0,8 см), от которой ко второй, большей окружности (диаметр 4,4 см) отходят 8 прямых лучей. Четыре из них заканчиваются «овами» [22]. Толщина диска, в среднем 1 мм (см. рис. 1.5).

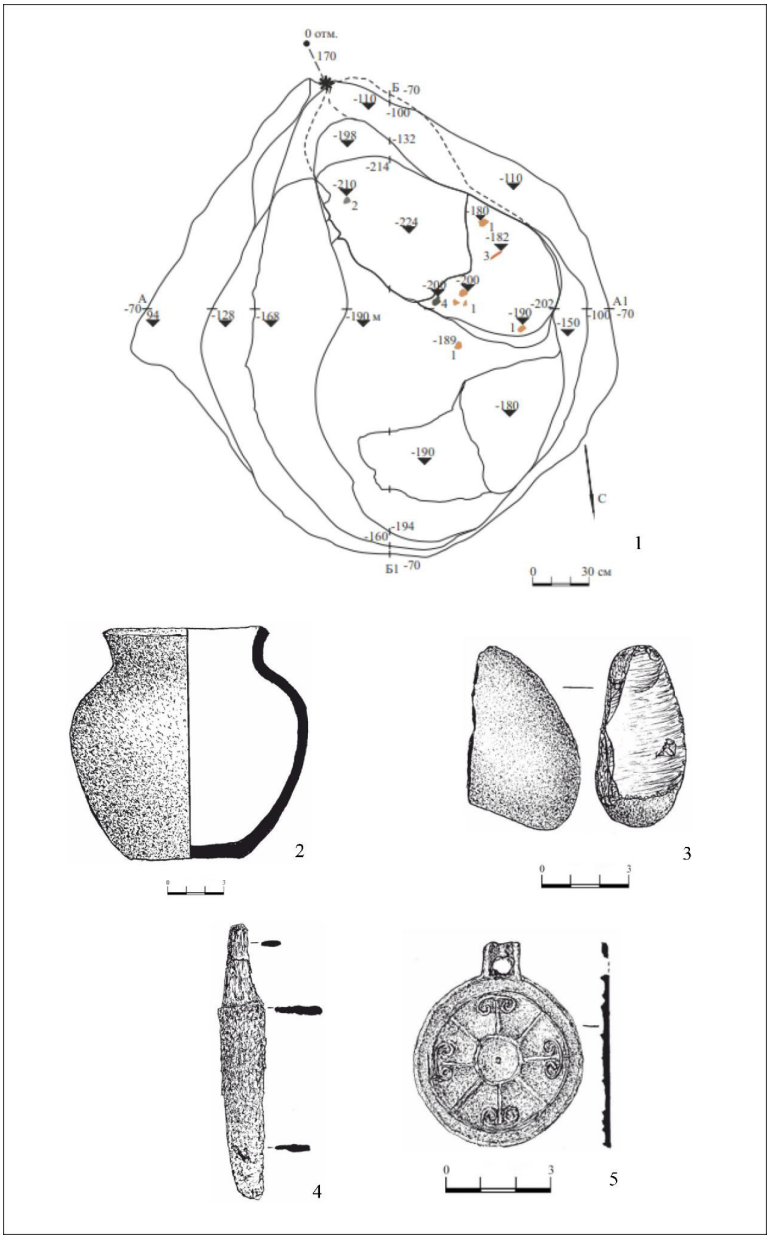

Рис. 1. Позднесарматское погребение кургана № 20 из курганного могильника Писарёвка-II
1 – погребение [22, рис. 40]; *2* – фрагменты глиняного сосуда [Там же, рис. 42]; *3* – кремнёвое орудие [Там же, рис. 23]; *4* – железный нож [Там же, рис. 44]; *5* – фрагментированное зеркало [Там же рис. 45]

© Захаров С.В., 2026

Курган № 22

Погребение № 1. Яма прямоугольная (стенки ямы испорчены грабительским перекопом) ориентирована по направлению север-юг (см. рис. 2.1 на с. 94). Скелет взрослого человека (мужчина до 40 лет) полностью разрушен грабительским перекопом: мелкие фрагменты костей попадались в засыпи ямы на разной глубине [23].

Могильный инвентарь:

1. Фрагменты сероглиняного кувшина круговой работы. Не восстанавливается. Диаметр дна 9,6 см. Тулово хорошо заглажено со следами лощения, на внутренней стороне тулова хорошо видны параллельные горизонтальные широкие линии, оставленные при формовке изделия (см. рис. 2.2 на с. 94). Глина в изломе серая, плотная. Край слегка утолщенного венчика (фрагмент) на высокой горловине направлен наружу, его реконструированный диаметр 14 см, у основания утолщения проходит круговой уступ (см. рис. 2.3 на с. 94).

2. Два фрагмента большой черноглиняной миски круговой работы. Поверхность черепков покрыта плотным слоем белого налета. Глина в изломе темная грубого промеса, с обильной примесью песчинок. Край венчика круто направлен вовнутрь. На крупном фрагменте имеется ровное сквозное отверстие (диаметр 0,5 см) – след ремонта изделия. Реконструированный диаметр венчика 28 см. Размеры крупного черепка – 14,4х4,4 см, размеры второго фрагмента 6,1х3,2 см (см. рис. 2.4 на с. 94).

3. Три обломка железного меча. Меч имел широкий тяжелый клинок, на одной стороне фрагментов которого сохранился слой гнилого дерева от ножен. Длина сохранившейся части клинка 14,2 см, ширина (наибольшая) 5,4 см, толщина клинка (наибольшая) 4,4 см. Небольшой обломок, вероятно, от рукояти меча линзовидный в сечении. На нем – плотный тонкий слой дерева, покрывавший железный штырь рукояти. Размеры: 3,2х4,0х0,8 см (см. рис. 2.8 на с. 94).

4. Бронзовый оконечник тонкого ремня. Представляет собой тонкую пластинку (1 мм) с заостренным концом. На широком, немного утолщенном конце, имеется овальное отверстие (4х3 мм) для крепления пластинки к ремешку. Длина пластинки – 6,2 см, ширина – 0,8 см (см. рис. 2.7 на с. 94).

5. Бронзовая портупейная пряжка – толстое литое кольцо. Поверхность покрыта густой патиной. Диаметр – 3,6 см, диаметр круглого сечения – 0,6 см (см. рис. 2.6 на с. 94).

6. Фрагменты лепного горшка. Глина в изломе черная с обильной примесью мелкобитой ракушки, внешняя поверхность светло-коричневого цвета, внутренняя поверхность темно-серая, сильно закопчена. Венчик короткий, прямой, переходящий в округлое тулово, реконструированный диаметр которого 14 см. Дно прямое, его реконструированный диаметр 10 см (см. рис. 2.5 на с. 94).

7. Фрагменты костей ног барана, крупной птицы и альчик.

Курган № 23

Погребение № 1. Большое пятно могильной ямы прямоугольного очертания с сильно закруглёнными углам находилось в юго-восточном секторе кургана (см. рис. 3.1 на с. 95). В засыпи ямы и на дне в северо-восточной части собраны фрагменты костей взрослого человека (мужчина 25–30 лет) [Там же].

Могильный инвентарь:

1. Несколько фрагментов сероглиняной миски. Не восстанавливается. Глина в изломе серая, плотная. На фрагменте придонной части миски, со следами копоти, имеется просверленное сквозное отверстие (диаметр 0,4 см) – след ремонта разбитого изделия (см. рис. 3.1 на с. 95).

2. Фрагменты небольшой курильницы ручной лепки. Глина серая в изломе с примесью мелких частиц мела. Ниже края устья на 0,9 см проткнуто с внешней стороны круглое отверстие диаметром 0,7 см. Реконструированный диаметр курильницы 5 см, высота сохранившейся части 3,2 см (см. рис. 3.2 на с. 95).

3. Фрагмент горловины сероглиняного (с обильной добавкой крупиц песка) сосуда. Судя по фрагменту, он происходит от высокой горловины. Край венчика слегка утолщен, направлен наружу, его реконструированный диаметр – 14 см. Ниже края венчика проходила круговая полоса, исполненная тупым кончиком палочки с широким основанием. На расстоянии 0,9 см от неё отмечен отрезок

© Захаров С.В., 2026

прямой линии – несколько слабых отступающих наколов прямым основанием, вероятно, того же орудия (см. рис. 3.3 на с. 95).

4. Кость ноги лошади (бабка) обнаружена среди костей человека, рядом с которыми лежал фрагмент нижней челюсти мелкого хищника (лисица?).

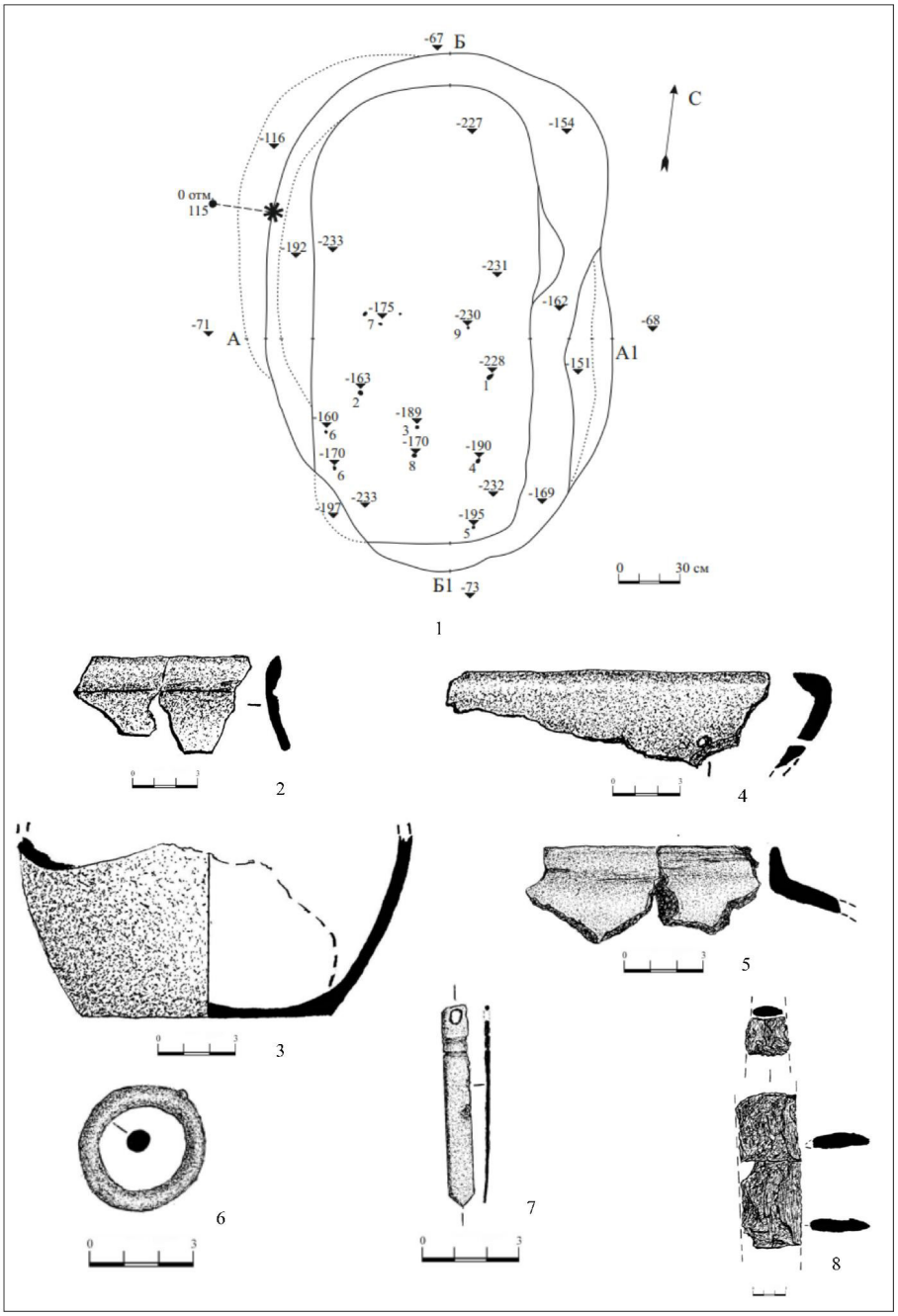

Рис. 2. Позднесарматское погребение кургана № 22 из курганного могильника Писарёвка-II
1 – погребение [23, рис. 12]; *2, 3* – фрагменты глиняного сосуда [Там же, рис. 14];
4 – фрагменты глиняной миски [Там же, рис. 15.*1*]; *5* – фрагмент лепного сосуда [Там же, рис. 15.*4*];
6 – бронзовая портупейная пряжка [Там же, рис. 15.*3*]; *7* – бронзовый оконечник ремня [Там же, рис. 15.*2*];
8 – фрагменты железного меча [Там же, рис. 16].

© Захаров С.В., 2026

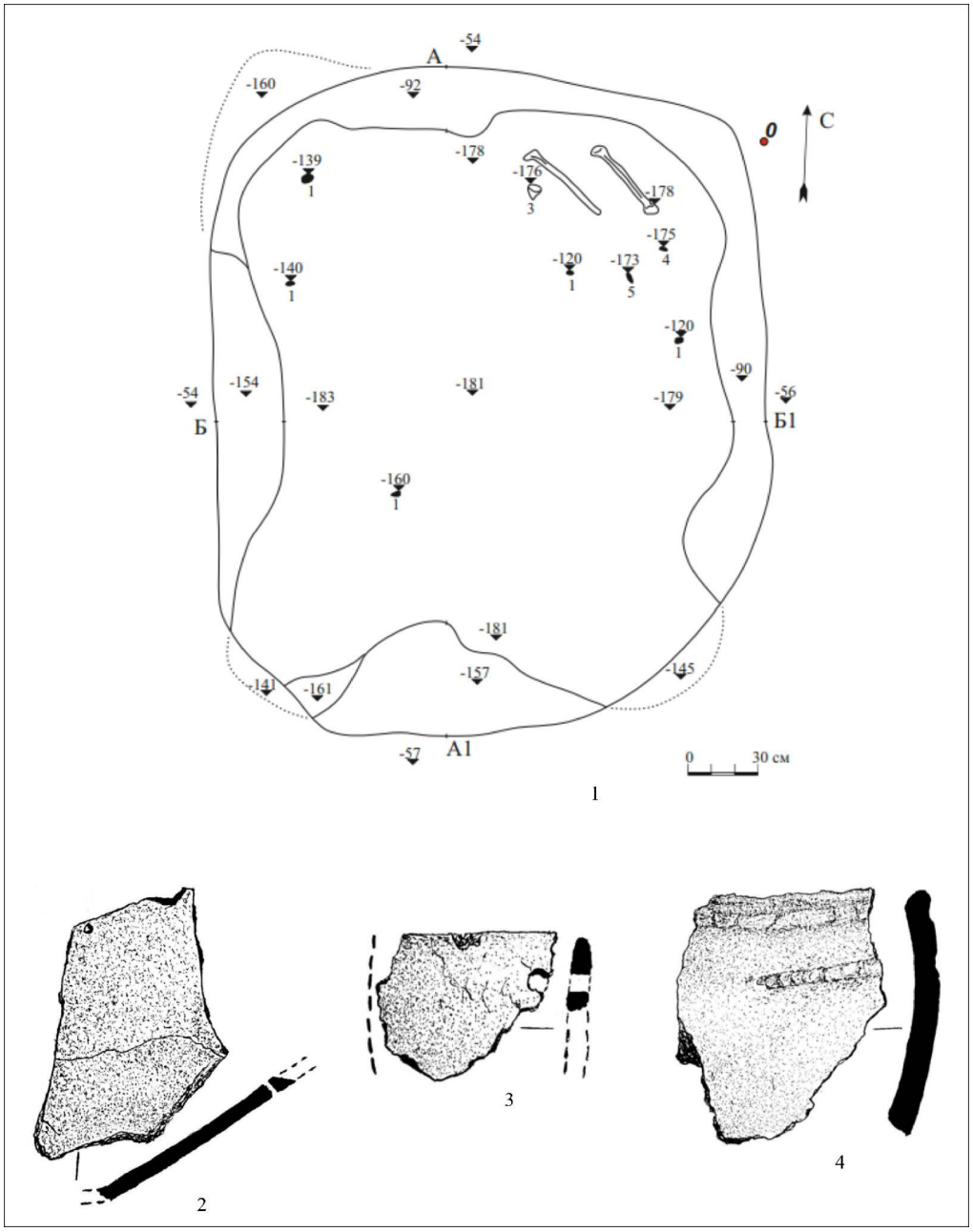

Рис. 3. Позднесарматское погребение кургана № 23 из курганного могильника Писарёвка-II
1 – погребение [23, рис. 26]; *2* – фрагменты сероглиняной миски [Там же, рис. 28];
3 – фрагменты глиняной курильницы [Там же, рис. 29]; *4* – фрагменты сероглиняного сосуда [Там же, рис. 30].

Курган № 28.

Погребение № 1. Яма узкая, находилась своей северо-восточной части. Скелет молодого человека (18–20 лет) покоился на спине в вытянутом положении, головой на ЮЮЗ. Кости рук, слегка согнуты в локтях, расставлены в стороны, кисти направлены к тазовым костям. Черепная коробка носит на себе следы преднамеренной искусственной деформации лобно-затылочного типа, смешанного с кольцевым [14] (см. рис. 4.1 на с. 96).

© Захаров С.В., 2026

Могильный инвентарь:

1. Кувшин импортный черноглиняный, с округлым туловом и высокой горловиной стоял у левой стопы погребенного, прижатый к западной стенке. Венчик разбит в древности, он утолщен по краю, отогнут наружу. Диаметр венчика – 12 см, высота – 28,4 см, диаметр дна – 11,2 см, диаметр широкой части тулова – 23,6 см. Средняя часть горловины соединена с широким туловом «г»-видной ручкой подтреугольной в сечении. Поверхность тулова, с вертикальной трещиной (лопнула по всей его высоте), темная, покрыта плотными пятнами светло-серых солевых отложений. Несколько выше средней части тулова по сырой глине нанесена круговая горизонтальная линия, проведенная концом широкой палочки. Круговая широкая (1,2 см) линия-уступ проведена, возможно, пальцем, выше края дна сосуда на расстоянии 3,6 см. Дно со слабым прогибом к центру (см. рис. 4.2).

2. Лепной черноглиняный тонкостенный сосуд местной работы стоял рядом с кувшином. Тулово лопнуло косой трещиной от края прямого венчика до дна. Верхняя часть тулова широкая, покрыта полосой сажи, нагара, оно плавно переходит в узкое дно. Диаметр – 11 см, диаметр дна – 7,4 см, высота сосуда – 17,4 см (см. рис. 4.3).

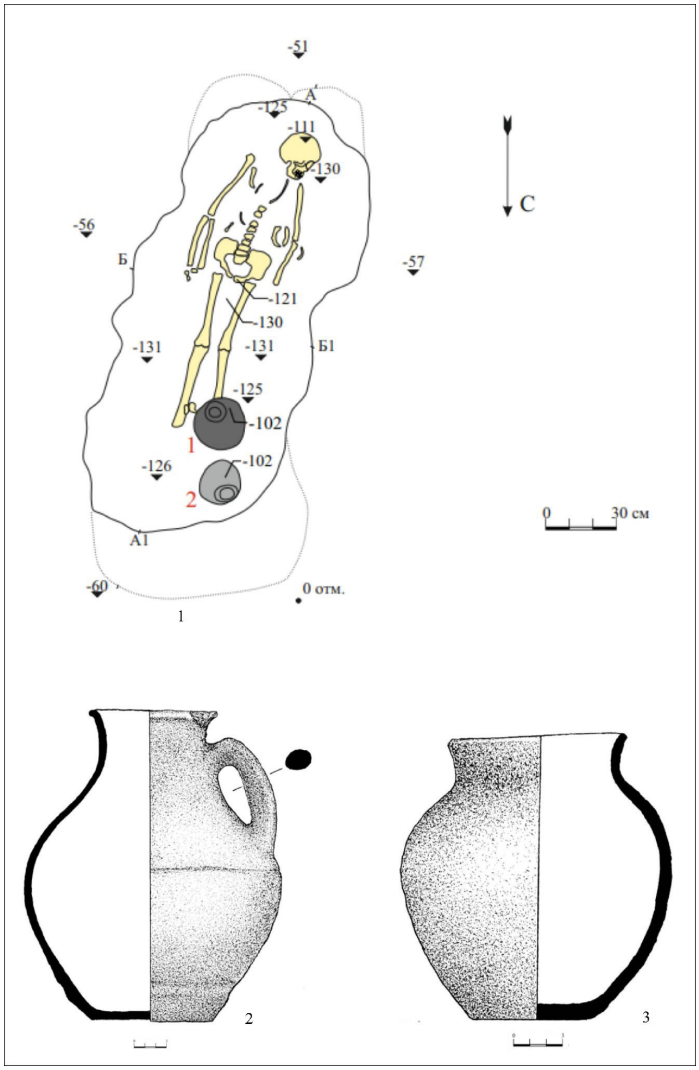

Рис. 4. Позднесарматское погребение кургана № 28 из курганного могильника Писарёвка-II
1 – погребение [14, рис. 46]; *2* – черноглиняный кувшин [Там же, рис. 47];
3 – черноглиняный горшок [Там же, рис. 48].

© Захаров С.В., 2026

Анализ необходимо начать с погребальных ям. К сожалению, из-за грабителей не все остались в первоначальном виде, из-за чего определение их точной конструкции и принадлежности к типу конструкции погребальной ямы по типологии А.С. Скрипкина вызвало некоторые затруднения. Так, до конца не ясна первоначальная форма погребения из кургана № 20. С одной стороны, на дне ямы имеется углубление, которое, по предположению В.И. Мамонтова, является «имитацией подбоя с приступкой» [22], что может свидетельствовать о принадлежности к типу I «подбойные ямы» [30, с. 61]. Этому способствует и соответствие размеров длины (1,45 м) и ширины (0,67 м) подбоя для данного типа – длина варьирует от 1,05 до 2,93 м., ширина – от 0,4 до 1,13 м. Однако, это может быть не так. Во-первых, для данного типа характерны узкие входные ямы [30, с. 61; 13, с. 122], здесь же оно широкое, имеет «ромбовидную форму». Во-вторых, рассматриваемая яма имеет «ромбовидную форму», с углами, направленными по сторонам света. Из известных примеров подобная форма встречается у широких ям с заплечиками [Там же, рис. *66.4*], чего не было замечено в погребениях с подбоями [Там же, рис. *64.1-3*]. Такой внешний вид ямы вполне мог бы служить для её классификации как квадратная или широкая яма *(тип III)*, однако этому препятствует данный подбой, который мог быть и побочным продуктом грабежа (сам В.И. Мамонтов не упомянул факт ограбления, но общий вид ямы может свидетельствовать об этом). Учитывая описанные выше факты было принято решение не включать данное погребение в типологию.

Оставшиеся погребения классифицировать можно, определив к двум типам:

1. *Прямоугольно-удлинённые ямы* (тип II) (по А.С. Скрипкину) / *Узкие прямоугольные ямы* (по М.В. Кривошееву). Данный тип встречается в погребении кургана № 22 и погребении кургана № 28. Для данного типа характерна простая конструкция без дополнительных сооружений, где ширина в 3–4 раза меньше длины [30, с. 62], или не превышает 40% от длины ямы [13, с. 123]. Представленные погребения незначительно нарушают его – ширина первой ямы 0,8 м при длине 1,8 м (44%) [23], а ширина второй 1,07 м при длине в 2,24 м (47%) [14], но общий вид и сравнение с другими рассмотренными погребениями позволяет отнести их к типу II.

2. *Квадратные или широкие прямоугольные ямы (тип III)*. Представлен погребением из кургана № 23. По замечанию М.В. Кривошеева, к данному типу можно отнести ямы, ширина которых не менее 55% от их длины [13, с. 123], чему полностью соответствует представленное погребение (на уровне дна его ширина 1, 96 при длине 2,13 м – 96%) [23].

Таким образом, с учётом вариантов формы погребальной ямы из кургана № 20, все рассмотренные погребения из курганного могильника Писарёвка-II имеют наиболее распространённые в позднесарматское время формы погребальных ям [30, с. 63].

Для анализа костяка доступны останки одного индивида – молодого мужчины из погребения кургана № 28. Его поза характерна для позднесарматского времени – он вытянут на спине с прямыми ногами и руками, расположенными вдоль туловища. В.И. Мамонтов отмечал их лёгкую «согнутось» в локтях [14], однако этого недостаточно для выявления «отклонений от нормы» и определения данной позы к другому типу.

Привлекает внимание нестандартная ориентировка – южная. Для позднесарматского времени характерна именно северная, что отмечают исследователи [13, с. 127; 4, с. 37; 31, с. 211], называя её «одним из главных элементов позднесарматской культуры» [13, с. 127]. Тем не менее, нельзя назвать её «редкой», как западную или восточную. Например, М.В. Кривошеев отметил, что из выбранных им погребений 35,7% имеют южную ориентировку [Там же] (с западной – 4,8%, а восточный – 1,8%) [Там же]. Южная ориентировка – характерный культурный элемент ранне- и среднесарматских культур [31, с. 166], господствующая на всей территории междуречья Волги и Дона в среднесарматское время [7, с. 91], продолжавшая использоваться на позднем этапе существования кочевников. Более того, отмечается, что на раннем этапе позднесарматской культуры она является преобладающей [31, с. 211]. Это символизирует формирование нового «культурного кода» в сарматском обществе, делая данное погребение свидетельством постепенного характера происходивших изменений.

Типичная позднесарматская черта у данного скелета – искусственная деформация черепа. Её тип – лобно-затылочный, смешанный с кольцевым. Данный метод искусственной деформации не является

© Захаров С.В., 2026

инновационным открытием, он был определён В.В. Гинзбургом и известен уже продолжительное время [6, с. 572], но, как пишет Е.В. Перерва, преобладающим типом искусственной деформации в Нижнем Поволжье является конкретно лобно-затылочный [28, с. 59]. Описанный переходный/смешанный тип не единственный [Там же], но сам факт его «нетипичности» делает находку особенно значимой.

Могильный инвентарь представленных погребений состоит из нескольких групп источников. Самым распространённым можно считать керамическую посуду, состоящую из 8 предметов.

Дважды найдены кувшины. Первый сероглиняный сосуд круговой формы, из кургана № 22, сохранился не в полном виде – осталась нижняя часть тулова и фрагмент слегка утолщённого венчика. По типологии М.В. Кривошеева, относится к разделу I «круговые», но дальнейшая типологизация невозможна из-за сложности определить первоначальное наличие/отсутствие ручки(-ек), которые и лежат в основе типологизации [13, с. 31].

Отлично сохранился кувшин из кургана № 28. По своей форме он соответствует типу III, отдел Б, подраздел I, раздел I из типологии кувшинов А.С. Скрипкина – круговой сероглиняный одноручный кувшин с туловом биконической формы, с большим диаметром посередине, невысоким воронкообразным горлом и петлевидной плоской в сечении ручкой [30, с. 24–25; рис. *4.1-3*]. Сам же В.И. Мамонтов описывал ручку кувшина как подтреугольная в сечении «г»-видная ручка, а кувшин назвал «черноглиняным» [14]. Из типологии М.В. Кривошеева данный кувшин подходит к типу 14 отдела Б раздела I [13, с. 33; рис. *12.2, 12.3*]. Согласно А.С. Скрипкину, кувшины типа III являются самыми распространёнными в позднесарматское время [30, с. 25–27]. В.И. Мамонтов считал, что данный кувшин был импортным [14], и, согласно исследованию М.Г. Мошковой, центром импорта могли быть Нижний Дон, Прикубанье и Северный Кавказ [25, с. 45–47]. В.И. Мамонтов датирует его II–III вв. н. э. [14]. А.С. Скрипкина датирует точнее – вторая половина II – середина III вв. н. э. [30, с. 50]. М.В. Кривошеев конечной границей определил первую половину III в. н. э. [13, с. 77].

Были найдены несколько глиняных горшковидных сосудов ручной лепки, два из которых сохранились в изначальной форме. Один из таких происходит из кургана № 20 – тонкостенный, имеет широкое тулово и уплощенное дно, а его короткая горловина заканчивается широким венчиком, край которого направлен наружу [22]. Своей формой он близок к типу 3 вар. Б (раздел II, отдел А) классификации М.В. Кривошеева – «вытянутые – тулово биконическое, наибольший диаметр в средней части. Средней высоты. Горло средней высоты, воронкообразное» [13, с. 40; рис. *26.4*]. Исследователь отметил, что горшки подобной формы известны еще до позднесарматского времени и продолжают встречаться даже после сер. III в. н. э. [Там же, с. 86].

Второй найден в ногах у погребённого из кургана № 28 – тонкостенный сосуд с широким туловом в верхней части, плавно переходящим в узкое дно [14]. По М.В. Кривошееву, он близок к типу 1 вар. Б (раздел II, отдел А) [13, с. 39; рис. *25.4*]. В.И. Мамонтов датировал его II–III вв. н. э. [14], М.В. Кривошеев сузил границы – первая половина II – сер. III в. н. э. [13, с. 85].

Остальные сосуды фрагментарны. От сосуда из погребения кургана № 22 сохранился фрагмент короткого прямого венчик, переходящий в округлое тулово (В.И. Мамонтов также упоминает небольшой фрагмент прямого дна) [23], а из кургана № 23 – фрагмент горловины сероглиняного сосуда, который, по мнению В.И. Мамонтова, происходит от высокой горловины [Там же]. Определить их тип невозможно.

В двух погребениях обнаружены фрагменты мисок. Из погребения кургана № 22 происходят останки большой чёрноглиняной миски круговой работы – часть венчика. Сохранившихся фрагментов недостаточно для типологизации находки, но форма края венчика близка к типу IX из классификации позднесарматских мисок А.С. Скрипкина [30, с. 30; рис. *11.9*] или к типу 3 вар. А М.В. Кривошеева [13, с. 48; рис. *40.1*]. Сложнее дело обстоит с фрагментами миски из кургана № 23. Это стенка сероглиняной миски, и по форме она подходит практически ко всем типам из классификации М.В. Кривошеева [Там же, с. 47–49; рис. *38–40*], поэтому определить точный тип не представляется возможным. Как пишет М.В. Кривошеев: «Миски часто использовались в погребальном обряде кочевников позднесарматского времени. Они составляют 20% от общего количества найденной керамики. Этот факт мо-

© Захаров С.В., 2026

жет свидетельствовать о их высокой популярности среди степного населения» [13, с. 47]. Что же касается датировки находок, если предположение о принадлежности миски из кургана № 22 верно, то её можно датировать просто «позднесарматским временем», т. к. «подобные миски встречаются на всех этапах позднесарматской культуры» [Там же, с. 92]. Датировка второй миски не представляется возможным.

Из глиняных изделий были найдены фрагменты «небольшой курильницы ручной лепки» [23] в погребении кургана № 23. Судя по чертежу В.И. Мамонтова, она имела кубическую форму [Там же], что позволяет отнести её к типу 2 по классификации А.С. Скрипкина и М.В. Кривошеева [30, с. 30; рис. *11.18-25;* 13, с. 48, рис. *39.10-13*]. Данный предмет часто встречается в сарматских памятниках и, предположительно, применялся для воскуривания благовоний или одурманивающих веществ в процессе отправления домашних культов [Там же, с. 49]. Как заметил М.В. Кривошеев, подобные кубические курильницы «подквадратной» формы характерны для всего позднесарматского времени [Там же, с. 94].

Оружие представлено тремя обломками железного меча. По сохранившимся фрагментам реконструировать форму меча и определить его к конкретному типу не представляется возможным.

Сохранившиеся элементы портупейного набора были найдены в погребении кургана № 22. Круглая бронзовая портупейная пряжка в виде толстого литого кольца. У находки отсутствует язычок и другие элементы, из-за чего определить её к конкретному типу в типологии не представляется возможным. Однако по форме кольца она схожа с пряжками типа П2а из типологии М.В. Кривошеева [Там же, с. 53; рис. *45.2-3*].

Второй сохранившийся элемент – бронзовый оконечник тонкого ремня. В отличии от пряжки, он имеет явную морфологическую особенность – треугольная форма нижней части, что позволяет с уверенностью отнести его к типу Н3а по типологии М.В. Кривошеева [Там же, с. 55; рис. *47.5*] и датировать концом II – первой половиной III вв. н. э. [Там же, с. 128].

Часто в позднесарматских погребениях встречаются зеркала [30, с. 33; 13, с. 49; 26, с. 2000]. Одно из таких было найдено в погребении кургана № 20. Её характерной особенностью является материал производства – белый металл, по предположению В.И. Мамонтова, серебро [14]. По замечанию М.Г. Мошковой, такие зеркала встречаются «очень редко» [26, с. 200], а характерным металлом была бронза. Это зеркало-подвеска с боковым ушком и орнаментом на обратной стороне, которое можно отнести к отделу «Зеркала-подвески с боковым ушком» типу II «с орнаментом или тамгообразными знаками с обратной стороны» по типологии бронзовых зеркал А.С. Скрипкина [30, с. 34; рис. *13.7–16*]. Такая форма, как отмечала М.Г. Мошкова, была наиболее характерной для той эпохи, «нередко входившие в состав ожерелий и выполнявшие роль амулетов» [27, с. 98], а сама территория, где было найдено зеркало, «север междуречья Волги и Дона», одна из самых богатых на них [Там же]. Что касается самого орнамента, по внешнему виду он напоминает колесо – состоит из двух кругов, внутреннего и внешнего, соединённых между собой 8-ю прямыми линиями, 4 из которых, направленные в соответствии со сторонами света, заканчиваются двумя волютами. Максимально схожий орнамент найден у бронзового зеркала-подвески из погребения 139 второй половины III в. н. э. [32, с. 61, 376] могильника Нейзац (Крым) [33, рис. *280.30*], за тем исключением, что в орнаменте крымской находки волюты лишь слегка согнуты, в то время как у писарёвской находки волюты имеют форму спирали.

Среди исследователей ведутся дискуссии по вопросу генезиса данных зеркал, где отстаиваются гипотезы их алтайско-северокитайского происхождения с одной стороны и северокавказского с другой [5, с. 171–172]. В сарматских погребениях Нижнего Поволжья в разные этапы её существования встречаются предметы из обоих регионов, как, например, северокавказская сероглиняная и чернолощеная гончарная керамика [11, с. 161] или «китайское» кольцевое навершие у клинкового оружия [10, с. 4–5], что подтверждает активные связи между ними и делает возможным проникновение формы зеркала из каждого. Однако, существует пара деталей, способных дать более точный ответ на вопрос.

Для начала рассмотрим модель В.Ю. Кононова в отношении проникновения и развития сарматских зеркал-подвесок на территорию Боспорского царства, согласно которой существовало несколь-

© Захаров С.В., 2026

ко этапов их эволюции. Один из таких (вторая половина II в. – начало III в.), сочетающийся с датировкой писарёвского зеркала (II–III вв. н. э. [13, с. 94–95]), напрямую связан с китайским орнаментальным влиянием, моду на которую принесли пришедшие из-за Урала во второй половине II в. волна аланов, контактирующих с Китаем [12, с. 262–263]. Учитывая высокую степень общего влияния китайской культуры на сарматскую, схожие датировки, а также широту межплеменных связей в сарматском мире и наличии таких же зеркал с явно подражающими китайской традиции орнаментами из близлежащих регионов (Нижнее Подонье, Прикубанье, Северный Кавказ) [8, с. 149], можно предположить, что и писарёвское зеркало стало таковым из-за «китайской моды».

Вторым аргументом в пользу этого служит материал производства – «белый металл». Данные о радиоуглеродном анализе зеркала отсутствуют, однако, согласно исследованию И.Г. Равича, материалом зеркала была «белая бронза», созданная при помощи добавленного олова и иногда других примесей, что совпадает с китайскими зеркалами [29, с. 157, 162]. К тому же, их наиболее ранние прототипы происходят из тагарских погребений Южной Сибири [Там же, с. 157]. Исследователь пришёл к заключению, что сарматы на базе сибиро-китайских форм создавали «изделия собственных типов» [Там же, с. 162]. И основываясь на представленных аргументах можно заключить, что своё появление рассматриваемое зеркало обязано китайской культуре.

Таким образом, изучение позднесарматского комплекса курганов из курганного могильника Писарёвка-II позволяет расширить знания о заключительном этапе пребывания сарматов в Нижнем Поволжье. Комплекс рассмотренных погребений содержит в себе элементы, характерные для позднесарматского времени – преднамеренная деформация черепа, узкие и широкие погребальные ямы, соответствующий времени погребальный инвентарь. Однако вместе с ними были выявлены редкие особенности эпохи – южная ориентировка погребения, смешанный тип деформации, а также зеркало редкого, по материалу создания, типа, чей орнамент не имеет аналогов в регионе. Благодаря погребальному инвентарю можно определить датировку всего изученного писарёвского позднесарматского комплекса – II–III вв. н. э.

Литература

1. Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / под ред. С.М. Орешникова [и др.]. М.: Сов. Россия, 1971. С. 121–132.

2. Битюшкова А.А. Сарматские украшения из курганного могильника «Вербовский I» // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2019. № 3(26). С. 35–41. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1559132826.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

3. Битюшкова А.А. Серебряные и бронзовые сосуды из среднесарматских погребения Нижнего Поволжья // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2021. № 3(38). С. 21–24. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1623319311.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

4. Буратаев Е.Г. Позднесарматские погребения курганной группы Кермен Толга // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 32–53.

5. Вагнер Е.В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2012. № 1(21). С. 168–176.

6. Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья // МИА. 1959. № 60. С. 524–595.

7. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005.

8. Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории Юга-Восточной Европы // Российская археология. 1995. № 3. С. 143–156.

9. Засецкая И.П. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.). Симферополь: Антиква, 2019.

10. Захаров С.В., Гущина А.А. К вопросу о сарматском оружии с кольцевым навершием // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2024. № 4(93). С. 4–7. [Электронный ресурс]. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/1728575698.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

11. Клепиков В.М. Восточные и Западные керамические импорты в погребениях раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 159–168.

© Захаров С.В., 2026

12. Кононов В.Ю. Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой (хронология, мода и влияние) // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути товары отношения: материалы междунар. науч. конф. (г. Керчь, 22–25 мая 2017 г.). Керчь: ООО «Соло-Рич», 2017. С. 259–265.

13. Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: дисс. … канд. ист. наук. Волгоград, 2005.

14. Мамонтов В.И. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник Писарёвка II» в Иловлинском районе Волгоградской области в 2018 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

15. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1999 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

16. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2000 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

17. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

18. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2004 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

19. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции лаборатории археологии и реставрации НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2008 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

20. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2014 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

21. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2015 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

22. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2016 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

23. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2017 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

24. Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писарёвка II // Нижневолжский археологический вестник. 2002. № 5. С. 251–259.

25. Мошкова М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 45–52.

26. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 191–202.

27. Мошкова М.Г. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М.: Вост. лит., 2009.

28. Перерва Е.В. Преднамеренная искусственная деформация у населения позднесарматского времени (палеопатологический аспект) // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 4. С. 57–71.

29. Равич И.Г. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» // Российская археология. 1995. № 3. С. 157–164.

30. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 1984.

31. Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017.

32. Храпунов И.Н. Могильник Нейзац (II–IV вв. н. э.): в 3-х т. Севастополь: Крымский федерал. ун-т им. В.И. Вернадского, Симферополь, 2025. Т. 1.

33. Храпунов И.Н. Могильник Нейзац (II–IV вв. н. э.): в 3-х т. Севастополь: Крымский федерал. ун-т им. В.И. Вернадского, Симферополь, 2025. Т. 2.

SERGEY ZAKHAROV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE LATE SARMATIAN BURIALS OF THE BURIAL MOUND PISAREVKA II

The results of studying the burials of the late Sarmatian period of the Lower Volga burial mound Pisarevka II are demonstrated. The burial constructions, the skeletons of the buried and the burial equipment of the studied funerals are classified. The features, that are rare and specific for this period, are revealed. There is given the general dating of the considered complex.

Keywords: *the Sarmatians, late Sarmatian culture, the Lower Volga region, classification, burial construction, skeleton of buried, funeral equipment.*

© Захаров С.В., 2026

УДК 93/94

М.Н. МАТРЕННИКОВА
(matrennikovam@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТУДЕНЧЕСТВО ЦАРИЦЫНА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ Н. XX В. *

Рассматривается вопрос о политизации студенчества города. Дана характеристика форм его вовлеченности в 1905 и 1917 гг. Выявляются факторы, повлиявшие на невысокую активность студенчества в революционных событиях.

Ключевые слова: *Первая русская революция, Великая российская революция, Царицын, студенчество, демонстрации, политические партии.*

Студенческое движение первых десятилетий XX в. стало своеобразным феноменом российской общественно-политической жизни, неотъемлемой частью важнейших событий в судьбе российского народа.

По возрастным показателям студенчество идеально подходило под роль активного, предприимчивого участника выступлений, жаждущего перемен, ищущего новые идеалы, но в то же время, осознающего своё значение как двигателя общественного движения. Используя термин «студенчество» в нашей работе, мы имеем ввиду учащихся светских высших учебных заведений.

Отметим также, что студенчество было представителем различных социальных сословий российского общества, от крестьянства вплоть до потомственного дворянства. Таким образом, учащиеся всегда близко воспринимали все социально-экономические и политические преобразования и события в государстве и были заинтересованы в каких-либо переменах не меньше, чем все остальные категории населения.

Обращаясь к историческому опыту студенческого движения, можно и нужно проводить аналогии, вычленять причины возникновения этого явления, понимать сущность студенческой активности. Из этого опыта можно заимствовать массу положительных концепций. Осознавая потенциальную силу учащихся, принимая во внимание современные возможности студенчества, можно обозначить гораздо более созидательные направления их деятельности.

Кроме этого, тема студенческого движения является частью масштабных исследований молодежного движения в разные исторические периоды [3, 5, 6–8]. Это, в свою очередь, способствует широкому изучению политической, социально-экономической и культурной истории студенчества в России.

Цель данной работы – определить роль студенческого движения Царицына в политических событиях первых десятилетий XX столетия. Задачи: охарактеризовать городское студенчество; рассмотреть, как проявлялась студенческая революционная активность в Царицыне.

Царицын к. XIX – н. XX вв. был одним из крупнейших и наиболее развитых губернских городов. Однако застройка и развитие его носило стихийный характер. Отмечалось много факторов неблагоустроенности и антисанитарности. Из-за специфического расположения в Царицыне сочеталось азиатское с европейским, старое с новым. «Это был город контрастов. … В 1913 г. в Царицыне появился трамвай. В 1914 г. вступила в строй первая очередь канализации. Телефонная станция насчитывала 500 абонентов – больше, чем в Саратове» [1, с. 10]. Однако появление этих благ сосредотачивалось в основном в центре города, где преобладал буржуазный контингент. Что касается рабочего большинства, то оно оставалось отдаленным от многих удобств.

Тем не менее, развитие промышленности и торговли в Царицыне требовало обеспечение предприятий квалифицированными кадрами. Поэтому достаточное внимание уделялось властями города системе образования. «К 1917 году в Царицыне насчитывалось 64 учебных заведения, в том числе: гимназий – 6, реальных училищ – 2, учительская семинария, среднетехническое училище (техникум),

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Матренникова М.Н., 2026

коммерческое училище, торговая школа, художественная школа, музыкальные классы, 4 высших начальных городских училищ, 2 ремесленных (мужское и женское) и 44 начальные школы» [1, с. 11]. Таким образом, в Царицыне довольно хорошо было представлено техническое образование, что выделяло город на фоне губернии.

И всё же говорить о высоком качестве образования нельзя. Обучение было платным. В земской школе за ученика платили в среднем 6 руб. в год, в ремесленном училище – 10 руб., в торговой школе – 50 руб. Отсев учащихся составлял 15% [10, с. 50]. Как правило, причиной ухода из учебного заведения была нехватка средств для оплаты обучения.

Не столь доходной была и профессия преподавателя. Заработная плата была также низкой и сильно зависела от местных властей. Наиболее приоритетным критерием для отбора преподавательского состава был не уровень их компетентности, а преданность царизму.

Учащаяся молодежь стала проявлять свою революционную активность уже в 1905 г. Однако это относилось, в первую очередь, к детям из обеспеченных семей. В первых выступлениях принимали участие учащиеся женской и мужской гимназий, а также учащиеся реальных училищ. Эти студенты добивались введения демократических начал в систему образования, свободы слова, собраний. Разумеется, наибольшая эффективность достигалась путём сближения с рабочим движением. Так, со временем учащиеся объединяли свои усилия с движениями железнодорожников [9, с. 38–39].

Высокий уровень революционных настроений был присущ Царицыну, начиная с 1914 г. Тогда в Царицыне 22 июля 1914 г. произошли волнения запасных у военного присутствия. Большевики в листовках призывали запасников не идти в армию и бороться против царизма. После событий в Царицыне Саратовская губерния с 25 июня 1914 г. была объявлена «на положении чрезвычайной охраны». В Царицыне были произведены аресты большевиков [Там же, с. 31].

Помимо военных в забастовках принимали участия и учащиеся местных учебных заведений. В военном городке обосновался 2-й учебный студенческий батальон численностью до 1500 человек [1, с. 33].

Эти события спровоцировали подъём рабочего движения, которое набрало свою силу к 1915 г. С этого момента и вплоть до 1917 г. Царицын оставался одним из самых революционно активных городов.

Уже в марте 1917 г. студенты высказали свою готовность выступать в революционных движениях на стороне большевиков. После завершения выступления в студенческом батальоне также, как и во всех полках проходили выборы полковых и ротных комитетов и депутатов Совета. Учащиеся получили на это право, т. к. к выборам допускали всех участников, достигших 18 лет [9, с. 73].

В мае 1917 г. состоялась демонстрация, парад частей гарнизона и митинг трудящихся. Участниками были около 50 тысяч местных жителей [Там же, с. 41]. «Ликующая масса с энтузиазмом подхватывала призывы к миру. И только студенческий батальон, находившийся под эсеро-меньшевистским влиянием, отвечал на антивоенные лозунги криками: «Долой!» и требованиями убрать флажок со словом «МИР». Поведение студентов вызвало бурю негодования. Солдаты 141-го полка с гневом заявили студенческому батальону: «Вам нужна война. Так завтра же убирайтесь на фронт или штыками прогоним!» [1, с. 42].

Таким образом, первомайская демонстрация выявила расстановку политических сил в городе и предпочтения граждан. Высокой популярностью пользовались лозунги и программа большевиков, однако оставалась доля населения, предпочитающая идеи меньшевистского блока. Основная межпартийная борьба проходила за места в органах городского самоуправления. Однако выборы, проходившие 9 июля 1917 г., окончательно утвердили преимущества большевиков. Из 102 депутатских мест большевики получили 39, меньшевики, эсеры и бундовцы – 41 место, остальные 22 места были распределены между другими партиями и группами [Там же, с. 45].

Переход власти в Царицыне к Совету рабочих и солдатских депутатов совершился мирно и без вооруженного вмешательства, буквально вслед за переворотом в Петрограде. Таким образом, студенчество в революционных событиях 1917 г. в Царицыне не проявляло себя активными действиями.

© Матренникова М.Н., 2026

В основном студенчество было задействовано в просветительской большевистской работе. Студенты-активисты докладывали о политическом положении в стране и о том, какие задачи ставят перед собой учащаяся и рабочая молодежь [4, с. 12–15, 24, 31, 34, 48, 69].

По окончании революционных событий 1917 г. Царицынский комитет РСДРП(б) поднимал вопрос о судьбе учащейся и рабочей молодежи. Так, в одном из Протоколов заседания комитета зафиксировано решение об организации в Царицыне союза молодежи, который «объединял бы учащуюся молодежь и детей пролетариев, воспитывая из них борцов за социализм. Комитет принял решение приступить к созданию союза и для этой работы выделил одного члена комитета» [9, с 257].

Такой союз действительно был организован, и первое его собрание состоялось 6(19) января 1918 г. [Там же, с. 355]. Чуть позже был принят Устав и избрано правление Царицынского Союза молодежи III Интернационала. Вначале основную массу этого Союза составляли учащиеся, но со временем большую долю уже представляла молодежь рабочая. После этих тенденций союз был переименован в Союз рабочей молодежи им. III Интернационала, который, в свою очередь, стал предшественником комсомола.

Основными задачами участников Союза были – просветительско-литературная деятельность, поддержание высокого уровня нравственности и идейной приверженности среди молодежи. Для этого создавались специальные дружины, которые проводили соответствующую работу среди сверстников.

Действительно, Царицын был одним из наиболее революционизированных городов Саратовской губернии и даже оценивался по степени политической значимости революции как «Петроград в миниатюре» [1, с. 36]. Что касается движения учащихся в Царицыне, то оно не может представлять собой выделяющееся самостоятельное выступление масс на общем фоне революционной обстановки в городе. Это объяснялось отсутствием особо крупных учебных заведений в городе, слабым уровнем самоорганизации, вследствие чего нет каких-либо документов, фиксирующих деятельность студенческих отрядов, а также большей склонностью царицынских учащихся к эсеро-меньшевистской идеологии. Как правило, общественно-политическая карьера революционно настроенных студентов продолжалась в более крупных городах. Поэтому в описаниях событий второй половины 1917 г. упоминаний о студенческих волнениях не встречается.

Существовавший в Царицыне студенческий батальон, несмотря на свою многочисленность, не сыграл особой роли в революционных событиях, т.к. основные силы принадлежали рабочим. Учащаяся молодёжь города разделяла взгляды социал-демократического меньшинства, поэтому во второй половине 1917 г. все лидеры студенческого движения либо не принимали активного участия, либо перебирались в Саратов и другие крупные города.

Литература

1. Водолагин М.А. Красный Царицын. Волгоград: Нижне-Волжское книж. изд-во, 1967.
2. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968.
3. Гусятников П.С. Движение революционно-демократического студенчества России (1895–1907 гг.): автореф. дисс… д-ра. ист. наук. Л., 1973.
4. За Советскую власть: (Сборник воспоминаний участников революционных событий в Царицыне) / [Сост. и лит. обработка В.И. Томарева и М.Я. Клейнмана]. Сталинград: Кн. изд-во, 1957.
5. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004.
6. Круглова З.С. Студенческое движение в период нового революционного подъема (1910–1914 гг.): автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1965.
7. Кузьмичев А.С. 1917 год в судьбах российской высшей школы / под ред. Косарова Г.Г. // История российской интеллигенции: в 2-х т. М.: МАДИ, 1995. Ч. 2. С. 151–164.
8. Натансон Я. Русская студенческая молодежь по данным студенческих переписей в 1872–1907 гг. // Вопросы обществоведения. 1910. Вып. 2.
9. Октябрь в Царицыне: Сборник документов. Волгоград: Нижне-Волжское книж. изд-во, 1970.
10. Орлов Г.В. Мой край: царицынское долголетие, сталинградская прочность, волгоградская молодость: очерки истории социально-экономического развития области (1589–2009). Волгоград: Панорама, 2009.

© Матренникова М.Н., 2026

MARIYA MATRENNIKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE STUDENTSHIP OF TSARITSYN IN THE REVOLUTION EVENTS OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

The issue of politicization of studentship of city is considered. The characteristics of forms of its involvement in 1905 and 1917 are given. There are revealed the factors, having influence on the low activity of studentship in revolution events.

Keywords: *the First Russian Revolution, the Great Russian Revolution, Tsaritsyn, studentship, demonstrations, political parties.*

© Матренникова М.Н., 2026

УДК 902/904

Я.А. САЖИН
(sajin13112006859@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА ПОГРЕБЕННОГО СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*

Рассматривается проблема определения статуса погребенных срубной культурно-исторической общности Нижнего Поволжья на основе анализа погребального инвентаря. Автором предложен вариант типологизации погребальных комплексов, основанный на сравнительном анализе количественных и качественных характеристик инвентаря. В ходе исследования выявлено пять категорий погребений.

Ключевые слова: *срубная культурно-историческая общность, Нижнее Поволжье, эпоха поздней бронзы, погребальный обряд, погребальный инвентарь, статус погребения, социальная стратификация, археологическая типология.*

Срубная культурно-историческая общность (срубная культура) представляет собой один из наиболее масштабных и динамично развивавшихся археологических феноменов эпохи поздней бронзы на территории степной и лесостепной зон Евразии. Нижнее Поволжье являлось ключевым регионом формирования и трансформации срубных традиций. В современной археологической науке реконструкция социальной структуры древних обществ признается одной из приоритетных задач. При отсутствии письменных источников погребальный инвентарь выступает основным материальным индикатором, отражающий прижизненный статус индивида и его место в социальной иерархии. Однако вопрос о выделении универсальных критериев «престижности» или «статусности» находок остается дискуссионным.

Под руководством В.И. Мамонтова с 1964 г. по 2012 г. было раскопано 342 погребений срубной культуры. Благодаря этому накоплен большой пласт информации о погребениях и погребальном инвентаре срубной культуры [6–48]. Проблема исследования заключается в отсутствии единой системы, которая позволяет определять статус погребенного по разным категориям находок.

Научная новизна заключается в применении метода сравнения: статус человека определяется через то, насколько набор вещей в его могиле отличается от самого обычного и массового. Это позволило выделить конкретные предметы, наличие которых отделяет «особые» захоронения от большинства рядовых могил в Нижнем Поволжье.

В первой половине – середине XX в. исследователи (такие как В.А. Городцов, П.С. Рыков) заложили основу изучения срубной культуры. В этот период основное внимание уделялось описанию находок и определению границ культуры. Социальный статус погребенных практически не рассматривался, а внимание уделялось только самым богатым курганам [1, 4].

Во второй половине XX в. ученые (Н.Я. Мерперт, О.А. Кривцова-Гракова и др.) начали выделять локальные варианты срубной культуры, в том числе и в Нижнем Поволжье. Появились первые попытки говорить о социальной структуре, но статус погребенного определялся «на глаз» – по наличию редких вещей [3, 49].

В конце XX – начале XXI в. современные исследователи (такие как Н.М. Малов, В.В. Цимиданов и региональные археологи) перешли к поиску закономерностей в погребальном обряде. Однако, несмотря на обилие материала по Нижнему Поволжью, до сих пор не хватало четкой системы, которая

* Работа выполнена под руководством Гущиной А.А., ст. лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова, ст. преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Сажин Я.А., 2026

позволяла бы определять статус человека через массовый, обычный инвентарь, а не только через редкие находки [4, 50].

Особый интерес вызывает монография В.И. Мамонтова «Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII)». Некоторое количество погребений из общего числа настоящей работы включены в труд, где В.И. Мамонтов рассмотрел погребальный инвентарь [5].

После анализа отчетов, была составлена табл. (см. табл.), с ее помощью можно разделить погребения условно на 5 категорий. Каждая категория отличается от другой количественными показателями, а также наличием новых предметов в погребении.

Категория 1 – погребение не разграбленное и при этом в могиле отсутствует погребальный инвентарь. Согласно статистике таких погребений было 60 (17,5%).

Категория 2 – в погребении находился только 1 сосуд (иногда фрагмент сосуда). Таких погребений было 195 (57%).

Категория 3 – в погребении были обнаружены 1 или 2 сосуда с 1 орудием труда, 2 или 3 сосуда, только 1 орудие труда (иглы, игольницы, пробивки). Всего таких погребений было раскопано 56 (16,3%). Главным маркером выступает орудия труда, всего их находили в 11 разных погребениях, общее число найденных орудий труда – 13. Погребение только с 1 бытовым предметом нельзя отнести в *Категорию 1*, поскольку количество сосудов составляет 359 штук, что в 27,6 раз больше, чем орудий труда. Также маркером статусности в данной категории является количество сосудов. Важно сделать акцент на количество сосудов без орудия труда, а также с орудием труда: погребений с 1–2 сосудами и 1 орудием – 4, погребения с 3 сосудами без орудия труда – 2.

Категория 4 – в погребении были найдены 1–5 сосудов, 1–2 орудия труда, 1–2 украшений. Всего таких погребений 20 (5,8%). Главным маркером статусности выступают украшения, всего их было найдено 33, это больше на 15, чем орудий труда.

Категория 5 – в погребении могут встречаться все ранее перечисленные предметы, но главным маркером является оружие. Всего таких погребений было раскопано 11 (3,2%) и найдено 9 оружий. Такое малое количество оружия может обозначать, что только люди очень высокого статуса могли себе это позволить, поскольку оно очень ценилось.

Таблица

Погребения с находками срубной культуры с 1964 по 2012 гг. по отчётам В.И Мамонтова

Количество погребений	Сосуд	Фрагменты керамики	Орудие труда	Фрагменты оружия	Украшение	Фрагменты животного	Иные предметы	%
89	1	0	0	0	0	0	0	26
85	0	1	0	0	0	0	0	24,8
58	0	0	0	0	0	0	0	16,9
19	2	0	0	0	0	0	0	5,5
12	0	2	0	0	0	0	0	3,5
9	1	1	0	0	0	0	0	2,6
6	0	1	0	0	0	1	0	1,7
5	1	0	0	0	0	1	0	1,4
4	1	0	0	0	0	0	1	1,1
3	1	1	0	0	0	1	0	0,8
2	0	1	0	0	2	0	0	0,5
2	0	0	0	0	0	0	2	0,5
2	1	0	0	0	0	1	1	0,5

© Сажин Я.А., 2026

Количество погребений	Сосуд	Фрагменты керамики	Орудие труда	Фрагменты оружия	Украшение	Фрагменты животного	Иные предметы	%
2	2	0	0	0	0	1	0	0,5
2	1	1	0	1	0	0	0	0,5
2	1	0	0	0	2	0	0	0,5
2	0	2	0	0	1	0	0	0,5
2	1	1	0	0	0	0	1	0,5
2	0	2	1	0	0	0	0	0,5
2	0	1	0	0	1	0	0	0,5
1	1	0	1	1	0	0	0	0,2
1	0	0	0	0	1	0	0	0,2
1	0	1	1	1	0	0	0	0,2
1	0	2	0	1	0	0	0	0,2
1	2	0	0	0	0	1	1	0,2
1	1	2	0	0	0	0	0	0,2
1	2	0	0	0	0	0	1	0,2
1	1	0	0	1	0	0	3	0,2
1	1	0	0	0	0	2	1	0,2
1	2	0	0	0	3	0	0	0,2
1	0	1	0	0	0	0	1	0,2
1	0	2	0	0	1	0	0	0,2
1	1	0	0	0	1	1	0	0,2
1	0	0	0	0	4	0	0	0,2
1	3	0	0	0	2	0	0	0,2
1	3	0	0	0	0	0	1	0,2
1	3	0	2	0	0	0	0	0,2
1	4	1	0	0	0	0	0	0,2
1	0	0	1	0	0	0	0	0,2
1	1	0	1	0	0	0	1	0,2
1	0	1	0	0	0	2	0	0,2
1	0	1	0	0	1	0	0	0,2
1	0	0	0	0	2	0	0	0,2
1	1	4	0	0	0	0	0	0,2
1	0	1	0	1	2	0	1	0,2
1	1	2	0	1	0	0	0	0,2
1	1	1	2	0	1	0	0	0,2
1	2	0	1	0	1	0	0	0,2
1	3	1	1	1	0	0	0	0,2
1	0	1	1	0	0	0	0	0,2
1	0	1	0	0	0	1	1	0,2
1	1	0	0	0	2	1	0	0,2

Таким образом, предложенные критерии и сформированные на их основе категории, позволяют определить статус погребения по могильному инвентарю. Важной проблемой является невозможность определения социальной иерархии людей срубной культуры по данным критериям, поскольку они основываются исключительно на сравнительном анализе, без углубления в изучение специфики

© Сажин Я.А., 2026

погребального обряда, который мог нести другую смысловую нагрузку в мировоззрении людей срубной культуры.

Причиной данного феномена является скорее всего мировоззренческий надлом, произошедший в XVIII в. до н. э. Люди срубной культуры понимали, что человек после смерти переходит в другой мир, из-за этого они начинают сооружать специальные камеры для их «путешествия», накрывая их срубом, который в свою очередь имитирует функции дома – места, где человек проводит много времени и оно защищает его от окружающих неблагоприятных факторов [2].

Вероятно, именно поэтому срубная культура отличается своей скудностью в погребальном инвентаре и, наоборот, достаточно сложной конструкцией могилы.

Таким образом, для выявления социальной иерархии и определения статуса человека при жизни появляется возможность применить данные критерии определения статуса погребения через могильный инвентарь и пока ещё не до конца разработанными критериями, которые определяли бы статус человека по размеру и сложности конструкции могилы.

Литература

1. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII Археологического съезда. М., 1907. С. 211–285.

2. Жуков Р.В. Покровские и срубные погребальные традиции позднего бронзового века Самарского Поволжья (к вопросу о мировоззренческих позициях) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 130–133.

3. Кривцова-Гракова О.А. Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955.

4. Малов Н.М. Профессор П.С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 3. С. 345–351.

5. Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000.

6. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1965 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

7. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1966 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

8. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1967 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

9. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1968 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

10. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1969 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

11. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1970 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

12. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1971 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

13. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1972 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

14. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1973 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

15. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1974 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

16. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1975 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

17. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1976 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

18. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1977 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

19. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1978 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

20. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1979 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Сажин Я.А., 2026

21. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1980 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
22. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1981 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
23. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1982 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
24. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1983 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
25. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1984 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
26. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1985 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
27. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1986 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
28. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1987 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
29. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1988 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
30. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1989 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
31. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1990 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
32. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1991 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
33. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1992 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
34. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1993 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
35. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1994 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
36. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1995 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
37. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1996 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
38. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1997 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
39. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1999 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
40. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2000 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
41. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
42. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2002 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
43. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2004 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
44. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2005 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
45. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2007 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
46. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2008 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
47. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2010 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ»
48. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2012 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
49. Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. С. 7–23.
50. Цимиданов В.В. Сосуды – «Почтовые ящики» в обрядах срубной культуры // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1(13). С. 57–77.

© Сажин Я.А., 2026

YAROSLAV SAZHIN
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSIDERING THE ISSUE OF CRITERIA OF DEFINING THE STATUS OF BURIALS OF TIMBER-GRAVE (SRUBNAYA) CULTURE IN THE LOWER VOLGA REGION

The issue of defining the status of buried timber-grave (srubnaya) cultural-historical community of the Lower Volga region on the basis of analysis of funerary equipment is considered. The variant of typology of burial complexes, based on the comparative analysis of quantitative and qualitative characteristics of tools, is suggested by the author. There are discovered five categories of burials during the study.

Keywords: *timber-grave (srubnaya) cultural-historical community, the Lower Volga region, Late Bronze age, burial custom, burial tools, burial status, social stratification, archeological typology.*

© Сажин Я.А., 2026

УДК 902

А.В. СЕМЕНОВА
(alice.002@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

МАРКЕРЫ ПЕРЕХОДНЫХ ОБРЯДОВ ДЕТСТВА В РАННЕСАРМАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам курганного могильника Первомайский VII)*

Рассматривается методологическая проблема изучения переходных обрядов детства в раннесарматском обществе, основываясь на материалах детских погребений Курганного могильника Первомайский VII. Анализ погребального инвентаря позволил выделить три ключевых возрастных этапа: до 5 лет, 5–12 лет и старше 12 лет. Основное внимание уделено интерпретации погребального инвентаря как маркера изменения социального статуса внутри этих периодов.

Ключевые слова: *раннесарматское общество, инициация, переходный обряд, могильник Первомайский VII, детские погребения, социализация.*

Изучение обрядов перехода, в частности инициаций, в древних обществах сопряжено с фундаментальными методологическими трудностями, особенно при попытке реконструкции на основе археологических данных. В отличие от этнографически фиксируемых комплексов, где доступны непосредственные наблюдения за ритуалом и его символическим наполнением, археология оперирует преимущественно материальными следами, чаще всего – погребальным инвентарем. При этом ключевая проблема заключается в различении обрядов, знаменующих простое изменение возрастной категории в рамках жизненного цикла, и собственно инициаций, предполагающих глубокое преобразование социальной личности и посвящение в сакральное знание или закрытую «корпорацию». Данное различие, теоретически обоснованное в социальной антропологии, на практике археологического анализа часто оказывается размытым, что требует особенно тщательного подхода к интерпретации погребальных комплексов.

При исследовании возрастных аспектов инициации в кочевых обществах на основании археологического материала возникают существенные методологические сложности.

Во-первых, трудность заключается в интерпретации пола и возраста погребённых в публикациях. Возрастные категории часто обозначаются обобщённо – «ребёнок», «подросток» – без уточнения даже примерного возраста [7, с. 55]. В лучшем случае указываются диапазоны, такие как «5–7 лет».

Во-вторых, существует проблема излишне широких возрастных групп, выделяемых исследователями. Например, В.М. Клепиков, анализируя детскую погребальную обрядность раннесарматского времени, разделяет индивидов всего на две категории: дети (от младенчества до 9 лет) и подростки (10–15 лет) [3, с. 31]. Такая градация нивелирует потенциальные различия в обряде, которые могли соответствовать ключевым этапам социализации и инициаций в разные годы внутри этих больших промежутков.

Яркой иллюстрацией последствий этой проблемы является трактовка находок оружия в детских погребениях. Как отмечает тот же автор: «Оружие в детских погребениях встречается довольно редко, но …, что особенно любопытно, в двух случаях у ребенка и подростка» [Там же, с. 32]. Однако оружие является важным маркером возможного обряда инициации, символизируя либо статус юного воина, признанного обществом, либо выполняющее ритуальную функцию. Без точного возраста остаётся неясным социальный смысл данной находки: было ли оружие положено в 9 лет, в 3 года или в 10 лет? Каждая из этих возрастных точек может принципиально по-разному интерпретироваться в контексте становления личности в кочевом обществе.

Таким образом, существующая практика публикаций и анализа палеоантропологических данных зачастую не учитывает необходимость детальной возрастной стратификации. Это существенно огра-

* Работа выполнена под руководством Гущиной А.А., ст. лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ», соискателя ученой степени кандидата исторических наук ИА РАН.

© Семенова А.В., 2026

ничивает возможности реконструкции процессов социализации и, в частности, выявления возрастных рубежей инициации, которые требовали бы точного, по возможности погодного, определения возраста индивидов.

Для решения обозначенных проблем в рамках данного исследования был привлечен материал Курганного могильника Первомайский VII, чье изучение является частью многолетней археологической традиции Волгоградской школы археологии [6]. На основе анализа этих материалов, а также существующих антропологических и этнографических данных, была сформирована гипотеза: различия в погребальном обряде детских захоронений позволяют выделить три возрастные категории, соответствующие ключевым этапам социализации и изменению социального статуса ребенка в данном обществе.

Среди анализируемых раннесарматских погребений Курганного могильника Первомайский VII зафиксировано 8 детских погребений при 24 взрослых захоронениях.

1. Младенцы и дети младшего возраста (до 5 лет).

Для этой группы характерен предельно упрощенный погребальный обряд, резко контрастирующий со взрослым. В Курганном могильнике Первомайский VII зафиксировано одно такое погребение ребенка 5–6 месяцев (курган 39, погребение 4), где у стенки подбоя лежали лишь две половинки отремонтированной глиняной мисочки [7, с. 41]. Практическое отсутствие погребального инвентаря в этой категории может быть интерпретировано через призму социального статуса. В столь юном возрасте, особенно в период младенчества, ребенок, вероятно, еще не воспринимался обществом как сформировавшаяся личность, обладающая социальными связями и личной собственностью. Его статус был производным от статуса родителей. Минимализм обряда может отражать не только возраст, но и, возможно, особые представления о загробном мире для душ, не прошедших этап социализации.

2. Дети от 5 до 12 лет.

Начиная с 5-летнего возраста погребальный обряд демонстрирует качественные изменения. Для этой группы он достаточно разнообразен. К ней отнесены 4 погребения, среди них 2 индивидуальных захоронения, одно парное и одно коллективное. Ключевым отличием является появление предметов, которые можно маркировать как детские или игровые, не встречающиеся в инвентаре взрослых. Например, в погребении 2 кургана 50 обнаружена антропоморфная фигурка из мела с прочерченными чертами лица – возможная детская игрушка [Там же, с. 55]. Также встречаются ракушки, мел с насечками. Эти предметы, скорее всего, отражают мир детства и процесс социализации через игру. Важно отметить, что в этой возрастной категории в Курганном могильнике Первомайский VII практически не зафиксировано оружия (кроме единичного случая в коллективном погребении, где нож находился у ноги взрослой женщины) [Там же, с. 29]. Это отличает ее от следующей возрастной группы и указывает на то, что дети 5–12 лет, возможно, еще не приобрели качественно иной, «взрослый» социальный или воинский статус.

3. Дети старше 12 лет.

На рубеже 12 лет в погребальном обряде происходят изменения, свидетельствующие о приобретении нового социального статуса. Появление оружия в погребениях этой возрастной группы является ключевым маркером. Находка бронзового трехлопастного втульчатого наконечника стрелы в погребении подростка 12–13 лет (курган 39, погребение 10) крайне показательна [Там же, с. 42–43]. Она, возможно, свидетельствует о том, что индивид этого возраста уже прошел обряд инициации и был признан полноправным воином. Этот факт может указывать на возраст социального взросления в раннесарматском обществе, когда подросток начинал нести воинские обязанности и получал соответствующие атрибуты. Изменения в инвентаре отражают его интеграцию в производственную и социальную жизнь общины на новых правах.

Данные других исследователей подтверждают важность рубежа 12–14 лет. Е.А. Коробкова, анализируя половозрастную структуру, пришла к выводу, что «детство» в раннесарматском обществе продолжалось до 12–14 лет, на что указывает высокая частота коллективных погребений детей именно этой возрастной категории [5, с. 233]. Она же предположила, что первый этап социализации (от-

© Семенова А.В., 2026

деление от матери) мог происходить около двух лет, а следующий переходный период – в 6–8 лет, с чего в погребальном инвентаре начинают встречаться пряслица и кинжалы [5, с. 233].

Вопросы взросления рассматривал и В.М. Клепиков. Он отмечал, что оружие встречается в погребениях детей, начиная с 3 лет, хотя и носит, вероятно, символический характер (согнутые кинжалы, обломки мечей, малое количество стрел) [4, с. 287]. Это подтверждает ранее обозначенную проблему интерпретации оружия в детских захоронениях без точного возраста.

Если обратиться к антропологическим материалам, то можно заметить некоторые различия в характере патологических изменений у детей и взрослых людей среди раннесарматского населения.

Существует ряд антропологических индикаторов, которые присущи в значительно большей степени детям, чем взрослым. К ним относятся, прежде всего, признаки железодефицитной анемии, частота которой в детской выборке достигает 54%, в то время как у взрослых мужчин этот показатель составляет 15%, а у женщин – 25% [8, с. 57]. Столь же выражена разница в частоте неспецифических воспалительных процессов на костях посткраниального скелета, которые фиксируются у 42% детей, тогда как у взрослых этот показатель существенно ниже [Там же]. Эти маркеры связанны с высокой уязвимостью детского организма. Их преобладание в младших возрастных группах свидетельствует о тяжёлых условиях роста и развития, но не о специфической социальной или профессиональной активности.

С другой стороны, существует комплекс антропологических маркеров, которые отсутствуют у детей и фиксируются преимущественно у взрослого населения. К ним относятся:

– признаки хронического холодового стресса (васкуляризация костной ткани по типу «апельсиновой корки»), отмеченные у 64% взрослых (до 80% у мужчин) и не обнаруженные у детей [8, с. 58];

– выраженные дегенеративно-дистрофические патологии суставов и позвоночника (артрозы, остеофитоз, узлы Шморля), достигающие пика в зрелом и пожилом возрасте. Их связывают с профессиональной физической нагрузкой, в первую очередь – с верховой ездой [Там же, с. 59–60];

– эндокринные нарушения (внутренний лобный гиперостоз), интерпретируемые, в частности, как возможные маркеры тучности, которые зафиксированы только у взрослых (8 случаев, из них 7 у мужчин) [Там же, с. 58].

Для формирования этих хронических и накопительных изменений требуется длительное время. Поэтому, хотя они и характеризуют взрослых как сложившихся профессиональных всадников и воинов, на их основе нельзя напрямую судить о возрасте начала этой деятельности.

Однако, ключевую информацию в этом контексте предоставляет травматизм. Данные показывают, что в детской выборке травмы почти не зафиксированы, но в материалах исследований сообщается отравмах костей свода черепа у подростка (12–15 лет) [1].

Исходя из этого, можно предположить, что с возраста 12 лет подростки начинали активно вовлекаться в боевую деятельность**.**

Для более полной интерпретации археологических и антропологических материалов раннесарматского общества целесообразно привлечь этнографические данные из жизни кочевых народов, занимавших сходную экологическую нишу в более поздние исторические периоды. В этом контексте особенно показательны данные по калмыкам, сохранявшим кочевой уклад до Нового времени.

Трудовая и социальная социализация детей у калмыков начиналась достаточно рано. В возрасте 7–10 лет мальчик, уже уверенно державшийся в седле, начинал помогать в пастьбе скота и других мужских работах, а девочка становилась помощницей матери в домашнем хозяйстве [2, с. 51]. Эта практика отражает раннее вовлечение детей в производительную деятельность, что, вероятно, было характерно и для ранних кочевников, включая сарматов. Однако начало активной трудовой деятельности ещё не означало приобретения полного социально-взрослого статуса.

Также, в калмыцких законах 1640 г. устанавливался минимальный брачный возраст для девушек в 14 лет [Там же, с. 53]. Формальное установление такого рубежа указывает на признание обществом достижения определённой социальной и физической зрелости.

© Семенова А.В., 2026

Таким образом, на основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы, которые служат отправной точкой для дальнейших исследований возрастных переходов в раннесарматском обществе.

Возраст около 3 лет мог символизировать первый социальный рубеж – возможно, ритуализированное отделение от матери или включение в семейную общину на новых началах, что гипотетически может отражаться в единичных случаях символического оружия в погребениях.

Возраст 7–11 лет мог знаменовать начало вовлечения в хозяйственно-бытовую деятельность и гендерную социализацию, что, вероятно, фиксируется появлением в инвентаре предметов труда (пряслица).

Возраст 12–13 лет являлся ключевым порогом взросления, связанным, судя по появлению полноценного оружия и травматизму в антропологических материалах, с прохождением воинской инициации и обретением нового социального статуса полноправного члена общины.

Литература

1. Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А. [и др.] Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015.

2. Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: в 2-х кн. Кн. 1: Восхождение на гору Сумеру. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993.

3. Клепиков В.М. Погребальная обрядность в раннесарматское время // Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. С. 18–48.

4. Клепиков В.М. Половозрастной анализ и моделирование социальной структуры раннесарматского общества // Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2014. С. 283–287.

5. Коробкова Е.А. Ритуал и традиция погребального обряда сарматского общества: этноархеологический аспект // Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. С. 230–246.

6. Мамонтов В.И. Волгоградская археология родилась в ВГПИ // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 9(63). С. 142–145.

7. Мамонтов В.И. Древнее население Левобережья Дона: (По материалам кург. могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000.

8. Перерва Е.В. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I вв. до н. э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 5(35). С. 53–66.

ALISA SEMENOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE MARKERS OF TRANSITIONAL RITES OF CHILDHOOD IN THE EARLY SARMATIAN SOCIETY (on the basis of the Pervomaysky VII burial ground)

The methodological issue of studying the transitional rites of childhood in the early Sarmatian society is considered on the basis of the materials of child's burials of the Pervomaysky VII burial ground. The analysis of funeral set allowed to reveal three key age stages: up to 5 years, 5–12 years and over 12 years. There is emphasized the interpretation of funeral set as the marker of changing the social status within these periods.

Keywords: *early Sarmatian society, initiation, transitional rite, Pervomaysky VII burial ground, child's burial, socialization.*

© Семенова А.В., 2026

УДК 902/904

Е.А. СКВОРЦОВА
(flattershy2016@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЖИВОТНЫХ НА ПРЕДМЕТАХ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЮГА РОССИИ (Подонье, Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье)*

Статья посвящена анализу художественного оформления изображений животных на предметах сарматского зооморфного (звериного) стиля – одного из наиболее значимых элементов материальной культуры кочевого мира. Основное внимание в исследовании уделено в рассмотрении материалов и технических приемов, применявшихся при создании образов различных групп животных: хищников, травоядных, птиц, змей и фантастических существ. Автор делает вывод о тесной связи между иконографическим типом животного и набором художественных средств, использованных для его воплощения.

Ключевые слова: *животные, зооморфный стиль, полудрагоценные камни, оформление, цветная паста, орнамент.*

Сарматский зооморфный (или же звериный) стиль является одним из наиболее популярных среди кочевого мира. Изображения животных встречаются на предметах быта, оружии и украшениях. Особое значение имеют позы, в которых представлены животные. Однако, отдельный интерес вызывает оформление зооморфных сарматских изображений. Декор предметов, происходящих из погребальных комплексов, является не только художественным феноменом, но и важнейшим историческим источником, отражающим этнокультурные процессы, социальную дифференциацию и эволюцию мировоззренческих взглядов сарматских племен. Актуальность исследования художественного оформления зооморфных изображений обусловлена необходимостью систематизации накопленного археологического материала и уточнения хронологических рамок трансформации звериного стиля в сарматскую эпоху. В отличие от классического скифского искусства, сарматский анимализм демонстрирует сложную динамику: от ранних форм, тяготеющих к синкретизму и схематизации, до расцвета полихромного стиля и последующей геометризации образов в позднесарматский период.

Изучение зооморфных изображений на предметах из сарматских погребений имеет давнюю традицию, в ходе которой фокус исследователей смещался от простого описания находок к глубокому стилистическому и семантическому анализу.

Начало научного осмысления сарматского зооморфного стиля связано с именем М.И. Ростовцева [6]. Он первым выделил специфические черты сарматского декоративного искусства, обозначив его как связующее звено между «звериным стилем» скифской эпохи и средневековой полихромией. М.И. Ростовцев подчеркивал сильное влияние иранского мира и эллинистических традиций на формирование художественного языка кочевников.

Фундаментальный вклад в систематизацию сарматских древностей внес К.Ф. Смирнов [8]. В его работах зооморфные изображения рассматривались как важный хронологический индикатор. К.Ф. Смирнов детально проанализировал эволюцию образов в прохоровской культуре, отметив постепенную схематизацию и уход от реализма, характерного для скифов. Вопросы происхождения и развития «звериного стиля» в сарматское время получили освещение в трудах М.И. Артамонова [1], который акцентировал внимание на преемственности художественных канонов и их трансформации под воздействием новых социально-экономических условий.

Особого внимания в рамках изучения данной темы заслуживают исследования И.П. Засецкой [3], которые стали классическими в области анализа полихромных изделий. Она предложила типологию

* Работа выполнена под руководством Гущиной А.А., ст. лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова, ст. преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Скворцова Е.А., 2026

зооморфных образов для среднесарматского периода, связав их расцвет с мощным притоком восточных (центральноазиатских) импульсов. Параллельно с этим А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова [4] и А.С. Скрипкин [7], в рамках изучения сарматских культур Поволжья и Приуралья, уделяли внимание локальным особенностям оформления предметов, отмечая связь между зооморфным декором и социальной иерархией общества.

В последние десятилетия дискуссия вокруг сарматского анимализма приобрела новые направления. Работы В.И. Мордвинцевой [5] ставят под сомнение существование единого «сарматского звериного стиля» как замкнутой системы, предлагая рассматривать зооморфные изделия как продукт работы различных ювелирных центров (античных, боспорских, восточных), выполнявших заказы для кочевой элиты.

Так, целью настоящей статьи является проанализировать и выявить материалы и технику изготовления, а также способы украшения изображений различных групп животных (хищники, змеи и драконы, травоядные животные, птицы, и фантастические животные) на предметах из сарматских погребений.

Хищники. Отдельные детали в изображениях хищников нередко подчеркнуты голубой пастой (пантеры на флаконах из кургана Хохлач [3, с. 51]). Вставки полудрагоценных камней в большинстве случаев не сохранились, но среди дошедших до нас наиболее популярны бирюза и коралл (волки на гривне из кургана Хохлач [Там же]). Тела животных для более детального обозначения шерсти оформлены короткими поперечными бороздками (пантера на бляшках из ст. Тифлисской [3, с. 49]), косыми параллельными линиями (пантера или лев (?), на малых фаларах из кургана 28 у ст. Жутово [Там же]), пересекающимися параллельными и волнистыми линиями (лев – скульптурная фигура из кургана Хохлач [3, с. 50]), а также использованы орнаменты в виде ёлочки (пантеры на фаларах из кургана 28 у ст. Жутово [3, с. 51]) и веревочки (крылатые пантеры на гривне из Ногайчинского кургана [Там же]). Фигуры и изображения хищников встречаются на фаларах и бляшках, немного реже в виде ручек кубков.

Фантастические животные. У данной категории животных отдельные части тела оформлялись серо-голубой (грифон на пряжке из Никольского могильника [3, с. 53]), голубой, зеленой (змей с волчьей головой (2 фигуры) на пластинах из кургана Хапры [Там же, с. 54]) и серой пастой. Среди вставок полудрагоценных камней здесь встречается глухое стекло голубоватого сиреневого и синего цвета и цвета золотистого топаза (грифон на бляшках из кургана у ст. Ладожской [Там же, с. 53], змей с волчьей головой (2 фигуры) на пластинах из кургана Хапры [Там же, с. 54]), бирюза, коралл, сердолик и гранат (грифоны на браслетах из Кобяковского кургана [Там же, с. 55], фантастические птицы – грифоны (?) на ножнах кинжала из кургана Дачи [3, с. 57]). В качестве обработки металла и оформления здесь можно выделить орнаментальные изогнутые полосы, рубчатый орнамент, косые и поперечные бороздки, рисунки из пересекающихся линий, рельефный орнамент из свисающих волнистых граней (фантастические крылатые существа с телом кошачьего хищника и головой неопределенного животного на фризах гривны Ногайчинского кургана [Там же]), а также орнаменты в виде ёлочки, веревочки и плетенки. Для того, чтобы придать изображениям наиболее правдоподобный вид, использованы рельефные валики. Данная категория животных широко распространена на флаконах и фаларах.

Травоядные животные. Для них характерна голубая (в разных оттенках), бирюзовая (пятнистые олени (лани) – две фигуры и две протомы на браслете из кургана Дачи [3, с. 59]) и серовато-голубая паста. Наиболее часто встречающиеся полудрагоценные камни: бирюза, коралл, стекло желтого цвета, гранат, сердолик, смальта. Фигуры животных оформлены орнаментом в виде веревочки, рубчатых поясков, а также мелкой штриховкой, вертикальными углубленными линиями, бороздками и S-видными завитками (верблюд на навершии кинжала из кургана Дачи [Там же]). В качестве орнамента встречаются и геометрические фигуры. Чаще присутствуют на бляшках, фаларах, реже на браслетах и диадемах.

Образы птицы, змеи и дракона являются наиболее чуждыми и редко встречающимися образами в сарматском зверином стиле, однако, их черты могут прослеживаться в других животных.

© Скворцова Е.А., 2026

Птицы. В оформлении здесь имеют широкое распространение: бирюза, коралл, темное стекло. Некоторые вставки отмечены серо-голубой пастой. Для более точного изображения оперения использованы чешуйчатый гравированный орнамент (две пары птиц, расположенных симметрично на верхнем крае боковых пластин новочерскасской диадемы [3, с. 93]) и вертикальные полоски из косых и поперечных бороздок. Изображения птиц чаще всего встречаются в виде подвесок и на диадемах.

Змей и дракон. Для изображений змей характерно использование вставок зеленоватого глухого стекла, коралла и альмандина (мифический змей на декоративных поясных пластинах из могильника Хапры [Там же, с. 94]). Образы дракона чаще всего оформлены бирюзовыми, сердоликовыми и коралловыми вставками. Встречается стеклянная паста. Здесь встречаются следующие орнаменты: графический чешуйчатый орнамент, рельефные валики с поперечными бороздками, орнамент штриховки и мелких черточек, орнамент в виде веревочки.

Таким образом, проведенный анализ художественно-технологических особенностей сарматского звериного стиля позволяет сделать вывод о том, что для каждой группы зооморфных образов характерен свой устойчивый набор материалов и орнаментальных техник, но несмотря на это, у разных групп животных есть и схожие черты в оформлении. Использование широкого спектра материалов – от натуральных минералов (бирюза, гранат, сердолик) до продуктов сложного ремесленного производства (смальта, цветные пасты, глухое стекло) – свидетельствует о высоком уровне развития ювелирного дела и развитых торговых связях сарматских племен. Выявлено, что образы птиц, змей и драконов, являясь менее типичными для сарматского искусства, тем не менее имели четкую регламентацию в оформлении (например, чешуйчатый орнамент для имитации оперения или чешуи), что указывает на формирование определенного художественного канона даже для заимствованных или редких мотивов.

Литература

1. Артамонов М.И., Жебелев С.А. Сарматы и меоты. Звериный стиль // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Кн. 1–2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 239–244.
2. Бакушев М.А. Подвески-амулеты, изображающие животных с территории Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2(70). С. 119–126.
3. Засецкая И.П. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Симферополь: ООО «Антиква», 2019.
4. Мелюков А.И., Мошкова М.Г. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
5. Мордвинцева В.И. О содержании термина «сарматский полихромно-бирюзовый звериный стиль» // Материалы по археологии Волго-Донских степей. 2001. Вып. 1. С. 220–223.
6. Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1929.
7. Скрипкин А.С. Сарматы и Восток: избранные труды. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2010.
8. Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 74–89.

EKATERINA SKVORTSOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE PECULIARITIES OF DESIGN OF ANIMAL IMAGES AT THE SUBJECTS FROM THE SARMATIAN BURIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA (the Don region, the low Volga region and the north Black Sea region)

The article deals with the analysis of artistic design of animals' images at the subjects of the Sarmatian zoomorphic (animal) style – one of the most significant elements of material culture of the nomadic world. There is emphasized the consideration of materials and technical devices, used in the process of creation of different groups of animals: predators, vegetarians, birds, snakes and aerial creatures. The author concludes about the close link between the iconographic type of animal and the set of artistic means, used for its implementation

Keywords: *animals, zoomorphic style, semiprecious stones, design, colored paste, ornament.*

© Скворцова Е.А., 2026

УДК 94

А.В. СОКОЛОВА
(demidova0621@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА ВОЛЖСКОГО В 1950-Е ГОДЫ*

Исследуется развитие социальной инфраструктуры города Волжского в 1950-е годы – период становления нового города при крупнейшей стройке коммунизма. Дается оценка и анализ качественных и количественных показателей складывания основных элементов социальной инфраструктуры: темпов развития города, численности и состава населения, жилищной обеспеченности, озеленения, досуга, здравоохранения, культурной составляющей, образования и т. д. На основе полученных данных делается вывод о повседневной жизни жителей города Волжского.

Ключевые слова: *Волжский, 1950-е, появление новых городов, социальная инфраструктура, культурная жизнь, досуг, жилище, история быта, история повседневности.*

Одним из перспективных направлений исторических исследований, имеющих междисциплинарный характер, является история повседневности. Это история страны «снизу», «микроистория». Особенно актуальна она для 1950-х гг., когда страна находилась в тяжелом поствоенном состоянии, но параллельно с этим стремилась к развитию новых наукоемких отраслей. В тесной связи с «историей повседневности» находится такое понятие, как социальная инфраструктура. Именно оно позволяет во многом охарактеризовать основные тенденции повседневной жизни жителей города.

Цель исследования – рассмотреть и охарактеризовать основные черты становления социальной структуры в городе Волжском в 1950-е годы.

Город Волжский возник на левом берегу Волги благодаря стройке Сталинградской ГЭС в 1950-е гг. При этом, стройка оказалась достаточно быстрой – 31 августа 1950 гг. было опубликовано в газете «Правда» постановление Правительство СССР «О строительстве Сталинградской гидроэлектростанции на р. Волге, об орошении и обводнении районов Прикаспия» [9, с. 13], а уже в 1952 г. территория расселения рабочих преобразована в поселок Волжский [Там же, с. 38] и спустя два года поселок Волжский преобразован в город областного подчинения [Там же, с. 67]. При этом, планировалось дальнейшее расширение города – в плане 1953–1954 г., выполняя схему районной планировки, архитекторы института «Гипрогор» рассчитывали на население города в 150000 человек [7, с. 83].

Однако несмотря на крайне быстрые темпы развития города, строители старались поддерживать комфортный уровень жизни, а также создавать основу для будущего процветания города. По словам историка А.А. Рогозина: «в начале 50-х годов большинство советских людей жило как бы в двух слоях, в двух измерениях. Нижнее измерение – плохо устроенный быт, плохое питание, скученность, жесткий идеологический прессинг. Верхнее – почти каждый человек ощущал мощь и значимость своей страны, ее победные шаги на мировой арене» [3, с. 109].

Этим и объясняется выбор темы – помимо бытовых условий существования города необходимо рассмотреть и то прекрасное, те объекты культуры, искусства и досуга, которые становились частью жизни первостроителей в 1950-е гг.

Однако, прежде чем рассматривать основные моменты необходимо коснуться численности населения города в указанный период. Уже было указано, что по изначальному плану «Гипрогор» население города должно было составлять 150000 человек [7, с. 83]. Также стоит сказать, что эту черту город Волжский достиг уже в начале 1970-х [2]. При этом, за период 1950-х численность населения росла крайне активно: за период с 1952 по 1959 гг. население города Волжского увеличилось с 10 тыс. до 67 тыс. человек. Это позволило городу переместиться с десятого на второе место среди крупнейших городов Волгоградской области [12].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Соколова А.В., 2026

При этом, состав населения сложно назвать однозначным. На стройку назначались крупные специалисты, а также массово отправлялись вчерашние студенты и комсомольцы. В поисках дополнительной рабочей силы вербовались бывшие студенты и рабочие по всему СССР: только в 1953 г. 72 уполномоченных были отправлены по разным областям СССР [9, с. 56]. С 1950 по 1953 г. на стройке также находилось большое количество заключенных. Они позволяли не испытывать недостатка в рабочей силе на стройке, а также сами обеспечивали себе место проживания в лагерях [Там же, с. 22].

При этом, в первые годы стройки население города оставалось преимущественно мужским. Семейные строители не желали брать жен и детей на стройку, где еще не существовало должного количества мест для расселения. Среди воспоминаний Р. Дорогова, первого летописца города Волжского, можно встретить упоминание диалога между рабочим Горкиным и Ф.Г. Логиновым. В ней рабочий жалуется: «куда же их тащить сюда, в неразбериху, сами по углам разместились, а их куда?». На что Ф.Г. Логинов призывает привозить на стройку жен и детей, обещая в первую очередь дать жилье семейным, а также в скором времени построить ясли [6, с. 129]. Эта история, оформленная Р. Дороговым в литературную повесть, отражает реальное положение дел в городе в 1950-е: количество мужского населения превалировало над женским.

Причина подобного положение объяснялось жилищной проблемой, с которой сталкивались первостроители. Именно она оставалась наиболее острой на момент 1950-х г. Первые строители, высадившиеся на левый берег Волги, столкнулись лишь с разрушенными домами, оставшимися от поселка Безродного и безжизненной степью [Там же, с. 11–12]. Затем на протяжении с 1950 по 1955 г. средняя цифра ввода жилых домов колебалась от 32 до 66 тыс. квадратных метров [9, с. 29, 38, 59]. Сильно усилились темпы введения жилых домов после того, как в городе впервые в СССР стали применять технологию строительства из керамзито-бетонных блоков в 1956 г. [Там же, с. 119].

Однако даже подобных темпов роста строительства было недостаточно для того, чтобы решить жилищную проблему. Власть же предполагала разные пути решения данной ситуации: часть строителей проживала в Сталинграде, но были вынуждены ежедневно совершать перемещение по канатному мосту [15, с. 25], другая часть рабочих – могла получить землю и построить дом на территории современного поселка Рабочий, получив льготный кредит на строительные материалы [7, с. 50–51]. Существуют и исключительные случаи, к примеру, работники первых в городе яслей в течении нескольких лет проживали в подвале детского сада вместе с семьями [5].

Также была отстроена территория на острове Зеленом, так были построены временные общежития, а также сделана первая инфраструктура: школа, поликлиника, кинотеатр, молодежный клуб и колхозный рынок. Это решение было продиктовано тем, что на этой территории предполагалось создать «времянки», которые смогут расселить всех новых рабочий, приезжающих на стройку. В то время как будущий город стали застраивать капитальными кирпичными домами, которые стоят по сей день [Там же, с. 89–90].

Однако, несмотря на то что эта территория была временной, на ней все равно активно занимались благоустройством. Лишь за 1952 г. на территории острове появилось 12 тысяч квадратных метров жилой площади [9, с. 38]. Благодаря реке, которая окружала остров, было возможно быстро решить вопрос озеленения. При этом, с будущей территорией города ситуация была намного тяжелее. По воспоминаниям Р. Дорогова, впервые высадившись на левый берег Волги, строителей встретила только «ровная безжизненная земля» [5, с. 12]. Таким образом, вопрос о озеленении города Волжского стоял среди первостроителей очень остро.

Уже 12 апреля 1951 г. началось озеленение еще не существующих улиц и кварталов [9, с. 28]. Сначала по степи двигались топографы, затем озеленители и лишь позже на эту территорию приходили строители [3, с. 90]. Особенная роль отдавалась будущему городскому парку, который предполагалось разместить на площади 12,5 Га. Также уже в первые годы в парке был установлен ансамбль скульптур, а также ротонда [7, с. 172–173].

© Соколова А.В., 2026

Сохранилась уникальная история, связанная с начальным этапом засаживания парка. Зимой 1951–1952 гг. наблюдались заморозки, которые вымораживали корни неокрепших деревьев. Первостроители в подобном случае пришли к неожиданному решению – они организовали зимний полив парка, которые закрыл трещины в земле льдом и спас тем самым парк [7, с. 57].

Также уже 1 мая 1955 г. в ход был пущен стадион «Энергия». При этом, строительство стадиона, начавшееся в 1951 г. с большим объемом государственных средств, заканчивалось уже в совсем других условиях. Ф.Г. Логинов в 1954 г. был отправлен в Москву на должность министра строительства электространций, а стройку пришлось завершать методом народной стройки, во главе которой выступили комсомольцы. Тем не менее, в поселке, на тот момент даже не имеющем статус города, уже присутствовал закрытый бассейн и стадион на 7 тысяч мест [11].

Однако для поддержания здоровья среди первостроителей необходимо было организовать систему медицинской помощи. Изначально, специалисты, прибывшие на стройку, могли воспользоваться лишь медучреждениями в Среднеахтубинском районе. Осталось в истории имя первого врача, который начал работу в 1951 г. в поселке Деревянном. Ей стала Мария Киркорова, которая и открыла спустя полгода первую поликлинику. В августе 1952 г. также были открыты СЭС и противомалярийная станция. Первая поликлиника насчитывала два отделения: терапевтическое и хирургическое, которые были рассчитаны на 25 человек [4]. Уже с 1953 г. на 30000 людей, проживающих в городе, приходилось 350 медицинских специалистов, в том числе – 70 врачей [9, с. 80].

Особое внимание среди здравоохранения уделялось борьбе с инфекциями – раз в неделю исследовали воду на холерный вибрион, проводили лекции среди строителей о запрете пить сырую воду из открытых источников. Основной проблемой, с которой активно боролись, стал бруцеллёз, который удалось искоренить лишь путем вакцинации [4].

Не упускали из вида также вопрос образования среди переселенцев. Первая школа появилась в поселке в 1952 г. и была рассчитана на 440 мест (до этого дети посещали школу в Средней Ахтубе). Она представляла собой двухэтажное кирпичное здание, которое в данный момент занимают мировые судьи [9, с. 39]. Однако большее внимание уделялась дошкольным организациям, которые в 1953 г. насчитывалось уже 4, а суммарно они могли разместить более 1000 детей.

Не забывали также об образовании среди рабочих, первая библиотека появилась еще в 1951 г. и насчитывала 17450 книг, переданных из Московских институтов преимущественно по техническим темам. В этом же году было обучено вторым профессиям 433 человека, но образование еще проходило в гидротехникуме в Сталинграде [Там же, с. 32]. На следующий год началось строительство гидротехникума в поселке Волжском, а также появилась вечерняя школа рабочей молодежи [Там же, с. 39].

На протяжении 1950-х образовательная система активно складывалась. К 1955 г. в городе насчитывалось 8 образовательных учреждений, в которых училось 85 классов. К 1957 г. насчитывалось 7 дошкольных учреждений, а также два готовилось сдать уже в следующем году. В 1952 г. был открыт филиал Сталинградского гидротехнического техника, который вмещал 1200 учащихся и общежития, а также отдельные дома для преподавательского состава [10].

К городу Волжскому было приковано внимание всей страны. О нем писали в газетах и говорили по радио, но также уже в 1951 г. у поселка появилась своя газета «Стройка коммунизма». В ней писали не только о событиях мира, но и освещали то, что происходит на стройке и в городе. К примеру, в выпуске от 29 сентября 1951 г. было сказано о новаторства производства В. Борисова, который за 16 рабочих дней вынул 17400 кубометров грунта [8].

Однако помимо стройки, бытовых моментов было еще что-то, что составляло жизнь жителей города. Это их времяпрепровождения, культурные составляющие и их семейная жизнь.

Уже в 1957 г. в городе Волжском нашло свое счастье около четырех тысяч юношей и девушек, а количество детей в молодых семья уже составляло более шести тысяч [10]. В подобном случае под ЗАГС не успели построить свое здание, на сорок лет разместив его в здании, предназначенном под магазин. Именно в этом здании 16 февраля 1953 г. была зарегистрирована запись № 1 – распи-

© Соколова А.В., 2026

сывались рабочие Иван Шувалов и Екатерина Табельникова, свидетельство же о рождении с номером 1 было выдано новорожденному Славе Моисееву.

Большое внимание уделялось времяпрепровождению граждан. К примеру, уже в 1951 г. в городе был сыгран первый концерт [9, с. 32]. В 1953 г. открылся парк культуры и отдыха, который в современное время носит название «Гидростроитель». В 1954 г. была проведена первая городская комсомольская конференция. В этом же году – первый стационарный кинотеатр, а также рядом с парком был открыт Дворец культуры гидростроителей. В 1956 г. – первая музыкальная школа, а через год – зимний плавательный бассейн [8, с. 120].

Это все лишь хронологические заметки, но за каждым этим событием стоит непосредственное улучшение жизни рабочих, прибывших на стройку.

При этом, к стройке века было приковано внимание всей страны. Количество гостей, посетивших стройку, поражает даже современного жителя города. В 1955 г. город посетила индийская делегация во главе с Джавахарлалом Неру, а через год на стройке побывал Иосип Броз Тито, которому экскурсию проводил лично Н.С. Хрущев. Также из известных гостей можно выделить лидера Ирана, вьетнамский лидер Хо Ши Мин [15, с. 62]. Позже в городе побывают Константин Симонов, Фидель Кастро и много других знаменитых личностей.

Таким образом, возможно выделить некоторые особенности повседневной жизни жителей города Волжского в 1950-е гг. Прежде всего, характерной чертой являлся достаточно низкий уровень состояния социальной инфраструктуры в начале 1950-х годов, а затем – крайне быстрая изменчивость основных элементов быта первостроителей, динамичность их повседневной жизни.

Также характерной чертой можно назвать крайне развитую культурную жизнь города, которая давала первостроителям основу для всестороннего развития и позволяла быстро сложиться собственной культуре в поселении, которое не так давно представляло из себя пустую степь. Этим можно объяснить и их вовлеченность в вопросы социальной обустроенности: история стадиона «Энергия» доказывает, что важнейшим элементом процветания города являлась не сама стройка, а люди, приехавшие на нее.

В заключение важно сказать, что данное исследование позволяет комплексно рассмотреть основные элементы социальной инфраструктуры города Волжского в 1950-е гг., создав базу для детального рассмотрения отдельных элементов в дальнейших исследованиях.

Литература

1. Бахтина А. В Волжском 68 лет назад открылся дворец бракосочетания // Блокнот. [Электронный ресурс]. URL: https://bloknot-volzhsky.ru/news/v-volzhskom-68-let-nazad-otkrylsya-dvorets-brakoso-1314027?ysclid=mkjjvpvbjd884663201 (дата обращения: 20.12.2025).

2. Дмитриева Л.А. «Мы на край земли придем, мы заложим первый дом»: первостроители Волжского жили в палатках и мечтали о благоустроенном городе // Волжская Правда. 24.12.2023.

3. Дмитриева Л.А. Вехи большого пути: как начиналось здравоохранение Волжского // Волжская Правда. 20.04.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://gazeta-vp.ru/kak-nachinalos-zdravoohranenie-volzhskogo/?ysclid=mkjjogu2uq102140506 (дата обращения: 04.01.2026).

4. Дмитриева Л.А. Жилья не хватало, но школы и детсады строили: как в Волжском создавалась сфера соцкультбыта // Волжская Правда. 23.06.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://gazeta-vp.ru/kak-v-volzhskom-sozdavalas-sfera-soczkultbyta/?ysclid=mkjjpftbco929368378 (дата обращения: 20.12.2025)

5. Дмитриева Л.А. Ореховый шкаф и ковёр с оленями: как жили, о чем мечтали первостроители Волжского // Волжская Правда. 04.08.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://gazeta-vp.ru/o-byte-pervostroitelej-v-volzhskom/?utm_source=vk (дата обращения: 02.01.2026).

6. Дорогов Р.М., Злобин А.П. Город на главное улице. М.: Профиздат, 1975.

7. История и культурное наследие Волжского (1954–2004). Волгоград: Изд-во «Панорама», 2007.

8. Калашников Н. Успех Виктора Борисова // Стройка коммунизма. 1951. 29 сент. С. 1.

9. Конин И. Сталинградгидрострой 1950–1961 (время, события, люди). Волжский: Изд-во Волжского института строительства и технологий (филиала) ВолгГАСУ, 2009.

10. Поплавская О. Маленькая хозяйка Дома счастья // Волгоградская Правда. 17.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://vpravda.ru/obshchestvo/malenkaya-hozyayka-doma-schastya-26097/ (дата обращения: 20.12.2025).

11. Рогозин А.А. Гидростроитель Федор Логинов (Судьба в контексте эпохи): моногр. Волгоград: ВолгГАСУ, 2014.

© Соколова А.В., 2026

12. Сущий С.Я. Городская система Волгоградской области: демографические тренды последней трети XX – начала XXI века // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 2. С. 97–109.
13. Сысоев Д.П. Волжский. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1974.
14. Томская Е. История Волжского: за что Логинов третьего «строгача» получил // Волжская Правда. 29.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://gazeta-vp.ru/istoriya-volzhskogo-za-chto-loginov-tretego-strogacha-poluchil/?ysclid=mkjjn35suh518821782 (дата обращения: 02.01.2026).
15. Чиликин М. Строители и гости. Сборник. Волжский: Издат. дом «Кнауб», 2004.

ALINA SOKOLOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE OF VOLZHSKIY IN THE 1950S

The development of social infrastructure of Volzhskiy in the 1950s – the period of establishment of new city during the largest construction project of communism is studied. There are given the evaluation and analysis of qualitative and quantitative factors of formation of basic elements of social infrastructure: the rates of city's development, population size and composition, housing provision, landscaping, leisure, healthcare, cultural component, education, etc. On the basis of the acquired data there is concluded about the everyday life of the citizens of Volzhskiy.

Keywords: *Volzhskiy, 1950s, emergence of new cities, social infrastructure, cultural life, leisure, dwelling, living history, history of everyday life.*

© Соколова А.В., 2026

УДК 902

А.А. ХОХЛОВА
(khokhlova1706@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

КЕРАМИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIII–XIV ВВ.: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА*

Рассматривается значение керамики русского населения на территории Нижнего Поволжья в XIII–XIV вв. для изучения различных аспектов проживания русского населения Золотой Орды. Приводится историография изучения керамики русского населения Нижневолжского региона эпохи позднего Средневековья, включая дискуссионные вопросы и перспективы изучения древнерусской керамики данного региона в современной археологии.

Ключевые слова: *Золотая Орда, керамика, Алексеевское городище, Водянское городище, Укек, типология, группы.*

Одним из главных аспектов бытовой культуры на поселениях различных эпох является производство керамики. Группы керамики русского населения, изготовленной на городищах и селищах Нижней Волги, являются не только маркером пребывания выходцев из русских земель в Орде, но и позволяют сделать выводы о различных аспектах проживания русского населения Нижневолжского региона в XIII–XIV вв.

В середине XX в. русские поселения в Золотой Орде уже были известны археологам. Примером стал обнаруженный русский квартал средневекового Болгара (республика Татарстан). В Нижнем Поволжье впервые русскую керамику в среде поселенцев Золотой Орды выделила М.Д. Полубояринова [1, с. 126] в период археологических работ Поволжской археологической экспедиции на Водянском городище (1963 г.) и на Царевском городище (1964–1967 гг.) [10, с. 71]. Выявление русской керамики и её первичный анализ можно обозначить первым этапом процесса изучения керамики русских поселенцев в Золотой Орде. Критериями для выделения подобной керамики как средневековой русской стали «грубое тесто с примесью крупного песка», «плохой» обжиг [Там же] (восстановительный обжиг путём закупорки отверстий горна или бытовой печи) [5, с. 45], и «плохая сохранность фрагментов» [10, с. 71] (ломкость вследствие особенностей обжига). Позднее, на примере находок с Водянского городища 1967–1969 гг. специалист составила классификацию русской керамики на золотоордынском городище: около 4 тысяч черепков средневековой керамики были распределены на XII типов. Самыми распространёнными оказались типы I–IV (I – отогнутый наружу венчик с завёрнутым внутрь краем; II – шейка венчика без выраженного изгиба, вертикальная; III – с «широким плоским бортиком по краю» (устье венчика отогнуто наружу); IV – венчик слабо отогнут наружу) [9, с. 89–91]. Тогда были сделаны и первые выводы об особенностях производства русской керамики в Орде: по структуре глины черепки русской керамики с Водянского городища были аналогичны фрагментам керамики красноглиняной (т. н. «ордынской»), а различались лишь по составу примесей теста и режиму обжига [10, с. 87]. Это показало, что и русские гончары, и мастера нового золотоордынского города, использовали местную глину для производства. Выявить региональную принадлежность мастеров-гончаров по разработанной типологии на первом этапе не представилось возможным, но удалось установить, что керамический комплекс Водянского городища имеет сходство с подобными комплексами русских кварталов Болгара, городища Наровчат и с территории поселения Берёзовка в Поволжье. Сделанные выводы позволили М.Д. Полубояриновой выдвинуть гипотезу об однородности русской керамики конца XIII–XIV вв. в Поволжье вследствие однотипности этих памятников [Там же, с. 94–95]. Русский керамический комплекс поселения у с. Берёзовка на левом берегу р. Усы даже был определён как «более древний, чем посуда Водянского городища» [Там же, с. 110].

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Хохлова А.А., 2026

Далее был проведён подобный анализ с русской керамикой на территории золотоордынских селищ и городищ Среднего Поволжья. Присутствие русской керамики в культурных слоях золотоордынского Болгара констатировалось ещё с середины XX в., но впервые специальное исследование такой керамики Болгара провела также М.Д. Полубояринова [11, с. 35–57].

Для дальнейшего изучения русской керамики в Золотой Орде было необходимо расширить материальную базу источников и изучить материалы средневековой Руси. Одним из итогов таких исследований стало выявление на рубеже XX–XXI вв. В.Ю. Ковалем влияния Золотой Орды на керамический импорт и производство на территории самих древнерусских княжеств. Как отмечает исследователь, на всём протяжении золотоордынской эпохи (сер. XIII–XIV в.) значительно сократился ввоз византийской и булгарской керамики в земли русских княжеств, резко сократился импорт всех видов иранских изделий, но зато повсеместно на Руси появилась золотоордынская поливная посуда поволжского производства [3, с. 194]. Объём ввоза этой керамики был столь велик, что составил 4/5 всего керамического импорта на данном временном этапе и 75% всего импорта поливной восточной керамики на территории русских земель с X по XVII в. [Там же].

Рост импорта среди русской керамики на Руси говорит также и о том, что в XIV в. керамика ордынского производства могла активно использоваться и русскими поселенцами Золотой Орды. Об этом свидетельствуют некоторые региональные исследования о русском гончарном ремесле и импорте русской керамики на территории золотоордынских городищ. Подобные исследования можно выделить в рамках второго этапа изучения русских керамических комплексов на территории Золотой Орды.

На территории г. Саратов (Волжский район) в 1990-х гг. проводились исследования Алексеевского городища: в слое золотоордынского времени среди остатков двух средневековых русских построек исследователями были отмечены фрагменты русской керамики [12, с. 23], из которых были выделены три фрагмента донца с клеймами, в том числе клейма со «знаком Рюриковичей» [7, с. 217]. Русская керамика из раскопок А.И. Юдина (1998–1999 гг.) «значительно отличалась от болгарской по формам и составу керамического теста» [13, с. 196], как установили позднее, была орнаментирована волной и линией (данный орнамент встречается поровну на исследованных фрагментах), а среди найденных фрагментов керамики преобладали сосуды баночного типа, хотя была выделена и одна яркая находка – русская корчага [Там же]. Данный керамический комплекс исследователи отнесли к слою XIV в. по обнаруженному ранее фрагменту стенки чугунного котла, характерному для этого периода [14, с. 197]. Сравнительный анализ керамики Алексеевского городища с древнерусской керамикой Среднего Подонья (по типологии А.Д. Пряхина, А.З. Винникова и М.В. Цыбина) позволил автору раскопок А.И. Юдину выявить аналогичные черты форм сосудов, характерные для русской керамики Водянского городища [13, с. 58]. Во время раскопок средневекового поселения первой половины XIV в. у села Подгорное (Саратовская область) археологам удалось получить свыше 200 фрагментов русской керамики, которые были разбиты на VII типов по классификации типов венчиков [2, с. 186–187]. Было установлено, что I, III и IV типы керамики (I – с простым оформлением края венчика, III – образцы с «наплывом во внутрь» и заострёнными краями у венчика, IV – венчик отогнут наружу в виде козырька) [Там же, с. 186] были на городище ведущими, а их аналогии известны среди находок средневекового Суздаля и Москвы XIII–XIV вв. [Там же, с. 188].

Анализ керамических комплексов русского населения Золотой Орды на территории Нижневолжского региона провёл в начале XXI в. и Е.П. Мыськов.

В своей работе «Керамические комплексы русского посёлка и русского квартала Водянского городища» он проанализировал керамические комплексы выделенных им участков, заселённых русским населением на данном городище. В результате была прослежена тенденция о постепенном изменении состава керамических комплексов русского населения Водянского городища: в начале XIV в. жители русского посёлка в повседневном быту использовали посуду, изготовленную по традиционным русским технологиям, а в середине XIV в. уже «красноглиняная» керамика получила широкое распростра-

© Хохлова А.А., 2026

нение среди жителей русского квартала, хотя древнерусская (выполненная в традиционных для Руси технологиях) всё ещё использовалась в быту [8, с. 129]. Необходимо отметить, что в рамках исследований в тот период времени не был учтён факт, что традиции изготовления керамики могли быть разными (позднее исследователи выявят и «красноглиняную» русскую посуду).

В рамках современных проблем изучения древнерусской керамики поселенцев Золотой Орды (третий этап) можно выделить несколько направлений: изучение русской керамики в Болгаре под руководством В.Ю. Коваля [4], изучение кругом специалистов (Л.Ф. Недашковский, И.В. Волков, М.А. Изотова, М.Б. Шигапов и др.) керамики Увекского городища (в районе Саратова) и керамики селищ в его округе [9, 15]. Выделяется отдельно и работа с русской керамикой в рамках археологических экспедиций, в Нижнем Поволжье такие исследования известны, например, по материалам Водянского [6] и Царевского городищ (работы Н.И. Юдина) [13, 14].

Так, в ходе исследования массового керамического материала Болгара из раскопов 2014–2017 гг. было установлено, что в средневековом Болгаре ввоз русской керамики стал массовым только с началом золотоордынского времени, что могло свидетельствовать об иммиграции русского населения в Болгар в этот период [4, с. 247]. Из свыше 5000 фрагментов русской керамики 2725 (52,8%) составляла керамика Юго-Восточной и Северо-Восточной Руси [Там же], Верхневолжья (в частности, были встречены горшки с профилировкой, идентичной гончарам домонгольской Твери) [4, с. 248]. Среди импорта русской керамики М.Д. Полубояриновой была выделена белоглиняная и т. н. «сероглиняная» керамика. При дальнейших исследованиях В. Ю. Коваля было установлено, что подобная керамика в других городах Золотой Орды (в том числе и в Нижнем Поволжье) пока не была встречена, из чего следовало предположение о том, что русское население Твери, вероятно, в других городах Золотой Орды не проживало [Там же, с. 248–251].

Дальнейшее изучение керамики русского населения Золотой Орды (в рамках Нижневолжского региона) может пролить свет на особенности технологии изготовления русской посуды и происхождения определённых групп путём сравнительного анализа, синтеза и типологизации древнерусской керамики Нижневолжского региона по ряду отличительных признаков: 1 – составу теста (формовочной массы) и наличию/отсутствию в нём примесей, 2 – типу профилировки венчика сосуда, 3 – цвету глины готового изделия (после обжига). Важными являются также проблема изучения подобной керамики с территории золотоордынских селищ (в 2022 г. И.В. Волков в рамках изучения русской керамики Багаевского селища (округа Укека) выделил группы её импорта на памятнике) и атрибуция русской керамики на уже исследованных памятниках. Например, в приложении статьи про керамические комплексы Водянского городища были представлены отрисованные Е.П. Мыськовым образцы русской гончарной керамики, встреченные во время раскопок и исследований Водянского городища в 1992–2002 гг., даны схемы профилей венчиков. Это даёт исследователям возможность изучения керамики русского населения данного памятника не только в виде фиксации одного из типов основных ремёсел русского населения в Орде [12, с. 75–76], но и для дальнейшего включения русского керамического комплекса Водянского городища в классификацию русской средневековой керамики Нижнего Поволжья, что может пролить свет на новые аспекты жизни этого золотоордынского города и его населения.

Литература

1. Зеленеев Ю.А. К юбилею Марии Дмитриевны Полубояриновой // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 122–128.
2. Касанкин Г.И. Русская керамика с поселения Подгорное золотоордынского времени // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей: материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). (г. Саратов, 12–17 мая 1997 г.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. пед. ин-та, 1997. С. 185–188.
3. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII век / отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2010.
4. Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН, 2016.
5. Коваль В.Ю. Русская керамика в золотоордынском Болгаре // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф. (г. Саратов, 4–6 июня 2015 г.). Воронеж: ООО «Изд-во “Научная книга”», 2016, С. 245–262.

© Хохлова А.А., 2026

6. Лапшин А.С., Мыськов Е.П., Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2011.

7. Матюхина Ю.А. Новые находки русских вещей с памятников золотоордынского времени // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения И.В. Синицына. (Саратов, Энгельс, 14–18 мая 2000 г.). Саратов-Энгельс, 2000. С. 216–217.

8. Мыськов Е.П. Керамические комплексы русского посёлка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. 2002. № 5. С. 126–147.

9. Недашковский Л.Ф., Волков И.В., Шигапов М.Б. Древнерусская керамика с Багаевского селища // Археология Евразийских степей. 2025. № 3. С. 106–120.

10. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Изд-во «Наука», 1978.

11. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М.: Изд-во «Наука», 1993.

12. Хохлова А.А. К вопросу о русском ремесленном производстве и промыслах в городах Улуса Джучи (на примере Увекского, Водянского городищ и г. Азака) // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2022. № 6(47). С. 73–78. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh-vspu.ru/files/publics/1671796301.pdf (дата обращения: 25.05.2026).

13. Юдин А.И. Алексеевское городище в городе Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Вып. 4. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2001. С. 22–80.

14. Юдин А.И. Алексеевское городище: от средней бронзы до позднего Средневековья (по итогам исследований 1998–1999 гг.) // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения И.В. Синицына. (Саратов, Энгельс, 14–18 мая 2000 г.). Саратов-Энгельс, 2000. С. 194–197.

15. Яворская Л.В., Изотова М.А., Кубанкина О.А. К изучению сельской округи золотоордынского города Укек: результаты археологического и археозоологического исследований на поселении Широкий Буерак в 2021 году // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 300–317.

ANASTASIYA KHOKHLOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE CERAMICS OF THE ETHNIC RUSSIAN POPULATION OF THE LOWER VOLGA REGION OF THE XIII–XIVTH CENTURIES: THE ISSUE OF HISTORIOGRAPHY

The significance of ceramics of the ethnic Russian population at the territory of the Lower Volga region in the XIII–XIVth centuries for the study of different aspects of living arrangements of the ethnic Russian population of the Golden Horde is considered. There is given the historiography of studying the ceramics of the ethnic Russian population of the Lower Volga region of the epoch of the late Middle Ages, including the discussion questions and the prospects of studying the Old Russian ceramics of this region in modern Archeology.

Keywords: *the Golden Horde, ceramics, the Alekseevsky settlement, the Vodyanskoe settlement, Ukek, typology, groups.*

© Хохлова А.А., 2026